

MISS PETTIGREW
LIVES FOR A DAY
by
WINIFRED WATSON

Лондон, 30-е годы прошлого столетия. Своенравную мисс Гвиневеру Петтигрю уже который раз увольняют с должности гувернантки. Из-за ошибки сотрудницы в агентстве по трудоустройству женщина приходит по адресу и становится горничной, а затем и компаньонкой молодой актрисы. Взбалмошная нанимательница вводит Гвиневеру в блестящий театральный мир — и начинается такое! За один вечер мисс Петтигрю преобразается из серой мышки в даму из высшего света, примиряет рассорившуюся пару и безнадежно влюбляется. Словом — мисс Петтигрю живет одним днем! Впервые роман был опубликован в 1938 году, и впоследствии несколько раз переиздавался. В 2008 году по роману был снят одноименный фильм с Фрэнсис МакДорманд в главной роли, имевший успех в Англии, Австралии и США.

- [Винифред ВАТСОН](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [14](#)
 - [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Винифред ВАТСОН

*Мисс Петтигрю
живет одним днем*

Глава 1

9:15–11:11

Когда мисс Петтигрю открыла дверь агентства занятости и вошла внутрь, часы в холле пробили четверть десятого. Конечно, надежд у нее почти не оставалось, но сегодня начальница конторы встретила ее ободряющей улыбкой.

— Ах! Мисс Петтигрю. Думаю, у нас кое-что есть для вас сегодня. Вчера вечером прямо перед закрытием к нам обратились две леди. Дайте-ка посмотреть. О да! Миссис Хилари нужна горничная. Мисс Лафосс — гувернантка для ребенка. Хмм! Глядя на них, я бы решила, что наоборот. Нашла! Думаю, у нее племянница, или сирота под опекой или что-то в этом роде.

Она передала мисс Петтигрю карточку с адресом.

— Думаю, это подойдет больше. Мисс Лафосс, Особняки Онслоу, 5. Назначено ровно на десять сегодня утром. Желаю удачи.

— О, благодарю вас, — пролепетала мисс Петтигрю, почти теряя сознание от облегчения. Она крепко сжимала карточку в руке. — Я почти потеряла надежду. Немногие готовы воспользоваться услугами гувернантки в наши дни.

— Немногие, — согласилась мисс Холт, и когда дверь за мисс Петтигрю закрылась, добавила: — Надеюсь, я видела ее в последний раз.

Снаружи на тротуаре мисс Петтигрю едва заметно вздрогнула. Ноябрьское утро было серым и промозглым, холодный дождь, растворенный в тумане, висел в воздухе. Ее невзрачное пальто из уродливой коричневой ткани было слишком тонким. И она носила его уже пять лет. Звуки городского шума вернули ее к действительности. Пешеходы спешили добраться до своего места назначения и как можно быстрее укрыться от непогоды за дверьми домов и контор. Мисс Петтигрю, угловатая леди среднего возраста и роста, слишком худая из-за отсутствия хорошего питания, с робким и несколько затравленным взглядом, отважно вступила в людской поток. Впрочем, сейчас небезразличный наблюдатель заметил бы в ее глазах маленький огонек надежды, но во всем мире не было ни одного человека, кто помнил или беспокоился бы о мисс Петтигрю.

Мисс Петтигрю направилась к автобусной остановке. Она не могла позволить себе проезд, но еще меньше могла позволить упустить шанс получить работу из-за опоздания. Автобус сэкономил ей время, высадив в пяти минутах ходьбы от особняков Онслоу, и без семи минут десять она уже была около назначенного места.

Это был прекрасный, очень богатый и пугающий своим величием большой многоквартирный дом. Мисс Петтигрю всем своим существом почувствовала, какое жалкое впечатление производят здесь ее поношенная одежда и аристократизм, сильно полинявший после недельного пребывания в рабочем доме, и на мгновение утратила мужество. Минуту она стояла, не двигаясь. Она молилась про себя: «О, Боже! Прости, если я когда-либо раньше сомневалась в Твоей милости, и помоги мне сейчас». Она добавила с искренностью впервые исповедовавшегося человека: «Это мой последний шанс. Это знаю я, и знаешь Ты».

Потом она вошла внутрь. Портье в холле взглянул на нее вопросительно. Ей не хватило храбрости войти в лифт, и, поднявшись несколько пролетов по парадной лестнице, она оглянулась в поисках квартиры номер пять. На небольшой медной табличке на двери было указано имя мисс Лафосс. Мисс Петтигрю посмотрела на часы, унаследованные от матери,

подождала, пока стрелки не покажут ровно десять, и позвонила.

Ответа не последовало. Она позвонила снова. Подождала и позвонила еще раз. Как правило, она не была такой напористой, но страх придал ей мужество отчаяния. Она продолжала звонить снова и снова в течение пяти минут. Внезапно дверь распахнулась. На пороге стояла молодая женщина.

Мисс Петтигрю ахнула. Это создание было настолько прекрасно, словно только что сошло с киноэкрана. Золотистые вьющиеся волосы небрежно падали на лицо. Сонная нега еще таилась в глубине ее глаз, синих, как цветы горечавки. Очаровательные розы цели на юных щеках. Она была одета в нечто воздушное и пенистое, такой халат можно было увидеть только на самых известных звездах в сценах самого откровенного обольщения. Мисс Петтигрю отлично разбиралась в манерах и одежде молодых женщин на экране.

Единственной экстравагантностью, примиряющей ее с жалким и скучным существованием гувернантки, была еженедельная оргия в кинотеатре, где в течение двух часов она жила в заколдованном мире, населенном нежными красавицами, мужественными героями, очаровательными злодеями, великодушными работодателями, где не было ни кровожадных родителей, ни их ужасного потомства, которые мучили, дразнили и отравляли каждый час ее остальной жизни. В реальной жизни она не видела ни одной женщины, выходящей к завтраку в шелковом неглиже из атласа с кружевами. Но в кино все они поступали именно так. Теперь мисс Петтигрю не могла поверить, что видит одно из этих прекрасных созданий во плоти.

Но она тут же заметила испуг на лице молодой женщины. Несомненно, дверь ей открыли с тревогой и опасением. Впрочем, при виде мисс Петтигрю, это лицо просияло облегчением.

— Я пришла... — нервно начала мисс Петтигрю.

— Который час?

— В первый раз я позвонила ровно в десять. Вы ведь это время назначили мисс... мисс Лафосс? Звонила я в течении примерно пяти минут. Значит, сейчас пять минут одиннадцатого.

— Мой Бог!

Прекрасное создание развернулось и скрылось в комнате. Она не пригласила войти внутрь, но леди, лицом к лицу столкнувшись с нищетой, решила отринуть условности: мисс Петтигрю переступила порог и закрыла за собой дверь. «По крайней мере, я попрошу назначить собеседование» — подумала она.

Она увидела, как качнулась драпировка над противоположной дверью и услышала тревожный голос:

— Фил, Фил, ленивая ты псина. Вставай. Уже половина одиннадцатого.

«Склонна к преувеличению» — подумала мисс Петтигрю. — «Это не лучший пример для детей».

Теперь у нее появилось время оглядеться внимательнее. Блестящие подушки лежали на обтянутых блестящей тканью стульях и честерфильдовском диване. Толстый бархатный ковер странного футуристического дизайна украшал пол. Великолепные, захватывающие дух шторы драпировали окна. На стенах висели картины... не совсем приличные, решила мисс Петтигрю. Безделушки разнообразного цвета и формы украшали стол и каминную полку. Ничто здесь не соответствовало единому замыслу, но все сияло экзотичным блеском, от которого перехватывало дыхание.

«Это не может быть комната леди» — подумала мисс Петтигрю. — «Моя дорогая мама никогда бы не отделала свою комнату подобным образом».

И все же... да! Этот интерьер идеально подходил юному созданию, которое так внезапно исчезло в спальне.

Мисс Петтигрю бросила суровый взгляд на дверь, но к ее неодобрению примешивалось странное чувство волнения. В подобных декорациях должны были происходить странные вещи и события с удивительными героинями, живущими яркой, захватывающей, опасной жизнью.

Потрясенная неожиданным разгулом собственного воображения, мисс Петтигрю строго обуздала свои мысли и заставила их вернуться к стороне сугубо практической.

«Дети, — размышляла мисс Петтигрю. — Разве можно играть и обучать детей в комнате, похожей на эту? Они всю ее осквернят чернилами и грязными пятнами».

Из-за двери спальни до мисс Петтигрю доносились звуки разгорающейся ссоры. Приятный низкий мужской голос уговаривал:

— Возвращайся в постель.

А высокий голос мисс Лафосс спорил с ним:

— Нет, не могу. Я не желаю ждать, пока ты выспишься. Я уже встала, и мне нужно успеть переделать множество дел сегодня утром. Я не позволю тебе храпеть здесь по обеда, потому что мне нужно прибраться эту комнату.

Вскоре дверь отворилась, и мисс Лафосс появилась снова, преследуемая мужчиной в таком ярком и блестящем шелковом халате, что мисс Петтигрю несколько раз растерянно моргнула.

Она стояла у порога, опасливо сжимая дрожащими пальцами сумочку и ожидая строгого вопроса, что она, собственно, здесь делает? Горячая волна страха заставила ее немного вспотеть. Наверное, это было ее худшее интервью. Внезапно она с ужасом почувствовала себя неудачницей, побежденной еще до начала сражения. Такие люди, как эти... любые, способные дать ей работу... никогда больше не будут платить ей за ее услуги. Она стояла, со стоическим достоинством, ожидая увольнения.

Однако молодой человек посмотрел на нее ласково и без тени удивления.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — сказала мисс Петтигрю.

Она вдруг ощутила такую слабость в коленях, что была вынуждена опуститься на стул.

— Она и вас вытащила из постели чуть свет, а?

— Нет, — ответила мисс Петтигрю.

— Удивительно. Такое раннее утро, а вы уже полностью одеты.

— Уже 10:13, - серьезно сказала мисс Петтигрю.

— Ах! Ненавижу эти ночные кутежи. Мне обязательно нужно спать по ночам. Буду полумертвым весь день, если не высплюсь.

— Я тоже не спала всю ночь, — сообщила мисс Петтигрю, придя в легкое замешательство.

— Не устаю восхищаться женщинами.

Мисс Петтигрю слегка ободрилась. Кажется, этот маленький фейерверк остроумия давал ей надежду. Она внимательнее посмотрела на молодого человека. Щеголеватый, аккуратный, с быстрыми карими глазами и блестящими темными волосами. Крупный нос, полные губы и прямой взгляд говорили, что он не из тех, кто выкидывает грязные трюки за

спиной, и вполне может быть достаточно приятным, если люди постараются быть приятными с ним.

«И да, — подумала мисс Петтигрю. — Где-то в его родословной должен обнаружиться еврей. Или два».

Он произнес легко, не обращаясь ни к кому персонально:

— Ну, может быть вы в спешке и могли бы удовлетвориться апельсиновым соком, но я так не умею. Я ужасно голоден и мечтаю о завтраке.

— Завтрак? — выдохнула мисс Лафосс. — Завтрак! Попроси его у своей горничной. Я не умею готовить. Я даже яйца сварить не смогу.

— Терпеть не могу вареные яйца.

Глаза мисс Лафосс округлились, ее лицо приняло умоляющее выражение, когда она повернулась к мисс Петтигрю.

— Вы умеете готовить?

Мисс Петтигрю встала и с достоинством выпрямилась.

— Еще когда я была девочкой, — торжественно сказала она, — мой отец говорил, что я лучший повар из всех ему известных, после моей дорогой матушки, конечно.

Лицо мисс Лафосс озарилось искренним восторгом.

— Я так и знала. Я с первого взгляда поняла, что на вас можно положиться. Я не такая. Совсем ничего не умею. Кухня за этой дверью. Там вы найдете все, что нужно. Но надо спешить. Пожалуйста, поторопитесь.

Польщенная, растерянная, взволнованная мисс Петтигрю направилась к двери. Она знала, что на самом-то деле не является человеком, на которого можно положиться. Но, может быть, только потому, что до сих пор все вокруг принимали ее неадекватность как нечто само собой разумеющееся? Как нам открыть таящиеся в нас возможности? С гордо поднятым подбородком, сияющими глазами, колотящимся пульсом мисс Петтигрю вошла в кухню. За ее спиной мисс Лафосс решительно произнесла:

— Теперь ты, Фил, иди оденься и побрейся, чтобы быть готовым к завтраку. А я накрою на стол.

На кухне мисс Петтигрю огляделась. Здесь действительно было все необходимое, и даже больше. Облицованные плиткой стены, холодильник, электрическая духовка, наполненная до отказа кладовая, но... «О, как все неопратно, — подумала мисс Петтигрю. — Да, здесь давно не убирались. Здесь распоряжалась какая-то... профурсетка^[1]».

Она сняла пальто, шляпку и принялась за работу. Вскоре чудесный аромат жареной ветчины, яичницы и кофе наполнил воздух. Обнаружился даже электрический тостер. Румяные тосты дополнили картину изобилия. Она вернулась в комнату.

— Все готово, мисс Лафосс.

Лицо мисс Лафосс просияло улыбкой благодарности. Ее волосы уже были приглажены щеткой, губы слегка подцвечены кармином и немного румян добавили ее лицу цветущего очарования. Она по-прежнему была облачена в свое шелковое negligé и выглядела такой прелестной, что мисс Петтигрю невольно подумала: «Не удивительно, что Фил хотел снова затащить ее в постель», и тут же мучительно покраснела от стыда в ужасе при мысли, что подобная догадка могла коснуться ее девственного сознания. А потом... потом она подумала... мисс Лафосс... не может быть.

— Вот, — заботливо сказала мисс Лафосс. — Вы уже вся красная. Это из-за

приготовления пищи у горячей плиты. Вот почему я никогда не хотела учиться этому искусству. Оно просто разрушает кожу. Мне ужасно жаль.

— Все верно, — вежливо согласилась мисс Петтигрю, — но я уже достигла возраста, когда... цвет лица не имеет значения.

— Не имеет значения?! — повторила шокированная мисс Лафосс. — Внешность всегда имеет значение.

В комнату вернулся Фил. Теперь он был полностью одет и окольцован множеством перстней с блестящими камнями. Мисс Петтигрю слегка покачала головой. «Это дурной вкус, — подумала она. — Джентльмены никогда не одевают столько колец».

— Мой нос чует запах еды, а мой желудок говорит, что уже не в силах ждать. Боже, благослови этих женщин.

Мисс Петтигрю счастливо улыбнулась.

— Надеюсь, вам понравится.

— Конечно, понравится. Наша хозяйка совершенно бесполезная девчонка. Я рад, что у нее есть такие разумные подруги.

Он дружелюбно улыбнулся, и внезапно мисс Петтигрю решительно и смело призналась себе, что он ей нравится.

«Ну и пусть, — она была шокирована своим внезапным прозрением. — Мне все равно. Пусть он не совсем... утонченный. Но он добрый. И ему все равно, что я бедна и плохо одета. Я женщина, и потому он безупречно вежлив со мной».

Возможно, это произошло просто потому, что он разительно отличался от всех прочих мужчин, которых она когда-либо встречала. Он не был джентльменом, но в его веселых шутках было нечто такое, что внезапно позволило ей чувствовать себя с ним более комфортно и уверенно, чем со всеми вежливыми и любезными мужчинами в ее жизни вместе взятыми. Мисс Лафосс обратилась к ней:

— Я поставила прибор для вас. Даже если вы успели позавтракать, чашечка кофе всегда будет кстати в такое утро.

— О! — сказала мисс Петтигрю, тронутая до глубины души. — Как... как исключительно любезно с вашей стороны.

Ей вдруг захотелось заплакать, но она сдержалась. Она решительно подняла голову и авторитетно заявила:

— Теперь вы садитесь, а я подам завтрак. Все готово.

Фил откровенно наслаждался завтраком. Он не спеша съел грейпфрут, ветчину, яичницу, тост с мармеладом, фрукты. Затем удобнее откинулся в кресле и вытащил из кармана злодейского вида сигару.

— Простите великодушно, — извинился он перед мисс Петтигрю. — У меня нет сигарет предложить вам. Все собираюсь носить их с собой, и всегда забываю.

Мисс Петтигрю вздрогнула на своем стуле и слегка порозовела от смущения. Наверное, она выглядела не такой старой, как привыкла считать, раз этот молодой человек решил, что она может курить.

— Лучше бы ты вообще не курил эту гадость, — проворчала мисс Лафосс. — Запах от них ужасный.

— Сила привычки, — виновато сказал Фил. — Я покупал их, когда не мог позволить себе настоящие сигары, а теперь вот не могу отвыкнуть.

— Ну, что ж. У каждого свой вкус, — философски согласилась мисс Лафосс.

Вся эта нежная женская воркотня не могла скрыть от мисс Петтигрю того факта, что за очаровательной улыбкой мисс Лафосс скрывается крайней степени возбуждение. Вдруг мисс Лафосс вскочила на ноги и направилась к кухне.

— Надо принести еще кофе.

Мисс Петтигрю проследила за ней глазами. Она заметила, как та остановилась в дверях кухни и попыталась привлечь ее внимание отчаянными знаками. У мисс Петтигрю никогда в жизни не было возможности проявить актерский талант, но сейчас она выдала блестящее исполнение. Она поднялась на ноги и с материнской заботой в голосе произнесла:

— Лучше я схожу сама, пока она не вылила все на себя.

На кухне мисс Лафосс в отчаянии схватила ее за руки.

— Вы должны выпроводить его. Боже мой! Что мне делать? Вы должны выпроводить его отсюда прямо сейчас. Вы сможете сделать это так, чтобы он не догадался? Я уверена, у вас получится. Пожалуйста, пожалуйста, сделайте это для меня!

Она ломала руки в отчаянии, ее прекрасное лицо совсем побелело от волнения. На кухне разыгрывалась настоящая драма. Никто не мог противостоять просьбе мисс Лафосс, не говоря уже о мисс Петтигрю с ее чувствительным сердцем. Сострадание и сочувствие придали ей сил, хотя она и понятия не имела, что здесь происходит. Тем не менее, несмотря на легкое чувство вины перед симпатичным мистером Филом, мисс Петтигрю ощущала самое приятное и острое волнение, какое ей довелось испытать в своей жизни. «Вот, — подумала мисс Петтигрю, — это настоящая жизнь. Я никогда не жала прежде».

Но одного чувства жалости было недостаточно. Это милое дитя побуждало ее к действию. Никогда до сих пор мисс Петтигрю не сталкивалась с ситуацией, требующей такого тонкого политического такта. Что она должна сделать? Ее ум в панике обратился к опыту ее прошлой жизни. Что она могла почерпнуть в том опыте? Она вспомнила миссис Мортлеман из Голдерс Грин и ее ужасного мужа, которого она так ловко водила за нос. Если только... мисс Петтигрю почувствовала, как удивительная мощная уверенность наполняет ее жилы. Это красивое создание верило в нее. Она не подведет. Разве она не сможет несколько минут побыть миссис Мортлеман?

— Я ни разу в жизни не солгала сознательно, — сказала мисс Петтигрю, — разве что иногда недоговаривала. Но, думаю, лучше поздно, чем никогда.

— Он не должен догадаться, что этого хочу я. Вы уверены, что он не догадается?

— Он ничего не заподозрит.

Мисс Лафосс обняла мисс Петтигрю и поцеловала ее.

— О, моя дорогая! Как я смогу отблагодарить вас? О, спасибо, спасибо... вы уверены, что справитесь?

— Оставьте его мне, — решительно сказала мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс повернулась к двери. Спокойная, собранная, как полководец перед боем, мисс Петтигрю ласково напомнила ей:

— Вы забыли кофе.

Мисс Петтигрю наполнила кофейник, повернулась и пошла обратно в комнату. Ее сердце колотилось, щеки пылали, она чувствовала легкую слабость от волнения, но никогда не ощущала себя такой живой и веселой, как сейчас. Все шло по плану. Мисс Лафосс покорно следовала за ней.

Мисс Петтигрю села, налила еще одну чашку себе и мисс Лафосс и с дьявольским терпением ждала еще несколько минут. Это чудесное чувство уверенности не покидало ее.

Фил, казалось, заскучал. Наконец мисс Петтигрю заговорила. С нежной и обаятельно улыбкой она наклонилась вперед.

— Молодой человек, я занятая женщина, и мне предстоит обсудить с мисс Лафосс еще много разных вещей. Вы не сочтете меня грубой, если я попрошу вас оставить нас одних?

— Каких вещей?

Мисс Петтигрю была готова к этому вопросу.

— О! — сказала она с легким вздохом. — Кое-что... из женского гардероба.

— Прекрасно. Я все знаю о женском гардеробе.

— В теории, может быть, — с достоинством возразила мисс Петтигрю. — Но надеюсь, не на практике. Нас ждет примерка.

— Я не против поучиться.

— Вы шутите, вероятно, — строго сказала мисс Петтигрю.

— О'кей, — безропотно согласился Фил. — Я подожду в спальне.

Мисс Петтигрю с нежным укором покачала головой.

— Если хотите... но думаю, вам не понравится несколько часов сидеть в холодной спальне.

— Вы не можете обсуждать белье столько времени.

— У женщин есть и другие интересы.

— Разве мне нельзя о них услышать?

— Ни в коем случае, — твердо сказала мисс Петтигрю.

— Почему нет? Разве они недостаточно невинны для моих ушей?

Мисс Петтигрю встала и выпрямилась в полный рост.

— Я, — заявила мисс Петтигрю, — дочь священника.

Фил был подавлен.

— Годится, сестра. Вы победили. Я выкатываюсь.

«Плохо играет, — серьезно подумала мисс Петтигрю. — Слишком много ужимок из американских фильмов».

Она лично помогла ему надеть пальто. Все это время мисс Лафосс посылала ему выразительные взгляды, словно ей было неважно, уйдет он или останется, но ей приходится считаться со смешными понятиями о морали этой немолодой женщины. Один раз она даже подмигнула в сторону мисс Петтигрю. Мисс Петтигрю отметила этот новый и неприличный знак одобрения, придававший неожиданно пикантную ноту всему их заговору.

— Ну, прощай, детка, — сказал Фил. — Скоро увидимся.

Он притянул к себе мисс Лафосс и поцеловал так, словно его совсем не беспокоило, видит их мисс Петтигрю или нет. Конечно, он совершенно не беспокоился. Внезапно ослабев, мисс Петтигрю присела на стул.

«Ах, Боже мой! — Ее девственный разум отчаянно сопротивлялся увиденному. — Целуются... прямо передо мной. То есть... целуются так страстно. Так неблаговоспитанно».

Но ее предательское женское сердце взяло верх над разумом и полностью было на стороне мисс Лафосс, чье лицо не выражало ничего, кроме чистого и безмятежного удовольствия. И хотя Фил казался немного опьяневшим после поцелуя, которым мисс Лафосс наградила его с ответным рвением, он не забыл очень вежливо попрощаться с обеими дамами.

Последний поцелуй мисс Лафосс, последнее «прощайте» мисс Петтигрю — Фил открыл дверь и вышел.

Глава 2

11:11–11:35

Дверь за Филом захлопнулась, и этот звук в одно мгновение вернул взволнованную мисс Петтигрю из мира приключений, романтики и радости. Она вдруг снова почувствовала себя усталой и испуганной неудачницей. Ненадолго ей было дозволено заглянуть в мир романтических переживаний, но этот мир не имел ничего общего с ее настоящей жизнью. Теперь все страшные практические опасения ее повседневности вновь всплыли в ее мозгу. Она снова стала претендентом на место гувернантки, а мисс Лафосс ее возможным работодателем. Она никогда не узнает, кто такой Фил, чем он занимается, и почему мисс Лафосс так срочно хотела выставить его из своего дома, несмотря на то, что так откровенно наслаждалась его поцелуями.

Дрожащими пальцами она поправила сбившуюся прядь волос и приготовилась к неизменно ужасавшей ее проверке квалификации.

— О... — начала мисс Петтигрю, стараясь придать твердость своему голосу.

Мисс Лафосс бросилась к ней и схватила за руки.

— Вы спасли мне жизнь. Как мне отблагодарить вас! Вы спасли больше, чем жизнь. Вы спасли ситуацию. Без вас я бы совсем пропала. Я ни за что не смогла бы оторвать его от себя. Я в неоплатном долгу перед вами.

В сознании мисс Петтигрю всплыло суровое изречение: «Чтобы добиться успеха, нужно быть всегда готовым воспользоваться ситуацией».

Собрав остатки храбрости, она начала слабым голосом:

— Но вы можете...

Мисс Лафосс не слышала ее. Она начала говорить быстро и взволнованно, но мисс Петтигрю успела заметить искорки смеха в ее глазах, из чего сделала заключение, что ее дела не совсем безнадежны.

— Ваш пульс учащается при волнении? — спросила мисс Лафосс. — У вас хорошее зрение?

Пульс мисс Петтигрю именно сейчас был весьма учащен, но она подумала: «Одна ложь или две, какая разница?».

— У меня ровный пульс, — сказала мисс Петтигрю, — и прекрасное зрение.

— О! — произнесла мисс Лафосс с облегчением. — Я видела, что вы держитесь уверенно, но была слишком взволнована, чтобы сделать верные выводы. Знаете, как бывает в детективных романах. Вы уничтожили все улики, или думаете, что уничтожили, но детективы осматривают комнату и вдруг находят трубку или анализируют пепел и обнаруживают, что он от сигары, а затем говорят: «Ха! Так вы курите сигары, мисс?» И вы пропали.

— Понимаю, — задумчиво сказала мисс Петтигрю, ничего не понимая вообще и совершенно сбита с толку образом полицейских сержантов и детективов, должных вот-вот появиться в квартире мисс Лафосс.

— Нет, еще не понимаете. Я объясню. Сегодня утром приедет Ник. По крайней мере, я абсолютно уверена, что он приедет, чтобы попытаться поймать меня. Он ужасно ревнив.

Она объявила это таким тоном, словно говорила: «Итак, я во всем вам призналась. Теперь я полностью в вашей власти, но я знаю, что вы не подведете меня».

Мисс Петтигрю, внезапно очутившаяся в неизведанных водах, делала все возможное, чтобы не утонуть в волнах чужих страстей.

— Вы хотите сказать, что сегодня утром сюда придет еще один молодой человек? — тихо спросила она.

— Вот именно, — с облегчением согласилась мисс Лафосс. — Я знала, что вы поймете. Сможете ли вы уничтожить все следы вплоть до волос на расческе, которые смогут указать на присутствие здесь другого мужчины?

Волна чуть на накрыла мисс Петтигрю с головой, но она услышала свой слабый дрожащий голос.

— Безопасней будет не впускать его сюда.

— Ох. Я не могу это сделать.

— Почему нет? — удивленно спросила мисс Петтигрю.

— Потому что боюсь его, — сказала мисс Лафосс просто.

— Если... — заявила мисс Петтигрю с восхитительным мужеством, — если вы боитесь этого молодого человека, я... я пойду к двери и твердо скажу ему, что вас нет дома.

— Ах, Боже мой! — мисс Лафосс ломала руки. — Но я думаю, он не станет стучать. Видите ли, у него есть ключ. Он просто войдет. И я в любом случае не могла бы не впустить его. Он платит арендную плату, знаете ли. Вот как все получается.

— Понимаю, — ответила мисс Петтигрю тихим голосом.

Теперь она понимала. Для нее это было слишком. Она знала, что теперь должна взять свое пальто и шляпку, поднять подбородок и с видом оскорбленного достоинства выйти за дверь. Но она не могла. Она, словно со стороны, услышала свой слабый голос:

— Тогда, может быть... не стоило приглашать сюда этого молодого человека прошлой ночью?

— Ах, Боже мой, — безнадежно сказала мисс Лафосс. — Все так запуталось. Я не знала, что Ник возвращается. И узнала совершенно случайно только вчера вечером. Он позвонил и сказал, что вернется домой завтра. Он был далеко, понимаете? Мне кажется, он... немного сомневается во мне. Поэтому, когда Фил сказал, что он может прийти, я ответила ему, что все в порядке. А потом, когда я узнала о Нике, я не смогла придумать правдоподобного объяснения, чтобы отделаться от Фила. У меня не очень хорошо с воображением. И я не могу допустить, чтобы он что-то заподозрил. Он не знает о Нике. Он обещал взять меня в новое шоу. Понимаете?

— Понимаю, — ответила мисс Петтигрю, шокированная, взволнованная и... да, совершенно очарованная.

Восторг охватил все ее существо. Зачем притворяться перед собой? Это была настоящая жизнь. Это была драма, интрига, другая сторона экрана.

— Значит, вы понимаете, что вам нужно сделать? — уточнила мисс Лафосс. — Вы понимаете, как это важно. Вы уверены, что справитесь?

Мисс Петтигрю встала и приготовилась ринуться в бой. «Повергнутая добродетель, — мелькнуло у нее в голове наставление отца. — Падшая грешница. Отвергнутая обществом...» Все ее девичье воспитание, все нравственные убеждения восстали против происходящего и в негодовании требовали покинуть гнездо разврата. Но потом она вспомнила о поставленном для нее приборе на столе, чашке кофе, тостах с маслом, горкой лежавших на тарелке, которые стали ее первой едой в этот день, о чем мисс Лафосс, конечно, не догадывалась.

— Как я уже сказала раньше, — заметила мисс Петтигрю, — у меня отличное зрение.

Она вошла в спальню. Быстро и ловко уничтожив все возможные признаки мужского присутствия в спальне и прилегающей ванной комнате, вплоть до обрезков ногтей, она опять вернулась в гостиную. Мисс Лафосс полулежала на Честерфилде перед электрическим камином. Она успела убрать со стола остатки завтрака, но все еще была одета в неглиже, которое делало ее похожей на царицу Цирцею, только добрую.

«Итак, — подумала мисс Петтигрю, — дело сделано. Теперь он ничего не узнает». Внезапно она почувствовала непривычную резь в глазах. Она давно узнала, что слезы самая бесполезная вещь на свете. «Ах, Боже мой! — внезапно подумала мисс Петтигрю. — Я так устала, так ужасно устала от чужих дел, жизни в чужих домах, зависимости от чужих настроений».

Она медленно, с безнадежным достоинством просителя пересекла комнату и села на удобный стул напротив мисс Лафосс. Она положила руки на колени и плотно сцепила пальцы. Теперь она полагала, что у мисс Лафосс вполне может быть несколько спрятанных где-то незаконных детей, но начала сомневаться, что готова помогать их матери следовать путем обмана. Впрочем, матери могли оказаться очень странными существами, когда дело касалось их детей. Соус для гуся не подают к перепелкам.

— О... — начала мисс Петтигрю отчаянно.

Мисс Лафосс нетерпеливо наклонилась вперед.

— Все в порядке?

— Безусловно, — сказала мисс Петтигрю. — Можете ни о чем не беспокоиться.

— О, моя дорогая! — мисс Лафосс потянулась вперед и импульсивно поцеловала мисс Петтигрю.

Внезапно две капли воды упали на сложенные руки мисс Петтигрю, а еще две потекли по ее щекам. Мисс Петтигрю вспыхнула нежным розовым румянцем.

— Извините, — смиренно прошептала мисс Петтигрю, — в моей жизни было так мало сочувствия.

— О, бедняжка, — мягко ответила мисс Лафосс. — Как я вас понимаю.

— Спасибо, — просто сказала мисс Петтигрю.

После этого они почувствовали себя друзьями, и мисс Лафосс тактично игнорировала новые слезы.

— О... — снова начала мисс Петтигрю.

— Это потому, что вы все понимаете, — нетерпеливо перебила ее мисс Лафосс. — Я сразу это почувствовала. Я доверяю первому впечатлению. Вот женщина, подумала я, которая ни за что не подставит подножку другой женщине.

— Нет, ни за что, — подтвердила мисс Петтигрю.

— Я так и знала. Я уже воспользовалась вашей добротой, но не могли бы вы остаться еще ненадолго? Я хочу сказать, что Ник будет здесь с минуты на минуту. Вы мне очень нужны.

— Остаться? — спросила мисс Петтигрю.

— Да, — умоляюще подтвердила мисс Лафосс.

— Если... если я могу быть вам полезной, — сказала мисс Петтигрю.

— Понимаете, Ник очень опасный человек. Вот почему он ничего не должен узнать о Филе. У него больше денег и больше влияния, чем у Фила. Он легко может навредить Филу. Я не могу этого допустить. Это было бы несправедливо. Ведь это я соблазнила Фила. Он готов поддержать мою карьеру, а Ник ни за что этого не сделает. Он слишком ревнив. Он не

поможет мне продвинуться ни на дюйм, а я так мечтаю о карьере. Вот почему я не могу допустить, чтобы Ник обидел Филя.

— Нет, — твердо согласилась мисс Петтигрю. — Это было бы несправедливо.

— Я знаю много плохих вещей о Нике, но не могу это использовать. Когда он здесь, я не могу сопротивляться ему. Я пыталась много раз. Он уезжал на три недели, и я довольно хорошо жила без него, так что или сейчас или никогда. Я думаю, пришло время вырваться. Вот поэтому я хочу, чтобы вы остались. Если мы останемся наедине, я пропала. Мне уже нехорошо. Итак, если вы увидите, что я начинаю колебаться, а я обязательно буду колебаться, я хочу, чтобы вы придали мне решительности.

Теперь мисс Петтигрю забыла о своих первоначальных намерениях. Впервые за двадцать лет кому-то понадобилась она сама, а не ее скудные профессиональные навыки. Впервые за двадцать лет она чувствовала себя женщиной, а не говорящим механизмом. Она была так опьянена гордостью за себя, что готова была потворствовать и более тяжким грехам мисс Лафосс, чем двое молодых любовников. Но действовать наугад было слишком опасно. Она приняла строгий и сосредоточенный вид.

— Я обычно не даю советов, — сказала мисс Петтигрю, — но я много старше вас и вполне гожусь вам в матери. Если вы боитесь этого молодого человека, не лучше ли было бы разорвать все связи с ним? Я хочу сказать, он не может сделать для вас ничего полезного. Просто чаще думайте об этом.

— Я знаю, — с сожалением произнесла мисс Лафосс, — но вы еще не совсем понимаете.

— Я всегда считала себя очень восприимчивой к новым знаниям, — намекнула мисс Петтигрю.

— Уверена, так и есть, — согласилась мисс Лафосс. — Думаю, вы поймете.

Она наклонилась вперед.

— У вас когда-нибудь, — сказала мисс Лафосс искренне, — возникали странные ощущения в животе, когда мужчина целовал вас?

«Где? — растерянно подумала мисс Петтигрю. — Я читала, что в желудке находятся нервные окончания, которые реагируют на прикосновение. Или не в желудке? Не имеет значения. Я должна успокоить ее».

— Не бойтесь, — тихо сказала мисс Петтигрю. — Я знаю, это научный факт, что в животе...

— Я и не боюсь, — ответила мисс Лафосс. — Мне это нравится. Борьба бесполезна. Я ничего не могу поделать. Даже когда он просто смотрит на меня, я таю, как воск.

— Но карьера... — нерешительно начала мисс Петтигрю.

— Я кролик, — сообщила мисс Лафосс, — а он змея. Когда змея гипнотизирует кролика своим взглядом, он теряет волю. Он замирает на месте. Он хочет смотреть на змею, даже если это означает его смерть.

— О, только не смерть, — прошептала потрясенная мисс Петтигрю.

— Хуже, чем смерть, — сказала мисс Лафосс.

Она резко поднялась на ноги, прошла в спальню и вернулась с маленьким пакетом, который она открыла и положила на колени мисс Петтигрю.

— Знаете, что это такое?

— Это похоже, — осторожно предположила мисс Петтигрю, — очень похоже на порошок Бичема. Отлично помогает при болях в желудке и ревматизме. И еще при нервном

расстройстве.

— Это кокаин, — сказала мисс Лафосс.

— О, нет! Нет!

Испуганная, ошеломленная, восхищенная, мисс Петтигрю уставилась на невинный с виду порошок. Наркотики, белые рабыни, притон беззакония с красными плюшевыми шторами и мужчины со зловещими черными усами сами собой возникли в ее воображении. В какое логово порока она угодила? Она должна бежать, вырваться отсюда, прежде чем утратит добродетель. Тут неизменный здравый смысл напомнил ей, что раз до сих пор никто не покусился на эту самую добродетель, то вряд ли это произойдет теперь. Мисс Лафосс, вот кто была в опасности. Она должна спасти ее. Мисс Петтигрю вскочила на ноги, бросилась в кухню, высыпала порошок в раковину и вернулась обратно с торжествующим видом.

— Все! — сказала она, прерывисто дыша. — Это искушение теперь вне вашей досягаемости.

Внезапно ослабев, она села на стул.

— Скажите, — спросила она умоляющим голосом. — Вы еще не привыкли к нему?

— Нет, — сказала мисс Лафосс. — И ничего другого я тоже не принимаю. Если бы я это делала, Майкл сразу бы заметил. Мимо Майкла и муха не пролетит. Если бы он заметил, он сразу вывел бы меня на чистую воду. Он вытряхнул бы из меня всю правду, а потом убил бы того человека, который дал мне это.

— Майкл! — слабо пискнула мисс Петтигрю. — Еще один молодой человек?

— О, нет! — поспешно возразила мисс Лафосс. — Он не такой, как они.

Она посмотрела на огонь.

— Майкл, — мрачно объяснила мисс Лафосс, — хочет на мне жениться.

— О! — тихо произнесла мисс Петтигрю.

— В нашем мире очень трудно быть женщиной, — все так же мрачно сказала мисс Лафосс. — Не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься перед алтарем. И во что после этого превратится моя жизнь?

Это признание сокрушило все заветные убеждения мисс Петтигрю, разрушило представления ее неискушенного мировоззрения о том, что жертву на алтарь любви приносят только мужчины. «Я слишком долго жила одна, почти всю жизнь, — подумала она. — Я не ценила преимуществ моего пола. И поняла это только сейчас».

Она должна была бы сказать: «Моя дорогая, не стоит пренебрегать любовью хорошего человека». Но она этого не сделала. Она успела закрыть рот. Женщина, сидевшая перед ней, была выкована из стали тройной закалки. Теперь она понимала, какими смешными и нелепыми могли показаться ее мысли защитить мисс Лафосс. Она выпрямилась на стуле.

— Вы сами это сказали, бэби, — сказала мисс Петтигрю спокойно, счастливо, умиротворенно.

— Ах! — удивилась мисс Лафосс.

— Американский сленг, — объяснила мисс Петтигрю. — Я слышала его в синематографе.

— О! — сказала мисс Лафосс.

— Я всегда мечтала, — продолжала мисс Петтигрю, — иногда использовать эти забавные словечки. Только для себя, понимаете? Но я не могла себе этого позволить. Из-за детей, знаете ли. Они всегда все слышат.

— Ну, конечно, — ответила мисс Лафосс.

— Я рада, что вы понимаете, — сказала мисс Петтигрю просто.

— А я рада, что вы понимаете насчет Ника.

— Конечно, — ответила мисс Петтигрю.

Она подняла голову.

— Он злой, красивый и очаровательный, — произнесла она ясным голосом, — но он полон жизни и острых ощущений.

— Да, — согласилась мисс Лафосс.

— А этот хороший молодой человек, этот Майкл, который хочет жениться на вас, он полон всяческих достоинств, но он скучный. В нем нет огня... нет воображения. Он задушит ваш дух. Вы стремитесь к свету, жизни, музыке. А он предложит вам... дом в пригороде, — торжественно закончила мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс ответила ей быстрым взглядом из-под ресниц.

— Ну... — начала она виновато, — я не знала, что...

— Я тоже, — легко согласилась мисс Петтигрю. — Я не могу давать вам советы. Это было бы слишком дерзко с моей стороны. Моя собственная жизнь сплошная неудача. Как я могу советовать другим?

— О, — сказала мисс Лафосс.

Больше она не добавила ничего.

— Вы посмотрите, — застенчиво сказала мисс Петтигрю, — как мило вы выглядите в... этой одежде. Я вполне могу понять всех молодых людей, погибающих от любви к вам. Я не думаю, моя дорогая, что вам нужно прямо сейчас принимать решение о своем будущем.

Мисс Лафосс наклонилась вперед, улыбка расцвела на ее восхитительных губах.

— Вы так думаете? — спросила она с нетерпением. — Я специально так оделась. Мне кажется, утром очень полезно ходить в неглиже. Мужчины по утрам бывают такими упрямыми.

Припомнив свой опыт проживания в доме, где старшая дочь собиралась выйти замуж, мисс Петтигрю с глубокомысленным видом кивнула головой.

— Это вроде неосознанного сексуального притяжения. — мисс Петтигрю покраснела, произнеся это прилагательное. — Мужчинам очень трудно сопротивляться.

— Вы все прекрасно понимаете, — сказала мисс Лафосс.

Вдруг мисс Петтигрю вспомнила. Она задохнулась от волнения.

— Но мисс Лафосс, — испуганно произнесла она, — вы уже поддаетесь ему. Вы не должны делать это. Вы не должны выглядеть привлекательно. Вы должны одеть что-то строгое. Вам надо отразить его.

— Я знаю, — виновато согласилась мисс Лафосс, — но ничего не могу с собой поделать...

Они услышали тихое звяканье ключа в дверном замке, и в испуге посмотрели друг на друга. Потом мисс Петтигрю откинулась на спинку стула и скрестила ноги в лодыжках. Мисс Лафосс быстро легла.

— Я всегда считала, — произнесла мисс Лафосс ленивым, вялым голосом, — что синий мне идет больше всего. Он сочетается с цветом моих глаз.

Дверь открылась и закрылась. Мисс Петтигрю в немом восхищении наблюдала, как удивление, недоверие, радость сменяются на лице мисс Лафосс. Она вскочила на ноги. Взметнув вихрь кружев, она бросилась через комнату с распахнутыми объятиями.

— Ник, — воскликнула мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю поспешно отвела глаза.

«Ах, Боже мой! — думала мисс Петтигрю. — Неужели опять... так откровенно. А я-то всегда думала, что поцелуи в кино сильно преувеличены».

Глава 3

11:35–12:52

Мисс Лафосс высвободилась из объятий нового молодого человека, и мисс Петтигрю получила возможность внимательнее рассмотреть его. Изысканный, гибкий, прекрасно сложенный. Темные волосы и белая кожа — редкое сочетание. Блестящие пронзительные глаза глубокого сине-фиолетового цвета, красивый жестокий рот, тонкая линия усов, придающая всему его облику вид изысканный, но с тонким налетом вырождения. Что-то хищное в манере держаться и выражении лица, что-то одновременно привлекательное и пугающее.

Со странным чувством беспомощности мисс Петтигрю медленно поднялась со стула. Она сразу поняла, насколько глубока зависимость мисс Лафосс. Достаточно было бросить один взгляд. Она десятки раз видела подобных типов в фильмах — молодых, интересных, неотразимых для женщин, в высшей степени уверенных в своей власти и совершенно бессердечных, когда мимолетное увлечение рассеивалось как дым. Она десятки раз наблюдала, как героиня оказывается на краю гибели, лишившись его покровительства. Но здесь не было героя, чтобы спасти мисс Лафосс.

«Странно, — беспомощно подумала мисс Петтигрю. — Все читают о подобных мужчинах, видят их на экране. Но никто не предполагает встретиться с ними в обычной жизни. Оказывается, они действительно существуют».

Мисс Лафосс отодвинулась подальше от своего посетителя. Теперь в ее взгляде сытой кошки читалось едва заметное напряжение. Ник в свою очередь заметил мисс Петтигрю. Его лицо потемнело. Он бросил на мисс Лафосс сердитый вопрошающий взгляд.

— О! — сказала мисс Лафосс. — Это моя подруга... моя подруга... Элис.

Она взяла себя в руки и вежливо представила их.

— Элис, познакомься с Ником. Ник, это моя подруга Элис.

— Как поживаете? — вежливо произнесла мисс Петтигрю.

— Я в норме. — коротко ответил Ник.

Его взгляд скользнул по ее фигуре, и мисс Петтигрю сразу вспомнила о своем возрасте, неряшливой одежде, тонких волосах и болезненно-бледном лице. Она мучительно покраснела. Он не понравился ей с первого взгляда, но все ее чувства словно оцепенели.

Дело было не только в его внешности. Его внешность была всего лишь оболочкой, естественной, полезной, но не необходимой. Что-то необыкновенное было в самом этом мужчине. В один миг он заполнил своим присутствием всю комнату. Все женщины в любой компании должны были сразу начать соперничать за его внимание. Возможно, это его аура посылала призывные волны каждому существу женского пола. Мисс Петтигрю чувствовала это. Мисс Петтигрю отвечала ему. Она ничего не могла с собой поделать. Ее женская интуиция просто предала ее, и теперь она готова была отдать десять лет жизни, чтобы он поцеловал ее так же, как только что целовал мисс Лафосс. Она почти ненавидела мисс Лафосс за ее молодость, красоту и очарование. Впрочем, не долго. Мисс Петтигрю не была глупа, как большинство женщин.

Он не был хорошим человеком. Мисс Петтигрю знала об этом из того, что рассказала о нем мисс Лафосс. Именно поэтому он и казался настолько привлекательным. Надо признать, что разум мисс Петтигрю всегда склонялся в пользу легкого налета элегантного

беззакония против тупой физической силы.

«Ах, Боже мой! — подумала она. — Что за мужчина. Он нечестив, но это не имеет ни малейшего значения. Он просто обесценивает всех хороших людей вокруг себя. Если бы Майкл был хоть чуть похуже и менее добродетелен, он, возможно, получил бы шанс, но что может противопоставить этому злодею обыкновенный порядочный человек? Мы, женщины, совершенно бессильны перед ним. Когда дело доходит до любви, мы всегда предпочитаем авантюристов».

Она вздохнула. Проблема обещала быть сложной. В своем волнении она совершенно забыла, что ее могут выкинуть отсюда в любой момент. Теперь она полностью идентифицировала себя с мисс Лафосс и, казалось, знала ее всю жизнь.

Мисс Лафосс, стоя между ними, слегка нервничала. Ее улыбка утратила свою великолепную уверенность, было заметно, что она изо всех сил пытается скрыть свое беспокойство, но сомневается, полностью находясь во власти этого человека.

— Присаживайся, — гостеприимно предложила мисс Лафосс Нику.

«Надо собраться, — подумала мисс Петтигрю. — Следует выбрать другой тон... что-то вроде королевского безразличия. Эти существа уважают только превосходство. Еще минута, и он решит, что я уже принадлежу ему, и мы проиграем бой».

Ее житейская мудрость почти ошеломила ее. Чтобы избежать внезапной влюбленности, она должна была напомнить себе, что этот мужчина всего лишь выскочка и шарлатан. Если бы он только раз взглянул на нее, как на мисс Лафосс, она стала бы его вечной рабой.

«Кто бы мог подумать, — промелькнула в ее голове тревожная мысль, — в моем-то возрасте? Все-таки, я очень глупая женщина. Как будто я не знаю, что он считает меня нищей старухой и собирается вышвырнуть отсюда».

Действительно, атмосфера вокруг Ника, казалось, сгустилась от гнева. Он ревниво готовился застать мисс Лафосс не одну, но совершенно не ожидал наткнуться здесь на мисс Петтигрю. Кажется, эта старая дура заявила сюда на весь день. Мисс Петтигрю явственно ощущала его мысли. Внезапно все старые страхи вновь вернулись к ней.

«Может быть, мне нужно уйти? — в ужасе подумала она. — В конце концов, я им мешаю. Наверное, мисс Лафосс сама уже находит мое присутствие назойливым, и если я попрошусь, она не захочет меня задержать».

Горячая волна тревоги заставила ее вздрогнуть. Вся ее прекрасная несокрушимая уверенность испарилась без следа. Она снова была мисс Петтигрю, беспомощная, неуклюжая и бестолковая гувернантка. Она оперлась на спинку стула, потом посмотрела на мисс Лафосс.

Мисс Лафосс ответила ей сияющей, дружелюбной, ободряющей улыбкой. И внезапно мисс Петтигрю снова ощутила себя неуязвимой — безразличной к его недовольству, равнодушной к его обаянию. Пусть злится или очаровывает, ей все равно. Она не падет перед ним. Он может быть очень грубым, если противоречить ему, подумала она, но пусть грубит сколько хочет. Она недоступна для оскорблений. Она сюда пришла и здесь останется. Выгнать ее может только мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю снова уселась на стул, спокойно устраиваясь поудобнее, словно собираясь просидеть здесь весь день.

Ник взглянул на нее, встретил стену несокрушимого равнодушия и медленно повернулся к мисс Лафосс.

— Я думал, ты будешь одна.

Мисс Лафосс вздрогнула от обвиняющего тона его замечания.

— Но ты сказал, завтра, — нервно возразила она. — Ты ясно сказал, завтра.

— Я помню, но я закончил дела на день раньше и сразу вернулся к тебе. Я думал, ты будешь мне рада.

— О, дорогой, я рада. — мисс Лафосс снова бросилась к нему с распростертыми объятиями. — Я страшно скучала по тебе. Я думала, ты уже никогда не вернешься.

«Очень плохое начало, — забеспокоилась мисс Петтигрю. — От такой прелюдии сложно будет перейти к расставанию».

Кажется, Ник успокоился. Он быстро поцеловал мисс Лафосс, словно пробуя ее на вкус, и одарил многообещающим взглядом. Ему совершенно очевидно не нравилось присутствие старой дуры, но он решил не спорить. Он повернулся и остановился перед мисс Петтигрю.

— Я не расслышал ваше имя, — сказал Ник самым обидным тоном.

Но мисс Петтигрю уже чувствовала себя в безопасности в образе миссис Джекман, своей четвертой хозяйки. С какой великолепной кротостью она игнорировала оскорбления своего презренного мужа, осмелившегося оставить ее одну на долгий срок, а потом явиться в дом с нелепыми обвинениями.

— Петтигрю, — вежливо сказала мисс Петтигрю. — Редкая фамилия, не правда ли? Мой дорогой отец говаривал...

— Слишком редкая для неожиданных визитов, — зловеще заметил Ник.

— Ах! — с сожалением согласилась мисс Петтигрю. — Я так редко выбираюсь из дома. Путешественник из меня бы не получился. Помню, как однажды...

— Я был в отъезде три недели, — заявил Ник, начиная злиться.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули, — любезно сказала мисс Петтигрю. — Вы собирались путешествовать дольше? Погода стоит такая неопределенная...

— Мне нужно кое-что сказать мисс Лафосс, — перебил ее Ник, закипая от ярости.

— Что-то такое, о чем вы забыли ей написать? Тогда это нехорошо. Впрочем, телефон — это такое удобство, я просто не представляю, что бы мы делали...

— Я думал, что она будет одна, — сказал Ник, с трудом удерживаясь от взрыва.

— Удивительное совпадение... — радостно подхватила мисс Петтигрю. — Я тоже на это надеялась. Я так обрадовалась, застав мисс Лафосс одну. Я с нетерпением ждала нашей с ней встречи, но, впрочем, очень хорошо, что вы тоже зашли.

Ник покраснел. Мисс Лафосс мучительно ждала извержения вулкана.

— Большинство ее друзей достаточно тактичны, — демонстративно заметил Ник, предлагая последнюю возможность избежать жертв и разрушений.

— Вот именно, — весело ответила мисс Петтигрю. — Я знала, что вы очень тактичны. Это облегчает нашу задачу. Как мило, что вы сами все поняли. Как только я увидела вас, сразу подумала...

— К черту, что вы подумали. Вы уйдете? — взорвался Ник.

— Нет, — сказала мисс Петтигрю.

— !!!...???...!!!...???...!!!

— О! — ахнула мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс выступила вперед. Она бросила встревоженный взгляд на потрясенное лицо мисс Петтигрю и повернулась к бушующему Нику.

— Ник, дорогой, присядь и дай мне обнять тебя.

Ник был слишком ошеломлен, чтобы сопротивляться. Она помогла ему снять пальто,

потом подтолкнула к Честерфилду. Ник метнул в мисс Петтигрю еще один огненный взгляд, пожал плечами и решил забыть о ее присутствии. Как и предполагала мисс Лафосс, ее неглиже было очень соблазнительным.

В это время мисс Петтигрю почти выработала иммунитет к поцелуям.

«Ну, — подумала она, — кажется, они меня не стесняются. Тогда почему я должна смущаться? Думаю, прежде я, возможно, придерживалась слишком узких взглядов. Эта... эта любовь кажется очень приятным занятием».

Она наклонилась вперед, демонстрируя интерес к технике поцелуев.

«Ах! — мисс Петтигрю сделала внезапное открытие, — у Фила это было просто дело, приятный бизнес, но только часть дневной рутины. Но Ник каждым своим жестом, каждой лаской создает впечатление, что вы единственная женщина в мире. Разве ему можно противостоять?»

Через некоторое время мисс Лафосс и Ник оторвались друг от друга, чтобы вдохнуть воздуха. Теперь он был настроен в отношении мисс Петтигрю довольно философски. Если старушка — Ник считал старыми всех женщин старше тридцати трех — соскучилась по общению с подругой, он не собирается лишать ее этого удовольствия. Конечно, она мешала ему, но день только начался. В конце концов, ночь будет самым подходящим временем. Удовольствие не утратит своей остроты из-за маленькой отсрочки.

Он встал.

— Я мог бы приготовить вам выпить.

— Отличная мысль, — согласилась мисс Лафосс. — Ты знаешь, где все найти.

— О'кей. Что ты будешь?

— Ну, — мисс Лафосс на секунду задумалась, — смешай мне один из твоих коктейлей, Ник. Что-нибудь бодрящее.

— Все, что пожелаешь. А вам?

— Мне? — спросила мисс Петтигрю.

— Вам.

— Напиток?

— Как и было сказано.

Мисс Петтигрю чуть не произнесла «О, нет, спасибо» с благородным негодованием. Но она этого не сделала. Только не она. Только не сейчас. Она остановилась вовремя, как раз вовремя. Она была готова принять все, что ей предлагали.

Ей прямо в руки упал один день удивительной жизни, и она собиралась насладиться всем, что он ей принесет.

— Мне, пожалуйста, — произнесла мисс Петтигрю легко, уверенно, спокойно, — немного сухого хереса, если не затруднит.

Она произнесла слово «сухой» совершенно непринужденно. Не шерри. Так может сказать кто угодно. «Сухой херес». Это подчеркивало ее самообладание, изысканность, опытный вкус. Это поднимало ее престиж. Она не имела понятия о «сухом хересе», но отчетливо помнила мужа своей последней хозяйки, в припадке бурного раздражения проклинавшего этот самый «сухой херес», и потому была уверена, что он обязательно ей понравится.

Кажется, Ник был впечатлен.

— Может быть, вам тоже «Бешеную лошадь»,^[2] а?

Это предложение несколько поколебало намерения мисс Петтигрю.

— О, думаю, нет, — поспешно сказала она. — Только не с утра. Просто капельку сухого хереса, пожалуйста.

Ник прошел на кухню. Мисс Лафосс наклонилась вперед. Она чувствовала себя ответственной за поведение Ника и за его выражения, такие неуместные в обществе леди.

— Вы не должны обижаться на слова Ника, — прошептала она. — Я хочу сказать, они ничего не значат. Это просто как если бы я или вы сказали: «О, не беспокойтесь» или «надо же, как интересно».

Мисс Петтигрю подняла голову. Она выглядела очень решительной.

— Моя дорогая, я не хотела бы вас огорчать, но, боюсь, я не верю в такое оправдание. Я намного старше вас и за свою жизнь видела достаточно людей, которые говорили, что вовсе не это имели в виду, хотя прекрасно понимали, что они делают. Это просто слабая отговорка для вредной привычки. На вашем месте я бы использовала свое влияние на этого молодого человека, чтобы укоротить ему язык. Вы знаете, моя дорогая, в конце концов, молодые люди намного выше ценят молодых леди, которые настаивают на соблюдении приличий в их присутствии. Я... я надеюсь, что вы не обидитесь на мои слова, потому что я достаточно стара, чтобы годиться вам в матери.

В глазах мисс Лафосс мелькнула чудесная улыбка, милая и ласковая, но почти сразу исчезла. Она не обижалась на мисс Петтигрю.

— Я постараюсь, — сказала мисс Лафосс покорно. — Сделаю все возможное. Я уверена, что вы правы.

Они слышали звон бокалов на кухне и голос Ника. Он негромко напевал какую-то веселую мелодию. Вдруг пение прекратилось, сменившись зловещей тишиной. Мисс Петтигрю посмотрела на мисс Лафосс. Мисс Лафосс посмотрела на мисс Петтигрю. На их лицах появилось выражение тревожного ожидания.

Кухонная дверь открылась, на пороге стоял Ник. Мисс Петтигрю почувствовала, как холодная дрожь пробежала вниз по ее позвоночнику. Вся его приятная любезность исчезла без следа. Его лицо, выражающее угрозу, казалось страшным. Мисс Петтигрю сразу поняла, что слова о том, что многие люди боятся Ника, были не шуткой. Ее смутное убеждение, что их предыдущая стычка была своего рода забавной интермедией, внезапно исчезло, и она поняла, что сейчас разразится сцена, не имеющая ничего общего с комедией нравов.

Она увидела, как красивое лицо мисс Лафосс медленно зеленеет от страха под испепеляющим взглядом Ника.

— И когда же, — спросил Ник замогильным голосом, — ты начала курить сигары?

Первым импульсом мисс Петтигрю было разразиться нервным хихиканьем, но она понимала, какими ужасными последствиями может обернуться для мисс Лафосс ее неожиданное веселье. Она совершенно явственно услышала голос мисс Лафосс, говоривший: «И тут старший детектив заявляет: „Ха! Вы курите сигары, мисс?“»

Мисс Лафосс была совершенно не в состоянии говорить. Теперь все зависело от мисс Петтигрю.

В ее голове промелькнула спасительная мысль и, как ракета, взорвалась с ослепительным светом. Она вспомнила миссис Бруммеган, свою предпоследнюю хозяйку: грудь колесом, лошадиный нос, акуля пасть, подбородок топором, голос, скрипучий как рашпиль — все с первого взгляда повергало в трепет невольную жертву. Ее жизнь с миссис Бруммеган была двумя годами непрерывного, ничем не скрашенного ада. Но теперь мисс Петтигрю была благодарна ей за опыт. Она снова была в седле. Был способ поставить

наглеца на место, и никто не мог сделать это лучше, чем миссис Бруммеган. Никто никогда не смел сомневаться в миссис Бруммеган. Это был момент ее триумфа.

Мисс Петтигрю встала. Она гордо прошла через комнату, всем своим видом излучая высокомерие и презрение, и взяла сумочку, лежавшую на кресле. Она повернулась и посмотрела на Ника, ее глаза и зубы сверкали, подбородок выдвинулся вперед на целый дюйм.

— Молодой человек, — произнесла мисс Петтигрю внезапно осипшим голосом, — если я и презираю кого в этом мире, так это женоподобных неврастеников, которые шпионят за всеми вокруг, как старые ханжи. Я гость мисс Лафосс, да будет вам известно. Если она не против, то вас это не касается. Если мне нравятся сигары, то я и курю сигары, а не эти чертовы сигареты. Я дожила до возраста, когда имею право немного побаловать себя, и плевать мне на ваше мнение. У меня есть еще одна. Могу угостить.

Мисс Петтигрю открыла сумку и достала потрепанную пачку из-под сигар. Она провела его, кризис миновал. Она фыркнула и окинула противника орлиным взглядом.

Ник был побежден. Он потянулся, взял пакет и сравнил сигару с коротким окурком. Потом уронил окурочек на ковер и растер его каблуком. Он подошел к мисс Лафосс и склонился над ней. Тихим голосом, от которого мисс Петтигрю пробрала дрожь, он произнес:

— Ты ведь не обманываешь меня, а?

Во взгляде мисс Лафосс сверкнула молния. Она была великолепной актрисой. Она вскочила на ноги и раздраженно запахнула халат.

— О, ради Бога, Ник. Когда ты прекратишь свои драмы? Я же сказала, что у меня не будет никаких мужчин, кроме тебя. Теперь ты удовлетворен? Где мой коктейль, или мне самой смешать его?

— Извини.

Он стремительно обнял мисс Лафосс и поцеловал ее. Мисс Петтигрю поспешно скрылась в спальне.

«Ах, Боже мой! — она задыхалась от волнения. — Третий здесь явно лишний. Неужели можно целоваться еще и вот так?»

Дрожа от пережитого волнения, она чувствовала, как рассыпается ее маска. Но ей нельзя было сдаваться, она должна была продержаться в роли миссис Бруммеган до конца представления. В запале она совсем забыла, что было бы лучше всего вывести Ника из себя, дать ему сорваться и в припадке ярости самому разорвать отношения. Но Ник испугал ее. И он очень испугал мисс Лафосс. Нельзя позволить ему сделать это снова. Бросив поспешный и встревоженный взгляд в зеркало, она вернулась в гостиную.

Ник принес напитки на подносе. Спокойная и сияющая мисс Лафосс сидела на диване с триумфальным видом женщины, только что очень хорошо и тщательно расцелованной. Она казалась такой беззащитной, что мисс Петтигрю почувствовала укол в сердце. Она снова вспомнила о своей миссии.

«Он снова заполучил ее, — подумала мисс Петтигрю. — Но я не позволю ему. Я ее спасу».

Ник пригласил выпить. Мисс Петтигрю взяла свой бокал и опрокинула его в рот с видом отчаянной пьяницы, без единой мысли о возможном влиянии алкоголя на ее разум.

— Очень хорошо, — заметила она. — Я бы выпила еще.

Мисс Лафосс с Ником, не спеша, потягивали первую порцию. Ник наградил ее

восхищенным взглядом. Она явно поднималась в его глазах. Старуха оказалась крепким орешком: курила сигары и, глазом не моргнув, глушила спиртное.

— Может быть, виски? — заботливо предложил он. — Думаю, в темном чулане найдется бутылка-другая.

— Нет, спасибо, — вежливо сказала мисс Петтигрю. — При свете дня я предпочитаю легкие напитки.

Ее слова таили намек о часах невоздержанности в вечернее время.

«Ах, Боже мой! — удивленно подумала она. — Неужели это я так говорю? Что со мной происходит?»

Но она не была взволнована. Почти нет. Мысль о скором возвращении к прежним ценностям заглушала чувство вины. Приключения в бурном море жизни пьянили ее, и, может быть, вино немного ударило в голову. Она была готова к любому повороту событий.

Ник принес ей второй бокал.

— Молодой человек, — сказала мисс Петтигрю. — Когда вы не ругаетесь, вы можете быть вполне приятным человеком.

— Спасибо, — с усмешкой ответил Ник. — Вы очень любезны.

Они чокнулись. Эти уютные посиделки за вином не ослабили решимости мисс Петтигрю вырвать мисс Лафосс из его рук. Это был всего лишь вежливый обмен любезностями во время короткого перемирия.

Они закончили пить. Ник встал.

— Мне надо повидать Далтона. Бизнес. Пообедаю с ним. Он вкладывает половину денег, и мы открываем новое место. Не могу себе позволить обидеть его. Увидимся вечером.

— О! — воскликнула мисс Лафосс внезапно ослабевшим голосом. — Когда?

— Я закончу дела, и вернусь за тобой. Рука мисс Лафосс лежала на подлокотнике дивана. Он наклонился вперед, сжал ладонью ее запястье и стоял, глядя на нее. Мисс Лафосс подняла глаза, они оба молчали.

Мисс Петтигрю почувствовала какое-то обморочное ощущение внутри, странное чувство, похожее на боль, прямо в животе, именно так, как говорила мисс Лафосс. Этот взгляд предназначался не ей. Никто никогда не смотрел на нее так, но она точно знала, что чувствует сейчас мисс Лафосс: одышка, страх, экстаз, медленное таяние и готовность к полной капитуляции. И ее взгляд, прикованный к лицу Ника, ясно говорил, что она даст ему все, что он захочет. Даже мисс Петтигрю, глядя со стороны, чувствовала силу его влияния. С точки зрения человека постороннего они казались двумя влюбленными, впервые заглянувшими в земной рай. Посвященная в их тайны мисс Петтигрю была уверена: этот ядовитый гад соблазняет невинную душу.

Тем не менее, только невероятным усилием воли мисс Петтигрю заставила себя вспомнить, что Ник был воплощением зла, эгоистичным мужчиной, который сегодня может вот так призывно смотреть на женщину, а завтра бросит ее, истерзанную горем и с разбитым сердцем. Мисс Петтигрю не могла забыть о кокаине и не желала быть легковерной дурочкой.

По восторженному взгляду на лице мисс Лафосс и ее прерывистому дыханию, мисс Петтигрю определила, что та колеблется, но прежде чем роковые слова капитуляции были произнесены, мисс Петтигрю вступила в бой, сразу применив тяжелую артиллерию.

Она пересекла комнату тяжелой походкой миссис Бруммеган. Бутылка с хересом и бокалы все еще стояли на подносе. Она плеснула в бокал золотистой жидкости и

непринужденно взяла его в руку. В течение многих лет она изучала эффект расчетливо небрежного жеста.

— Молодой человек, — сказала мисс Петтигрю самым отвратительным голосом, на который была способна, — пожалуй, вы можете заехать к нам выпить, но не слишком поздно, предупреждаю вас. Я уже не так молода, как раньше, и недостаток сна оставляет меня полумертвой на весь следующий день. В дни, когда я ночую у мисс Лафосс, она тоже ложится рано, так что я не смогу выдержать долгих посиделок по вечерам. Я слишком старая подруга мисс Лафосс, да и просто слишком старая женщина, чтобы быть вежливой с нарушителями моего покоя. На этом все.

Рука Ника отдернулась от мисс Лафосс, как от горячей кочерги, и он обернулся.

— Что?

— Что-что?

— Вы остаетесь здесь?

— Конечно, я остаюсь. Я так и сказала. Меня пригласили до завтра, до завтра я и останусь. Не молиться же мне на вас.

— ??? ...!!! ...??? ...!!! — снова взорвался Ник.

Мисс Лафосс послала мисс Петтигрю красноречивый взгляд, преисполненный страдания, негодования, обиды. Мисс Петтигрю ответила ей взглядом твердым, строгим и совершенно бессовестным. Мисс Лафосс вспомнила и покраснела. Она попыталась собрать последние силы.

— Ты сказал, завтра, Ник, дорогой, — голос мисс Лафосс дрожал.

— Телеграммы дешевы, — заявила мисс Петтигрю.

— Откуда, черт возьми, мне было знать, что моя...

— Мне было так одиноко, — вздохнула мисс Лафосс, — а ты был так далеко.

— Я вернусь сегодня.

— Но там только одна кровать.

— Что за...

— Приезжайте, если хотите, — дружелюбно предложила мисс Петтигрю. — Вы можете спать на Честерфилде. Говорят, что очень полезно спать с согнутыми коленями. Но ничто, — она с отвращением посмотрела на диван, — не заставит меня спать здесь. В моем возрасте я настаиваю на праве спать на настоящей кровати.

Ник был разбит по всем фронтам. Старуха со своими претензиями на гостеприимство разнесла его в пух и прах. Он вынужден был обуздать свой темперамент, чтобы сохранить лицо. У подруги мисс Петтигрю был собственный нор, который проявлял себя в самый неподходящий момент.

Он так же не имел намерения спать в одиночестве на диване. Для ночного отдыха он предпочитал кровать. Диван и мисс Лафосс на диване, может быть, заинтересовали бы его своими возможностями, но диван в качестве ночного ложа и мисс Лафосс, невинно спящая в соседней комнате, выглядели мовсем не так привлекательно.

Он подошел к пальто и шляпе и взял их в руки. Мисс Лафосс испуганно замерла перед ним. Он надел пальто и шляпу и молча направился к двери. Мисс Петтигрю увидела, как решительность на лице мисс Лафосс сменяется страданием и покорностью.

«Если она уступит ему сейчас, — подумала мисс Петтигрю, — она пропала. Больше я ничего не смогу сделать. Если он уйдет, не сказав ни слова, она бросится за ним».

И в этот момент Ник заговорил.

— Может быть, я должен был предупредить тебя.

Мисс Петтигрю глубоко вздохнула. Мисс Лафосс нервно сжала руки. Она ответила ему робкой, умоляющей улыбкой.

— Мне... мне так жаль.

— Тогда увидимся завтра.

— Завтра, — поспешно пообещала мисс Лафосс.

«Может быть» — хмуро подумала мисс Петтигрю.

— Возьму тебя на обед.

— Обед, — согласилась мисс Лафосс.

Он повернулся, схватил ее за руки выше локтей и притянул к себе.

— В конце концов, ты будешь меня ждать.

Мисс Петтигрю подумала, что его молодое лицо со взглядом старого опытного сердцееда кажется немного страшным. Он взял мисс Лафосс за подбородок и пристально посмотрел ей в лицо.

— Никакая радость не может быть испорчена коротким ожиданием.

Он поцеловал ее. Дверь закрылась.

Глава 4

12:52–13:17

Как только дверь за Ником закрылась, напряжение исчезло. Словно они вышли из тумана в яркий солнечный свет. Мисс Петтигрю глубоко вздохнула. Ее ноги подкашивались. Она чувствовала слабость и опустошение. Она подошла к стулу и села. Внезапно она заплакала.

Мисс Лафосс стояла, глядя в закрытую дверь. Ник ушел. И она его отпустила, даже не зная, почему. Она была душой. Она никогда, никогда так сильно не хотела его, как сейчас, когда он ушел. Она готова была бежать за ним. Слезы мисс Петтигрю заставили ее обернуться. Новая тревога вынудила ее забыть обо всем.

— Не плачьте. Не плачьте, прошу вас.

Мисс Петтигрю казалась полностью раздавленной под грузом всех этих ужасных вещей, которые она совершила: лжи, которую она произнесла, вина, которое она выпила, бранных слов, которыми она осквернила свой рот.

— Я никогда в жизни раньше не ругалась, — всхлипывала мисс Петтигрю.

— Нет? — удивилась мисс Лафосс.

— Никогда. Даже в мыслях. Наш викарий однажды сказал, что ругаться про себя так же плохо, и даже трусливее, чем ругаться вслух.

— Вот это мужчина! — восхитилась мисс Лафосс.

— Да, он был такой неистовый, — согласилась мисс Петтигрю.

— Но я не слышала, чтобы вы ругались, — утешила ее мисс Лафосс.

— Должно быть, вы были слишком расстроены. Я сказала: «проклятье» и «черт» и послала его... туда.

— О! — сказала мисс Лафосс с ободряющей улыбкой. — Это вовсе не бранные слова. Это просто такие обороты речи. Уверяю вас, мода на слова меняется так же, как и на все остальное. Я думаю, что сейчас они уже вышли из категории греха. Вот что вам действительно нужно, так это еще глоточек хереса.

Она подошла к подносу и опустошила бутылку шерри. Она вернулась с почти полным стаканом.

— Вот, пейте. Это всего лишь херес. Я помню какие напитки вы пьете при свете дня.

Мисс Петтигрю подняла глаза. Ее слезы начали высыхать, а лицо приняло удивленное и радостное выражение.

— О! — ахнула она. — Я справилась. У меня получилось.

— О, бэби! — сказала мисс Лафосс с благоговением. — У вас все замечательно получилось.

Глаза мисс Петтигрю просияли сквозь слезы. Сейчас она выглядела трепетной, смущенной, неуверенной.

— Кажется, да. Я спасла ситуацию.

— Одну секунду, — заторопилась мисс Лафосс. — Пейте херес и расскажите мне, как вы догадались насчет сигар.

Мисс Петтигрю отказалась.

— Нет, спасибо, моя дорогая. Я уже пила дважды и достаточно изображала из себя пьяницу. Мудрая женщина не должна забывать о пределах своих возможностей. Я никогда

до сих пор не имела дела с алкоголем и не собираюсь начинать теперь.

— Вы уверены, что с вами все в порядке.

— Вполне.

Мисс Лафосс залпом проглотила херес и села.

— О, быстрее, — умоляла она, — пожалуйста, быстрее. Я не могу ждать, так хочу все услышать. Как... Вы... Это... Сделали? Я совсем забыла о кухне. Я никогда не думаю о кухне. Я там почти не бываю. Ужасная беспечность. Я с самого рождения такая невнимательная. Зато вы были изумительны.

Мисс Петтигрю поспешила отказаться от похвалы.

— На самом деле, — искренне призналась она, — все было очень просто. Ничего сверхъестественного. Пожалуйста, не считайте меня умной, а то будете потом разочарованы. Я обнаружила пачку, когда убирала спальню, и подумала, что моя сумка будет для сигар самым безопасным местом. Когда Ник нашел окурки и разозлился, я просто вспомнила, а остальное произошло само собой. Честное слово, в этом не было ничего особенного.

— Ничего особенного! — повторила мисс Лафосс. — Ничего особенного. Это было блестяще, изумительно. Лучшая актерская игра, которую я видела за последние пять лет.

— О, нет! Совсем не так. Я просто копировала.

— Копировала?

— Это была миссис Бруммеган.

— Миссис Бруммеган?

— Моя покойная работодательница. Простите, что плохо говорю о покойнице, но она была ужасной женщиной.

— Но я не совсем понимаю, — пробормотала мисс Лафосс, совсем сбитая с толку.

— Я работала на нее два года, — просто сказала мисс Петтигрю. — Мне пришлось. Я общалась с ней достаточно близко, чтобы изучить ее личность. И сегодня я сделала все возможное, чтобы как можно точнее подражать ей.

Тем не менее мисс Лафосс не собиралась умерять свои восторги. Ее глаза сияли.

— О! — выдохнула она. — Какая мимика. Вы прирожденный имитатор. Боже! Какой темперамент! Вас было не узнать. Вы были великолепны.

— О, нет, — смущенно запротестовала мисс Петтигрю, радуясь, как ребенок.

— Вы никогда не думали о смене профессии?

— Профессии?

— Да, о сцене.

— О сцене? — ахнула мисс Петтигрю. — Я?

— Там страшная нехватка хороших характерных актрис, — убежденно сказала мисс Лафосс. — Знаете, как это бывает. Те, кто начинает карьеру в молодости, со временем набираются опыта и уже не соглашаются на второстепенные роли. Они терпеть не могут, когда стареющие мальчики говорят: «Ей-Богу, я помню ее с детства. Видели бы вы, мой мальчик, как хороша она была в „Поцелуй меня, папа“». Их просто плющит от этого. Они желают всю жизнь оставаться молодыми и играть главные роли. Я не могу винить их, я сама такая.

— Вы выступаете на сцене? — удивление мисс Петтигрю было тактично замаскировано сомнением в собственных актерских способностях.

— Да, — подтвердила мисс Лафосс, — но сейчас я отдыхаю. Работаю больше для поддержки формы. Я не хочу подписывать контракты хуже предыдущих, а Фил готов был

занять меня в «Остром перце». Так что пока я не размениваюсь на мелочи и пою в «Алом Павлине».

— Очень странное название, — пробормотала мисс Петтигрю. — «Алый Павлин»?

— Да, странное, — согласилась мисс Лафосс. — Но оно запоминающееся, не находите? У Ника есть партнер по имени Тедди Шольц. У Ника несколько разнузданное воображение, и он хотел назвать его «Алой Блудницей», а у Тедди с воображением совсем никак, и он предложил «Зеленого Павлина». Они не знали, что выбрать и решили довериться картам, но Чарли Хартбридж подсунул им фальшивую колоду, и раздал обоим по тузу пик. Никто из них не хотел уступать, поэтому в конце концов пришлось согласиться на компромисс и назвать клуб «Алым Павлином».

— Как страшно интересно, — вздохнула мисс Петтигрю. — Я хочу сказать, как интересно знать подноготную историю. Я всегда видела эти вещи только со стороны.

— Да, — согласилась мисс Лафосс. — Вокруг Ника происходит много интересных вещей.

При упоминании о Нике мисс Лафосс смутилась. Она встала и, полуобернувшись лицом к мисс Петтигрю, стала водить пальцем по резному орнаменту на каминной полке. Ее лицо выглядело затуманенным и немного несчастным.

— Вот видите, как это происходит, — произнесла мисс Лафосс приглушенным голосом, — он просто берет все, что захочет...

— Да, — согласилась мисс Петтигрю.

— Бывают такие мужчины.

— Несомненно.

— Это невозможно объяснить.

— Он не принимает отказов.

— Да, ему невозможно отказать.

— Будучи женщиной, — сказала мисс Петтигрю, — я не могу не посочувствовать вам.

Мисс Лафосс оперлась локтем о каминную полку и опустила лоб на ладонь. В ее голосе звучала безнадежность.

— Он плохой человек, я знаю это и хочу порвать с ним. Пока его не было три недели, я была решительно настроена, и хотела закончить наши отношения, когда он вернется. Я даже просила вас помочь мне сохранить твердость духа. Но вы сами видели, какой он. Как только он вошел, я сразу растаяла. Если бы не вы, я бы согласилась на сегодняшний вечер. Завтра он спросит меня опять, и вас уже не будет рядом.

Мисс Петтигрю ясно видела корень зла и почувствовала необходимость решительно вмешаться. В порыве вдохновения она смело приступила к решению проблемы.

— Присядьте, — сказала мисс Петтигрю. — Оглядываясь назад, я не понимаю, почему поступила подобным образом. Я действовала совершенно автоматически. Я даже не успела ничего подумать. У него очень... очень опасное обаяние. Вам было страшно. Я тоже испугалась. Но надо было что-то сделать, и я решила действовать. Я вела себя очень глупо. Лучше бы он узнал о Филе, пусть бы он обрушил на Фила свой гнев, но вы бы благополучно расстались. Я не понимаю, почему я упустила эту возможность.

— Но я рада, что вы так поступили, — вздохнула мисс Лафосс.

— Присядьте.

Мисс Лафосс села.

— Нам надо обсудить ситуацию, — сказала мисс Петтигрю.

— Наверное, надо.

— Если не возражаете, — предложила мисс Петтигрю, — я начну первая.

— Вовсе нет, — сказала мисс Лафосс. — Пожалуйста, говорите.

— Вы жалеете себя, — обвинила ее мисс Петтигрю. — Вы думаете, что оказались в большой беде, полюбив человека, которого любить ни в коем случае нельзя. Вы думаете, что это несправедливо и беспокоитесь, что он сломает вам жизнь. Вот почему вы жалеете себя.

— Именно так, — честно призналась мисс Лафосс.

— В моей жизни, — сказала мисс Петтигрю, — было очень много неприятных вещей. Надеюсь, с вами ничего подобного не случится. Я думаю, что этого не произойдет, потому что вы не такая трусиха, как я. Но есть одна вещь, которая может оказаться для вас фатальной: жалость к себе. Она может парализовать вас.

— Думаю, вы правы.

— Теперь со мной все в порядке. Надо честно смотреть в лицо фактам. Я выбрала свой путь, — сказала мисс Петтигрю просто. — Молчаливое терпение. Для меня это был единственный выход. У меня не было смелости для жизненной борьбы. Я всегда боялась людей.

В глазах мисс Лафосс отразилось недоверие.

— Это правда, — подтвердила мисс Петтигрю. — Вы не должны судить по моему сегодняшнему поведению. Я никогда в жизни себя так не вела.

— Я бы не смогла терпеть молча.

— Нет, — согласилась мисс Петтигрю. — И я рада за вас. Уверена, вы сможете собраться и все благополучно закончить. Но вы смелая, а я нет.

— Я рада, что вы так думаете.

— Теперь поговорим о смелости, — твердо сказала мисс Петтигрю. — Вы должны использовать ее против него.

— О.

— Он ушел, — сказала мисс Петтигрю.

— Да.

— И когда он скрылся за дверь, вам показалось, что он унес с собой весь ваш мир.

— Вы меня понимаете.

— А сейчас вы тоже так думаете? — требовательно спросила мисс Петтигрю.

— Ну... нет. Уже нет. Все стало не так плохо. Я уже почти не думаю о нем.

— Я хочу сказать, что он далеко, но вы можете обойтись без него.

— Ну, да.

— И завтра, и через десять лет?

— Почему нет? Полагаю, что могу. Я выживу.

— Вот видите, как все происходит, — радостно сказала мисс Петтигрю. — Это действует только, когда он рядом. А когда его нет, вы можете жить без него. Можете мне пообещать, что в следующий раз, когда он попросит вас сделать что-нибудь, вы согласитесь дать ответ позже и подождете хотя бы пятнадцать минут, прежде чем принять решение? Пусть сначала он уйдет и его очарование рассеется.

— Это трудное обещание, — сказала мисс Лафосс. — Но я даю его. Я знаю, что это для моего же блага. Я никогда не смогу отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня сегодня. Вы дважды спасли меня. Знаете, я никогда не могла отказать Нику прежде. Я даже не думала, что смогу, только надеялась. Теперь я сделала это, понимаете? И я чувствую себя

хорошо. Нет, просто прекрасно. Раз я сделала это один раз, почему я не смогу сделать это снова? Уверена, я смогу... Это просто грандиозно, — воскликнула мисс Лафосс с энтузиазмом. — Я свободна. Может быть, я смогу противостоять ему.

— Это, — сказала мисс Петтигрю, — французы называют «боевым куражем».

Она откинулась на спинку стула. Мисс Лафосс тоже уселась поудобнее и погрузилась в мечты. Часы на каминной полке отсчитывали секунды негромко и размеренно. Постепенно их тиканье проникло в сознание мисс Петтигрю. Она повернула голову и посмотрела на часы. Секундная стрелка мчалась по кругу, и мисс Петтигрю вспомнила, где она находится. Больше ничего не задерживало ее здесь. Хорошие манеры требовали немедленно попрощаться и уйти. Она должна была заявить о каких-нибудь срочных делах. Она должна была отказаться от положения равноправного союзника мисс Лафосс и снова превратиться в скромную претендентку на должность, которую, как она уже была уверена, никогда не получит.

Она слишком много успела узнать о личной жизни мисс Лафосс. Мисс Петтигрю пережила немало жестоких разочарований в человеческой натуре и понимала, насколько невыносимыми будут для мисс Лафосс воспоминания о сегодняшнем дне. Она снова погружалась в безнадежность и отчаяние. Но с этим она уже ничего не могла поделать. Она должна объясниться и закончить это удивительное приключение.

Но у нее не было сил встать. Как никогда в жизни, она мечтала остаться здесь. Мисс Петтигрю чувствовала, что не сможет расстаться с этим счастливым и уютным мирком, где незнакомые люди были так добры к ней и считали ее такой замечательной. Как она могла вернуться в свою жизнь, так и не узнав, что случилось с Филом, сокрушило ли очарование Ника оборону мисс Лафосс, какую роль суждено сыграть в этой драме Майклу, и что он вообще за человек? Она почувствовала, как слезы одиночества и отчуждения жгут ей глаза.

«Я подожду, — тупо подумала мисс Петтигрю, — еще три минуты. Пусть минутная стрелка переместится еще на три деления, и тогда я заговорю. Разве я не имею права на три минуты счастья?»

Она отчаянно молилась о новом стуке в дверь. Стук в дверь мисс Лафосс возвещал о новом приключении. Это был совсем не такой дом, где за дверной молоток берется мясник, пекарь или электрик. Стук в дверь мисс Лафосс предвещал волнение, драму или новый кризис. Ах, если бы Господь был так добр и явил чудо, которое задержит ее здесь на весь день, чтобы показать, какой может быть настоящая жизнь. Чтобы в дальнейшей череде унылых и серых будней она, мисс Петтигрю, могла оглянуться назад и сказать себе, что она прожила один день полной жизни.

Но чудес не бывает. Часы тикали в полной тишине. Три минуты истекли. Мисс Петтигрю, всегда честная даже сама с собой, выпрямилась на стуле. Она крепче стиснула руки. Помимо воли ее лицо приняло жалкое и безнадежное выражение.

— Теперь о деле, — смело начала мисс Петтигрю. — Я думаю, нам следует условиться. Насчет моей...

Мисс Лафосс со вздохом отвлеклась от своей мечты и рассеянно улыбнулась мисс Петтигрю.

— Я думала о Майкле, — призналась она.

— О Майкле! — воскликнула мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс стыдливо кивнула.

— Меня он не волнует, — честно призналась она, — но женщина всегда испытывает

немного сентиментальное чувство к человеку, который хочет жениться на ней, даже если не собирается за него замуж и считает его ужасным. Неважно, кто он и что он, но он сразу становится не таким, как все остальные мужчины. Я полагаю, — глубокомысленно заключила мисс Лафосс, — это считается большим комплиментом и льстит женскому самолюбию.

Мисс Петтигрю не нравился Майкл. Она не хотела, чтобы мисс Лафосс выходила за него. Конечно, брак был бы для нее лучшей гарантией будущего, но она не желала для мисс Лафосс обычного брака. Она мечтала о чем-то счастливом, блестящем и романтическом. Ей было больно думать, что мисс Лафосс может кануть в глухое провинциальное бытие, даже если оно обещает ей покой и безопасность. И она была уверена, что Майкл является воплощением всех этих унылых сторон жизни.

— Я предполагаю, — в голосе мисс Петтигрю звучали одновременно сомнение и надежда, — его не ждет титул баронета, или богатое наследство или что-то подобное?

— О, нет, — весело сказала мисс Лафосс. — Ничего подобного. Только не Майкл.

— Я так и думала, — с сожалением произнесла мисс Петтигрю.

— У его отца была рыбная лавка в Бирмингеме, — пояснила мисс Лафосс, — а мать была портнихой. Он отправился на юг, когда ему исполнилось шестнадцать лет. Он, как говорится, сделал себя сам.

— Понимаю, — сказала совершенно разочарованная мисс Петтигрю.

Она уже терпеть не могла Майкла. Она знала, насколько зашорены и подчинены условностям эти «самодельные люди». Она вспомнила мистера Сапфиша из Фалбэри. Презренный человек без корней и родословной, изо всех сил цепляющийся за статус своей новоявленной респектабельности. Опасающийся хоть на шаг отойти от проторенных путей. Живущий в страхе перед малейшей свободой выбора. Мисс Петтигрю насквозь видела его трусливую душонку за доспехами запретов общественного мнения. Он получит в руки жар-птицу и что дальше? Страх сплетен и людских пересудов. «Его жена, вы знаете...». Его бдительный взор будет следить за каждым движением жены. Бедная миссис Сапфиш! Он сокрушит свободный дух мисс Лафосс и сломает ее крылья.

«О, только не Майкл! — взмолилась про себя мисс Петтигрю. — Должен быть еще кто-нибудь».

— Разве нет кого-нибудь еще, кто хотел бы жениться на вас? — с надеждой спросила мисс Петтигрю.

Лицо мисс Лафосс просветлело. Разговор становился интересным.

— Ну, еще есть Дик, — услужливо подсказала она, — но у него совсем нет денег. Он репортер, а журналисты почти ничего не зарабатывают.

— Нет смысла, — твердо заявила мисс Петтигрю.

— И есть Уилфред, но у него двое детей с Дейзи ла Рю, и я думаю, что ему следует жениться на ней.

— Несомненно, — согласилась мисс Петтигрю, шокированная, но заинтересованная.

— Думаю, он так и сделает, как только получит отставку у меня. Он очень любит Джейн и Джеймса.

— Бедные детки! — сказала взбудораженная мисс Петтигрю.

— Стало быть, мы вычеркиваем Уилфреда, — произнесла мисс Лафосс с великолепным великодушием.

— И больше никого? — разочарованно спросила мисс Петтигрю.

— Ну, я бы так не сказала. Не сейчас. Я имею в виду, что в последнее время не занимаюсь всерьез этим вопросом.

— Ну, — сказала мисс Петтигрю с невольным сожалением, — я еще не видела Майкла...

Взгляд мисс Лафосс обратился к циферблату.

— Боже мой! — выдохнула она. — Посмотрите на часы. Уже пятнадцать минут второго. Вы, должно быть, проголодались.

Она стремительно повернулась к мисс Петтигрю.

— Ну, пожалуйста! Вы говорили, что можете остаться. У вас ведь нет других дел, правда? Я так не люблю обедать в одиночестве.

Мисс Петтигрю откинулась назад, чувствуя блаженное головокружение.

— О, нет, — сказала она счастливым голосом, — у меня нет других дел. Я с удовольствием пообедаю с вами. Сегодня я совершенно свободна.

Глава 5

13:17–15:13

Они решили обедать дома, и мисс Петтигрю приготовила обед. В кладовой обнаружили остатки холодной курицы. Холодная курица с обществе мисс Лафосс была вершиной роскоши. Кроме того, мисс Лафосс открыла бутылку Liebfraumilch^[3] и заставила выпить. Мисс Петтигрю потягивала вино медленно и осторожно, стараясь убедить себя, что это маленькое безрассудство не повлечет за собой каких-либо негативных последствий.

Они уже пили кофе в уютном молчании, когда раздался звонок. Мисс Петтигрю настороженно посмотрела в сторону двери. Короткая передышка закончилась. Она дернулась, чтобы подняться, но мисс Лафосс опередила ее. Она открыла дверь и внесла в гостиную коробку, содержащую огромную охапку алых роз.

— О, как мило! — ахнула мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс достала карточку.

«До завтра» — прочитала она, — Ник.

— Ник! — произнесла мисс Петтигрю безжизненным голосом.

— Ник! — восторженно повторила мисс Лафосс. — О, дорогой!

Она схватила розы и уткнулась носом в ароматные лепестки. Постепенно ее взгляд затуманился сентиментальной нежностью.

— О! — снова выдохнула она. — Как это мило с его стороны.

Она виновато посмотрела на мисс Петтигрю.

— Он не часто присылает цветы. Я хочу сказать, они ему не нравятся. То есть, цветы от него значат больше, чем от кого-то другого.

Мисс Петтигрю почувствовала, что мисс Лафосс ускользает. Не колеблясь, она приступила к делу.

— Гм!

— Что?

— Очень хороший ход.

— Что вы имеете в виду? — обиженно спросила мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю бросила небрежный взгляд на цветы.

— Любой человек может послать цветы, — сказала она. — Для человека с деньгами нет ничего легче, чем зайти в магазин и попросить прислать букет мисс такой-то. Ни забот, ни хлопот, и он будет уверен, что любая сентиментальная женщина будет до глубины души тронута этим жестом. Удивительно, — продолжала мисс Петтигрю, — какое сокрушительное влияние оказывают цветы на здравый смысл женщин.

— И все-таки это было очень мило с его стороны, — мисс Лафосс продолжала держать оборону.

— Да... очень, — саркастически заметила мисс Петтигрю.

— А что же еще он должен был сделать? — мисс Лафосс начала горячиться.

— Являются ли розы вашими любимыми цветами? — требовательно спросила мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс с сомнением посмотрела на розы.

— Ну, нет, — призналась она. — Честно говоря, я никогда не испытывала особой любви

к алым розам. Просто их дарят чаще всего. Как и орхидеи. Все мужчины присылают орхидеи, потому что они дорогие, и женщины это знают. Но я всегда считала, что они выглядят дешевыми, несмотря на всю свою дороговизну. Словно они платят, чтобы показать себя. Я всегда любила бронзовые хризантемы.

Мисс Петтигрю щелкнула пальцами.

— Вот именно. Он даже не потрудился найти ваши любимые цветы. Это все равно как... ну... ему все равно, что прислать вам, то ли цветы, то ли фунт сливочного масла. Нет! — сказала она. — Извините, но я не понимаю, чему тут радоваться.

— Вы совершенно правы, — согласилась мисс Лафосс. — Я никогда не думала об этом раньше. Когда вы говорите, все кажется таким простым. Эти мелочи показывают истинное чувство человека.

Она бросила розы на диван.

— О! — поспешно сказала мисс Петтигрю. — Я думаю, розы ни в чем не виноваты. Немного воды, как вы думаете?..

— Конечно. Сейчас принесу.

Мисс Лафосс нашла пустую вазу и пошла на кухню за водой. Мисс Петтигрю встала. Она в свою очередь взяла розы и глубоко вдохнула их чудесный аромат.

«Ах! — подумала мисс Петтигрю. — Если бы мужчина прислал мне такую кучу алых роз, я бы просто упала в обморок, и пусть он сам решает, что делать со мной дальше».

Мисс Лафосс вернулась, и мисс Петтигрю небрежно затолкала розы в вазу. Это яркое пятно добавило еще один блестящий штрих интерьеру.

— Без пятнадцати три, — размышляла мисс Лафосс. — Мы должны быть на Огилви к пяти. Удивительно, сколько времени требуется, чтобы привести себя в порядок. Думаю, нам лучше начать прямо сейчас. Вы должны помочь мне выбрать платье.

Мисс Петтигрю проследовала за ней в спальню. Это «мы» звенело в ее голове праздничными колоколами. Но она не могла поверить, что эти планы включают и ее. Вероятно, к мисс Лафосс должен прийти кто-то еще. И пока этот кто-то не явится (если это конечно не «он»), она будет наслаждаться каждой минутой наедине со своей драгоценной хозяйкой.

— Во-первых, ванна, — сказала мисс Лафосс. — Я ее еще не принимала. Благослови, Боже, этот дом. Здесь всегда есть горячая вода. В моей последней квартире никогда нельзя было предсказать, когда появится горячая вода, а здесь я могу получить ванну в любое время. Пожалуйста, включите воду, пока я отберу одежду.

Ошеломленная, мисс Петтигрю отправилась в ванную комнату. Потрясенная, она включила воду. Изумленная, она достала мыло и полотенца. Она не ослышалась. Ее уши не обманули ее. Даже если бы она ослышалась, просьба мисс Лафосс развеяла бы ее последние сомнения. Пьянея от восторга, она смотрела на льющуюся воду. Да, она была пьяна от волнения, ожидания и радости. Она была пьяна от возбуждения, которого никогда в жизни не чувствовала. Ее не волновало, что мисс Лафосс была дурной женщиной. Ее не волновало, что у мисс Лафосс было два действующих любовника, и кто знает сколько еще бывших. Ее не волновало, что у мисс Лафосс где-то был ребенок, которому требовалась гувернантка.

— Меня не волнует, — сказала себе мисс Петтигрю, — если у нее даже двое детей.

Она вернулась в спальню.

— Ваша ванна готова.

Мисс Лафосс исчезла в ванной. Мисс Петтигрю осмотрела комнату. Здесь царил

страшный беспорядок. Тонкие, как паутинка, чулки разных оттенков устлали пол. Кружево и шелк нижнего белья пенились в приоткрытых ящиках комода и стекали со спинки кресла. Платья лежали на кровати.

Мисс Петтигрю покачала головой.

«Нет... нет, — подумала вчерашняя мисс Петтигрю. — Очень неопрятная барышня. Очень. Беспорядок. Плохое воспитание. Никакой дисциплины. Спальня леди не должна находиться в таком состоянии».

Внезапно вчерашняя мисс Петтигрю испарилась.

«Какой очаровательный беспорядок! — восхитилась новая мисс Петтигрю. — Какая прекрасная легкость! Непринужденность! Свежесть!»

Даже став гувернанткой мисс Лафосс, мисс Петтигрю была бы совершенно уверена, что та никогда не испугается любопытных глаз, вторгающихся в частную жизнь, и будет безразлична к мнению любого из судей. Она ощущала окрыляющее чувство радости от одной только мысли, что в мире существуют люди, подобные мисс Лафосс. Мисс Петтигрю стояла посреди спальни и счастливо улыбалась, пока мисс Лафосс не вернулась из ванной.

На мисс Лафосс не было ничего, кроме пеньюара персикового цвета. Когда она небрежно распахнула полы халата, мисс Петтигрю успела мельком заметить безупречные точеные ножки с бледно розовыми от горячей воды коленями. От жары лицо мисс Лафосс слегка покраснело. Мелкие кудряшки окружали щеки, золотистая прядь падала на лоб. Мисс Петтигрю рассматривала ее с застенчивым восхищением.

— Вы очень симпатичная.

— Спасибо, — улыбнулась мисс Лафосс, — это всегда приятно слышать.

Она равнодушно сбросила халат с плеч и начала придирчиво выбирать белье. Мисс Петтигрю ахнула, моргнула, закрыла глаза и снова открыла их. Мисс Лафосс спокойно бродила по спальне, не догадываясь, что может оскорбить чью-то нежную стыдливость.

Жарко и взволнованно мисс Петтигрю упрекнула себя.

«Это у меня, — строго сказала она себе, — ограниченный и злой ум. Что такого особенного в человеческом теле? Ничего. Разве оно не творение Господа, как и наше лицо? Конечно. Разве Он думал о чем-то плохом, создавая человека? Нет, это только наш суровый климат вынуждает нас носить одежду. Правильно. Это всего лишь предрассудок. У меня ханжеские, узкие взгляды. Я никогда не видела ничего прекраснее, чем голая мисс Лафосс».

Словно отвечая ее мыслям, мисс Лафосс с удовлетворением посмотрела в зеркало.

— Хотя и не следует так говорить, — заметила она, — думаю, что у меня неплохие данные. Я имею в виду внешность. Понимаете, это очень важно для моей профессии. Потерять фигуру все равно, что потерять будущее. У меня всегда есть стимул поддерживать себя в форме.

— У вас самая лучшая фигура, которую я когда-либо видела, — сказала мисс Петтигрю. Мисс Лафосс улыбнулась.

— Вы всегда говорите такие приятные вещи. Рядом с вами любая женщина будет чувствовать себя красавицей.

Она скользнула в белоснежный шелк и кружева. Мисс Петтигрю издала тихий вздох облегчения. Она уже была готова изменить свое мировоззрение, но была слишком стара, чтобы совершить это в один прыжок.

— Какой беспорядок! — воскликнула мисс Петтигрю.

— Я отпустила мою горничную, но знаете, я никогда не умею разложить вещи

аккуратно, когда одеваюсь сама. Итак, какое платье мне надеть?

Она показала два платья. Мисс Петтигрю глубоко вздохнула. Они оба были восхитительны. Каждое было достойно кинозвезды. Одно из темно-синего крепа с цветочным рисунком. Второе черное, с серебряным воротником и широкими прозрачными рукавами, скрепленными на запястьях серебряными манжетами, и с таким же серебряным поясом вокруг талии. Мисс Петтигрю нравились оба. Она была согласна на любое, но желая выглядеть мудрой и осведомленной, решительно указала на второе. В черном вы всегда в безопасности.

— Черное, — сказала мисс Петтигрю. — С вашими светлыми волосами и белой кожей, с голубыми глазами... будет идеально.

Мисс Лафосс задумчиво посмотрела на платья. Мисс Петтигрю утвердительно кивнула.

— Они оба новые, — сказал мисс Лафосс. — Я собиралась поразить Ника, но раз уж я собираюсь порвать с ним, то единственный достойный нового платья — это Фил, как думаете?

— О, несомненно, — подтвердила мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс уселась перед зеркалом и приготовилась к заключительному обряду. Туалетный столик украшало несчетное количество баночек и флаконов.

— А теперь, Элис, — сказала мисс Лафосс, — сядьте. Думаю, вы уже утомились так долго стоять на ногах.

О ней заботились. Со счастливым чувством, которого она не испытывала с того самого дня, когда ей исполнилось восемнадцать лет, мисс Петтигрю нашла стул и подтащила его к туалетному столику.

— Простите меня, — сказала мисс Петтигрю. Она слегка покраснела. — Мое настоящее имя Гвиневра. Я знаю, это очень глупое имя, и оно совсем мне не подходит, но так назвала меня мать. Она любила читать о сэре Ланселоте и Гвиневре. Элис, как вы меня назвали, подходит больше. Я выгляжу, — с сожалением признала мисс Петтигрю, — больше похожей на Элис.

Мисс Лафосс обернулась.

— Ерунда, — восторженно воскликнула она. — Это прекрасное имя, просто чудесное. Оно такое необычное. Оно сразу придает вам значение. Имя... имя делает вас кем-то особенным. — она понизила голос. — Мое настоящее имя, — она раскрыла свой секрет, — Сара Грабб. Ужас! Я не призналась бы ни одной живой душе, но вам я могу доверять, ведь сегодня вы спасли мою репутацию. Когда я вышла на сцену, я взяла себе другое имя. Я назвалась Делисией Лафосс. Лафосс я придумала сама. Я думала, что это звучит очень хорошо.

— Вы выглядите, — согласилась мисс Петтигрю, — настоящей Делисией.

— Спасибо, — сказала мисс Лафосс. — Я тоже так думаю.

— «Что в имени тебе моем...» — мечтательно процитировала мисс Петтигрю.

— Но черт побери, — заявила мисс Лафосс. — Один отвратительный озлобленный газетчик выследил меня и выкопал мое настоящее имя, я даже не решаюсь сказать вам, что он предложил мне сделать, чтобы он не опубликовал это в своей жалкой газетенке.

Мисс Петтигрю не осмеливалась и подумать.

— Я чуть не погибла, — продолжала мисс Лафосс. — Представляете? Сара Грабб! Достаточно одного имени или фамилии. Кто может аплодировать Саре Грабб? Но судьба сыграла с ним злую шутку. Однажды ночью он напился, как обычно, и попал под грузовик,

так что для меня стало одной проблемой меньше.

— Очень мило с его стороны, — тихо согласилась мисс Петтигрю.

— Так что мы напишем на афише? — поинтересовалась мисс Лафосс.

За сегодняшний день мисс Петтигрю успела достаточно отточить свое остроумие. Она сразу поняла вопрос.

— Петтигрю, — сказала она. — Гвиневра Петтигрю. Звучит смешно, не знаю, что вы теперь будете думать обо мне.

— Отлично, — выдохнула мисс Лафосс. Абсолютное совершенство. Чудесное сочетание. И оба имени самодостаточны. Вы не оставите ни одного шанса жалким писакам и старым сплетницам. Вы уверены, что, — мисс Лафосс наклонилась вперед, — никогда не думали о сцене? Я хочу сказать, с вашей мимикой и всем остальным? Знаете, у меня есть кое-какие связи.

— Нет, — твердо сказала мисс Петтигрю, но в ее голосе прозвучала новая уверенность в собственной важности, — Никогда.

— Жаль. — мисс Лафосс покачала головой. — Вы отказываетесь от прекрасной возможности.

Она взяла щетку для волос.

— У вас красивые волосы, — с тоской сказала мисс Петтигрю. Она с грустью посмотрела в зеркало на свои собственные, такие прямые и тусклые. — У меня совсем не такие.

— Все люди разные, — согласилась мисс Лафосс. — Мне повезло. Мои волосы вьются сами собой, иначе бы я сделала химическую завивку. Нет ничего такого, что не мог бы исправить хороший перманент. С ним можно даже выйти под дождь, волосы все равно будут виться. Зато после щипцов волосы сразу выпрямляются и выглядят даже хуже, чем раньше.

Она критически посмотрела на мисс Петтигрю.

— Я знаю, что нам надо сделать. Я не хотела бы вас обидеть, но вам не кажется, что парикмахер может лучше, чем вы сами, разобраться, что вам подходит? Нам нужен Альфонс. Он знает, что делать. Мы поедem к нему.

Мисс Петтигрю сидела с порозовевшим лицом, горящими глазами и дрожащими губами.

— О, моя дорогая, — сказала мисс Петтигрю. — Вы ничем не могли обидеть меня, но не забывайте, что я...

Над дверью громко зазвонил колокольчик.

— Звонок! — сказала мисс Лафосс. — Можно вас попросить?..

— Конечно.

В один миг мисс Петтигрю оказалась на ногах. Она решительно закрыла за собой дверь спальни. Незнакомый посетитель. Она чуть не споткнулась, торопясь к двери. В течении одного незабываемого мгновения, затаив дыхание, она стояла перед дверью. Затем распахнула ее.

Глава 6

15:13–15:44

— Ах! — вздохнула мисс Петтигрю.

Она чуть не столкнулась со стремительно переступившим порог женским телом, принадлежащим леди поразительной внешности. Мисс Петтигрю отступила и прищурилась, с жадностью пожирая глазами незнакомку. Дама была молодая, стройная и элегантная. Ее лицо цвета густых сливок было лишено каких-либо красок, за исключением злого красного рта. Черные, как китайский лак, волосы были разделены на прямой пробор и сложным узлом уложены на затылке. Крошечная шляпка опасно накренилась надо лбом. Черные брови изогнуты под неестественно острым углом над необычайно яркими для брюнетки синими глазами. Длинные черные ресницы, густые и загнутые, как у известнейшей из кинозвезд, совершенно зачаровали мисс Петтигрю. Яркие зеленые серьги свисали с крошечных мочек ушей, необычайно плотно прижатых к голове. Когда она повела плечами, облако заманчиво-нежного аромата обольстительно закружило голову мисс Петтигрю. Ее одежда... мисс Петтигрю не смогла бы описать ее. Ее жизненного опыта явно было недостаточно для описания парижских кондитерских изделий. Дама распахнула шубку и бросила на диван шелковые перчатки. Очевидно, она пришла сюда, чтобы остаться. Мисс Петтигрю повернулась и закрыла дверь.

Посетительница рассеянно оглядела комнату.

— Я вас не знаю.

— Не знаете, — согласилась мисс Петтигрю.

— Делисия дома?

— Да.

— Я должна увидеть ее. Я просто обязана увидеть ее. Я могу ее видеть?

— Конечно, — подтвердила мисс Петтигрю.

— Я хочу сказать, — она бросила настороженный взгляд на закрытую дверь спальни. — Я не хотела бы помешать. Я спинным мозгом чую Ника.

— Мисс Лафосс одна.

— Слава Богу!

— Если вы скажете мне свое имя, — услужливо предложила мисс Петтигрю, — я сообщу мисс Лафосс о вашем визите.

Посетительница уже была на пути к двери. Она бросила удивленный взгляд через плечо.

— Все в порядке. Она меня знает.

Она поспешила к двери и распахнула ее.

— Делисия.

— Выйди, — сказала мисс Лафосс.

— Я должна кое-что тебе рассказать.

— Знаю. И знаю, что. Вот почему я прошу тебя выйти. Сейчас я очень занята. Если ты отвлечешь меня, когда я занимаюсь своим лицом, я сделаю какую-нибудь ошибку и буду выглядеть испуганной. Я недолго.

— Просто мне необходимо поговорить с тобой.

— Гвиневра, — позвала мисс Лафосс.

— Да, — сказала мисс Петтигрю, вся внимание.

— Эдит, познакомьтесь с Гвиневрой. Она присмотрит за тобой. Гвиневра, познакомьтесь с Эдит. Ради Бога, займите ее чем-нибудь. Она ужасная женщина, но я скоро вам помогу.

— С удовольствием, — ответила счастливая мисс Петтигрю и решительно закрыла дверь.

Мисс Лафосс хотела побыть одна, значит, мисс Лафосс должна побыть одна. Она немного смущенно повернулась к новой посетительнице. Мисс Петтигрю не была уверена, каким образом следует говорить с молодыми женщинами. Не все они могли оказаться такими же милыми и любезными, как мисс Лафосс.

— Моя фамилия Петтигрю, — произнесла она несколько извиняющимся тоном на случай, если молодая леди не хотела начать знакомство с христианских имен.

— Ай! Я Дюбарри.

— Как поживаете? — вежливо сказала мисс Петтигрю.

— Паршиво, — ответила мисс Дюбарри. — Как дела?

— Ох... Ох, хорошо, — слегка задохнулась мисс Петтигрю, но поспешно вернулась к легкому тону. — Очень хорошо.

— Тогда значит, вы замужем, — мрачно сказала мисс Дюбарри, — или влюблены. А я нет.

— Что нет? — решила переспросить мисс Петтигрю, удивленная ее грубостью.

— Я не замужем и не влюблена.

— О! — восторженно сказала откровенно заинтересованная мисс Петтигрю. — Как мило.

— Мило? — взорвалась мисс Дюбарри. — Мило!? Этот шелудивый пес бросил меня!

— Ах! Как трагично, — поправила мисс Петтигрю.

— «Трагично» подходит больше, — простонала мисс Дюбарри. — Вот почему я и пришла к Делисии. Она получила отличные мозги впридачу к неземной красоте. Так что не обманывайтесь на ее счет.

— Я не обманываюсь, — сказала мисс Петтигрю.

— Наверное, да. Эту ошибку обычно делают только мужчины. Они видят ее блестящую внешность, думают, что у нее в голове не может быть ни капли серого вещества, и сразу пытаются пригласить ее на ужин. Сами виноваты, конечно.

— Они заслуживают то, что получают, — воинственно заявила мисс Петтигрю, не имея ни малейшего представления о предмете их беседы.

— Вот именно. Но у нее есть мозги, и потому ей все сходит с рук. А у меня нет, поэтому я падаю и расшибаюсь в лепешку.

Она обвела комнату таким несчастным взглядом, что доброе сердце мисс Петтигрю растаяло.

— Присаживайтесь, — любезно сказала мисс Петтигрю.

— Спасибо, я так и сделаю.

Мисс Дюбарри села.

— Эти мужчины ужасные существа, — решительно заявила мисс Дюбарри.

— Совершенно с вами согласна, — сказала мисс Петтигрю.

Тема разговора все еще ускользала от нее, но она не волновалась. Она наслаждалась ситуацией. Она находилась в состоянии духовного опьянения. Никто никогда раньше не говорил с ней подобным образом. Очень странно, в предчувствии нового приключения мурашки пробежали вверх по ее позвоночнику. Если хорошенько вспомнить, вряд ли кто-

нибудь вообще не постеснялся заговорить с ней на подобные темы: о личном. Но эти люди! Они открывали ей свои сердца. Они признали ее. Она была одной из них. От этого восхитительного открытия каждый нерв в ее теле затрепетал от восторга. Самое удивительное: они просто говорили ей «Хэлло», и она сразу становилась одной из них. Их не беспокоили ее положение, семья и банковский счет. За всю свою одинокую жизнь мисс Петтигрю так и не поняла, насколько одинокой она была до сегодняшнего дня. Она не могла уловить разницу. В течение многих лет она жила в чужих домах и постоянно находилась среди людей, но только последние несколько часов была безмятежно спокойна и счастлива, словно у себя дома. Ее приняли, ее видели, слышали и говорили с ней.

И как они говорили! Она не слышала раньше ничего подобного. С такой забавной непоследовательностью. Каждая фраза была подобна пьянящему коктейлю. Острота замечаний придавала каждому слову ощущение изысканности. И самое главное, она сама могла отвечать им подобным же образом.

«Я никогда не верила, — с гордостью подумала мисс Петтигрю, — что во мне это тоже есть».

Она стояла, с сияющей улыбкой глядя на мисс Дюбарри сверху вниз. Мисс Дюбарри, в свою очередь, сидела, мрачно уставившись на электрический огонь, и даже не подозревая о приливе энтузиазма, который вызвала в подруге Делисии. Мисс Петтигрю подумала, что ей следует что-то сделать, чтобы облегчить страдания мисс Дюбарри. С легкой беспечностью, с небрежной грацией (как повторялось на бесчисленных радиостанциях) она воспарила к вершинам светской любезности.

— Надо выпить, — сказала мисс Петтигрю.

Лицо мисс Дюбарри просветлело.

— Это идея. Боже, благослови эту женщину.

Мисс Петтигрю метнулась к буфету на кухне и вернулась с тяжело нагруженным подносом. Она составила туда все бутылки, которые ей удалось обнаружить.

— Может быть, вы смешаете сами, — предложила она все с той же легкостью. — Каждый сам готовит себе яд, как я всегда говорю.

Мисс Дюбарри с готовностью согласилась.

— Просто немного джина и... где сок лайма? Ах! Вот он. Думаю джин с тоником сегодня мне не осилить.

Мисс Петтигрю наблюдала за ней с завуалированным интересом.

— А что вы будете? — услужливо предложила мисс Дюбарри.

Мисс Петтигрю открыла рот. Поспешный отказ готов был сорваться с ее языка, но она успела спохватиться. Это был неподходящий момент для шепетильности. Хозяйка должна выпить со своей гостьей.

— Я смешаю сама, — опрометчиво заявила мисс Петтигрю.

Мисс Дюбарри сделала маленький глоток из своего стакана. Мисс Петтигрю поспешно наполнила бокал содовой и подкрасила ее хересом, чтобы придать вид подлинности. Она вернулась на свое место.

— С глаз долой... — сказала мисс Дюбарри.

Сегодня точные ответы сами собой приходили на язык мисс Петтигрю.

— ... из сердца вон, — подхватила она.

Они выпили.

— Еще? — предложила мисс Петтигрю.

— Думаю, мне больше не следует, — неохотно признала мисс Дюбарри. — Я хочу сказать, если мы едем к Огилви, то мне лучше приехать туда трезвой. Потому что оттуда мы почти всегда уезжаем пьяными.

— Точно, — согласилась мисс Петтигрю.

— И потом, если там будет Тони, мне надо держать себя в руках.

— Верно, — сказала мисс Петтигрю.

— Так что мне больше пить не стоит.

— Бар закрыт, — объявила мисс Петтигрю.

— Ну, разве что плеснуть на доньшко, — сказал мисс Дюбарри.

И плеснула. Она уже выглядела намного бодрее. Ее траурное выражение почти развеялось. Она внимательно рассматривала мисс Петтигрю, не скрывая своего любопытства.

— Вы подруга Делисии?

Мисс Петтигрю уставилась на носки своих туфель, потом посмотрела на закрытую дверь спальни, снова взглянула на мисс Дюбарри.

— Да, — сказала мисс Петтигрю.

— Близкая подруга?

— Очень, — солгала мисс Петтигрю.

— Ну, — заявила мисс Дюбарри, — я всегда говорила, что друзья Делисии — мои друзья.

— Спасибо, — сказала мисс Петтигрю.

— Она видит людей насквозь, а я так не умею. Она всегда оказывается права, поэтому я следую ее примеру.

Это заявление вызвало некоторые сомнения в душе мисс Петтигрю, но она только улыbnулась.

— Недавно в Лондоне, — выдала точный диагноз мисс Дюбарри.

Мисс Петтигрю воздержалась от замечания, что за последние десять лет все ее работодатели жили непосредственно в Лондоне или его окрестностях. Вдруг ей стало стыдно это признать. Очевидно, этот факт не давал ей никакого преимущества.

— Я родилась в деревне в Нортумберленде, — сказала она.

— Ах! — восторженно воскликнула мисс Дюбарри. — Шотландия!

— Ну, не совсем, — сказала мисс Петтигрю.

— Это далеко от Лондона, — мрачно заметила мисс Дюбарри.

— Да, порядком.

— Вы уже освоились здесь?

— Надеюсь, что да.

— Ах. Вы скоро почувствуете разницу. Другого такого места, как Лондон, больше нет. Вам потребуется кое-какое время, но вы поймете. Вы оставите провинцию далеко в прошлом.

— Вы так думаете?

— Не сомневайтесь, вы говорите с экспертом.

Внезапно мисс Дюбарри встала. Она обошла вокруг мисс Петтигрю, разглядывая ее с сосредоточенным выражением лица. Мисс Петтигрю окаменела на стуле. Мисс Дюбарри нахмурилась. Она ущипнула подбородок большим и указательным пальцами. Покачала головой. Внезапно она резко заявила:

— Вам не следует носить этот грязно-коричневый. Это не ваш цвет.

— О! — подпрыгнула мисс Петтигрю.

— Конечно! Где ваш вкус? Где чувство прекрасного?

— У меня их нет, — покорно согласилась мисс Петтигрю.

— И ваш макияж совсем никуда не годится.

— Макияж! — ахнула мисс Петтигрю.

— Косметика.

— Моя? — слабым голосом спросила мисс Петтигрю.

— Ваша.

— У меня ее нет.

— Нет макияжа? — переспросила шокированная мисс Дюбарри. — Почему? Это же неприлично, ходить голой.

Мисс Петтигрю безучастно уставилась на нее. Ее голова кружилась, мысли беспорядочно метались в мозгу. Ее разум не в состоянии был выдержать нового психического потрясения. Да, почему за все эти годы она ни разу не попыталась напудрить нос? Другие женщины испытывали эту радость, но только не она. И все потому, что ей не хватало смелости. Потому, что она никогда не думала о себе. Пудра, прогремел в ушах голос священника-отца, усыпает дорогу к преисподней. Губная помада, прошелестел голос матери, первый шаг к падению. Румяна, взывал отец, приманка блудницы. Карандаш для бровей, вздохнула мать, не для леди...

Мысли стремительно летели в голове мисс Петтигрю. Радость и красота — это грех? Она выпрямилась. Ее глаза сверкнули. Вся ее невостребованная женственность билась о рамки сурового пуританского воспитания. Внезапно она вспомнила. Она ссутулилась, ее лицо омрачилось.

— О! — произнесла мисс Петтигрю ровным голосом. — Моя дорогая... не в моем возрасте. Не с моей кожей.

— У вас прекрасный цвет лица.

— Прекрасный? — недоверчиво повторила мисс Петтигрю.

— Ни шрамов, ни пятен, никаких пороков. Цвет! Да кому нужен этот естественный цвет? Вы обладаете идеальным фоном. Не нужно никакой подготовительной базы. Не требуется скрывать никаких недостатков. Блондинка, брюнетка, загар, сливочная бледность. Все, что пожелаете.

Мисс Дюбарри наклонилась вперед и коснулась подбородка мисс Петтигрю. Повернула ее лицо вправо, потом влево. Кончиком пальцев погладила кожу. Проверила текстуру волос.

— Хм! Хороший очищающий крем. Сильное вяжущее, чтобы тонизировать мышцы. Брови определенно нужно затемнить. Пока ничего не могу решить насчет волос. Думаю, светлый орех. Лицу необходим цвет. Определенно, нужен цвет. Подчеркнуть голубизну глаз. И вообще, лицо нуждается в курсе лечения. Им преступно пренебрегали.

Она резко замолчала и смущенно посмотрела на мисс Петтигрю.

— О, Боже! Вы должны извинить меня. Я снова забылась. Я в бизнесе, и не могу не проявлять профессиональный интерес.

— Не обращайтесь внимания, — выдохнула мисс Петтигрю. — Прошу вас, не обращайтесь на меня внимания. Мне все это очень нравится. До сих пор никто никогда не интересовался моим лицом.

— Очевидно, что нет, — строго сказала мисс Дюбарри. — Даже вы сами не

интересовались.

— У меня совсем не было времени, — извинилась мисс Петтигрю.

— Ерунда. Вы ведь успевали умываться, не так ли? И находили время, чтобы принять ванну. Вы стригли ногти. Первой обязанностью каждой женщины является ее лицо. Вы меня удивляете.

— Ах, хорошо! — безнадежно вздохнула мисс Петтигрю. — Но я уже не молода...

— Ни одна женщина, — мрачно возразила мисс Дюбарри, — не должна оправдываться своим возрастом. Чем больше вам лет, тем больше у вас причин для ухода за собой. В вашем возрасте пора бы это знать.

— У меня никогда не было достаточно денег.

— Ах! — сказала мисс Дюбарри с пониманием. — Это уже другое дело. Вы не поверите, сколько стоит поддерживать лицо даже мне, а ведь я в бизнесе, и это значит, что я получаю скидку почти на девяносто девять процентов.

Она нашла свою сумочку и раскрыла ее.

— Вот моя карточка. Приходите с ней в любое удобное для вас время, и вы получите все самое лучшее. Все, что угодно для друзей Делисии. Если я буду свободна, то займусь вами сама. Если нет, пришлю лучшего специалиста.

— Как замечательно, — выдохнула мисс Петтигрю.

Она взяла карточку дрожащими пальцами.

— «Эдит Дюбарри», — произнесла она с восторгом.

— Сразу видно, что вы не из Лондона, — сказала мисс Дюбарри. — Это имя кое-что значит. Это лучший салон красоты, и он принадлежит мне.

Лицо мисс Петтигрю просияло нежным румянцем.

— Скажите, — попросила она, — это правда? Неужели это правда? Я хочу сказать, в таком месте можно улучшить мой внешний вид?

Мисс Дюбарри села. Некоторое время она колебалась, потом придвинула свой стул ближе.

— Посмотрите на меня.

Мисс Петтигрю посмотрела. Мисс Дюбарри издала придушенный смешок.

— Вы мне нравитесь. В вас что-то есть... ну! Что вы думаете обо мне?

— Ах, Боже мой! — смутилась мисс Петтигрю. — Что я должна сказать?

— Что угодно. Я не против. Но только правду.

— Ну, — сказала мисс Петтигрю, делая первый шаг, — Я думаю, что у вас поразительные глаза.

Мисс Дюбарри ободрительно кивнула.

— Что еще?

Мисс Петтигрю стало немного жарко. Но если мисс Дюбарри могла быть откровенной, то и она сможет.

— Вы точно не такая красивая, как мисс Лафосс, но вы бросаетесь в глаза. Когда вы входите в комнату, вас невозможно не заметить.

— Вот! — торжествующе воскликнула мисс Дюбарри. — Что я вам говорила?

— Что? — спросила мисс Петтигрю.

— То, что я говорю.

— Что это?

— Я такая же, как вы, — сказала мисс Дюбарри, — Точно такая же.

— Ох... как вы можете так говорить! — недоверчиво вздохнула мисс Петтигрю.

— Вы похожи на женщину, которой можно доверить тайну, — опрометчиво заявила мисс Дюбарри.

— Наверное, — согласилась мисс Петтигрю.

— И когда я вижу такого идеального слушателя, я просто не могу не сообщить ему благую весть.

— Не можете? — повторила мисс Петтигрю, совершенно сбитая с толку.

Мисс Дюбарри наклонилась ближе.

— Мои волосы, — прошептала она, — мышинового цвета... как у вас.

— Нет! — ахнула мисс Петтигрю. — Не может быть.

— Факт. Я решила, что черные подойдут мне больше.

— Несомненно.

— Мои брови и ресницы, — продолжала мисс Дюбарри, — песочного цвета. Я выщипала мои брови и нарисовала новые. Мои ресницы были короткими и редкими. Я приклеила новые. Черные, длинные и загнутые.

— Совершенно дивные, — прошептала мисс Петтигрю, наконец разгадав секрет удивительных глаз мисс Дюбарри.

— Кожа у меня пресного неопределенного цвета, полностью соответствующая дурацким волосам. Я подумала, сливочная бледность будет намного интереснее.

— Безусловно, — с готовностью подхватила мисс Петтигрю.

— Нос был очень сложным. Он все портил. Но Маккормик чудесный хирург. Он подарил мне новый нос.

— Нет, — в ужасе выдохнула мисс Петтигрю.

— Мои зубы были просто бедой, — призналась мисс Дюбарри. — Они все росли в разные стороны. Это обошлось мне в пятьдесят фунтов, но оно того стоило.

Мисс Петтигрю откинулась на спинку стула.

— Это невероятно, — сказала она слабым голосом, — совершенно невероятно.

— Чуть не забыла про уши, — вспомнила мисс Дюбарри. — Они были слишком оттопырены, но, как я уже сказала, Маккормик просто волшебник. Их он тоже исправил.

— Это не может быть правдой, — мисс Петтигрю уже не находила слов. — То есть, глядя на вас, это невозможно предположить.

— Просто немного помощи, — сказала мисс Дюбарри, — но она творит чудеса.

— Чудеса, — сформулировала мисс Петтигрю, — это чудеса. Я больше никогда не поверю женщине в макияже.

— Почему! — сказала мисс Дюбарри. — Должны ли мы ходить голыми, ничего не стыдясь? Нам что, следует снять пудру и юбку, выбросить тушь для ресниц и бюстгальтер? Хотите, чтобы мы отказались от красоты и вернулись к грубости природы?

— Все, кроме мисс Лафосс, — продолжала мисс Петтигрю слабо, но уверенно. — Я видела ее прямо... из... из ванны.

— О, Делисия! — воскликнула мисс Дюбарри. — Она вне конкурса. Бог поцеловал ее при рождении.

Она оглянулась на дверь спальни, ее лицо снова омрачилось.

— Я хочу, чтобы она поторопилась. Я в ужасно положении, а она, как правило, всегда умеет найти выход.

Глаза мисс Петтигрю слегка затуманились.

«Как мило! — сентиментально подумала она. — Может ли быть что-то красивее. Женщина просит помощи у женщины. И они еще говорят, что мы не доверяем друг другу!»

— Никто не поймет женщину в беде лучше, чем другая женщина, — вздохнула мисс Петтигрю.

Мисс Дюбарри вздрогнула.

— Боже! Не верьте в эти сказки, — искренне сказала она. — Я пришла не к другой женщине. Я пришла к Делисии.

— Нет? — спросила удивленная мисс Петтигрю.

— Делисия не имеет ничего общего с другими женщинами. Я хочу сказать, с ее внешностью, ей не приходится сражаться за мужчин. Поэтому ей можно доверять.

— Да, — уверенно сказала мисс Петтигрю. — Можно.

— Она никогда не пытается перебежать дорогу. Я имею в виду, я не против флирта. Но женщины всегда пытаются увести чужого мужчину. Она никогда не будет строить козни у вас за спиной. И не будет говорить о вас гадости, когда вас нет рядом.

— Только не она, — гордо заявила мисс Петтигрю.

— О, да. Я забыла. Вы же ее старая подруга. О, Боже! Я хочу, чтобы она поторопилась. Потом у нее совсем не будет времени подумать о моих делах.

— Как вы пришли к собственному салону красоты? — спросила мисс Петтигрю, стараясь тактично отвлечь мисс Дюбарри от ее бед. — Вы выглядите такой молодой. Не считите за грубость, но мне действительно очень интересно.

— О, это, — сказала мисс Дюбарри. — Это было очень просто. Я завампирала босса.

— Завампирала босса! — слабым эхом отозвалась мисс Петтигрю. — О, Боже! Как вы смогли придумать такую вещь?

— Очень просто. Мне было восемнадцать... ученица. И он на меня запал. Они всегда западают на молодых... то есть если вы достаточно умны. А я всегда была умной, — просто сказала мисс Дюбарри. — Если дальше действовать по принципу «брак или ничего», они обычно соглашаются на брак. Мне очень повезло. Когда он перестал держаться на ногах, я возглавила дело. Он получил хорошенькое надгробие, а я получила салон.

— Все по справедливости, — неопределенно заметила мисс Петтигрю, не зная, что сказать.

— Я это заслужила, — сказала мисс Дюбарри. — Что поделаешь. Нельзя ожидать, что получишь желаемое без особого труда. И он был неплохим вариантом. Я знаю гораздо худших. И хотя я заставила его жениться, я продолжала работать, как проклятая. Так что я заслужила свой салон. Знаете, теперь, когда он откинул ноги, мой бизнес стоит в три раза больше.

— Уверена, что так, — восхищенно согласилась мисс Петтигрю.

— Я подняла цены. Это бизнес. И я изменила имя. Я взяла Дюбарри. Я хочу сказать, когда вы слышите имя du Barry, вы ожидаете чего-то необыкновенного. Думаю, это был удачный выбор. По крайней мере, — доверительно сообщила мисс Дюбарри, — Делисия тоже думала об этом, но я оказалась быстрее.

— Прекрасно, — похвалила мисс Петтигрю. — Чудесное имя, — добавила она опрометчиво.

Она попыталась рассмотреть ситуацию с пуританской точки зрения, но у нее ничего не получилось. Это было бесполезно. Кто она такая, чтобы судить? Разве последние десять лет она не была готова выйти замуж за любого встречного, только ради того, чтобы укрыться от

всех миссис Бруммеган этого мира? Конечно, с радостью! Зачем лгать? Зачем притворяться перед другими глупыми старухами, что она была лучше своих сестер, потому что у нее не было возможности поступить иначе? Долой ханжество и лицемерие! Мисс Петтигрю с сияющими глазами наклонилась вперед и погладила колено мисс Дюбарри.

— Я думаю, — сказала мисс Петтигрю, — что вы просто замечательная. Мне только жаль, что в молодости у меня не было и половины ваших мозгов. Сегодня я была бы веселой вдовой.

— Жизнь всегда дает нам шанс, — утешила ее мисс Дюбарри. — Всегда помните об этом. И будьте готовы схватить его, когда он пролетит мимо вас.

— Даже если он и появится, — с печальной убежденностью сказала мисс Петтигрю, — я никогда не успею его схватить. Я ужасно бестолковая.

— Никогда не говорите «никогда», — ответила мисс Дюбарри. — Жизнь еще улыбнется вам.

Она в свою очередь похлопала мисс Петтигрю по колену, и в воздухе снова поплыл тонкий аромат ее духов.

— Какой прекрасный запах, — восхитилась мисс Петтигрю.

— Не правда ли? — самодовольно усмехнулась мисс Дюбарри.

— Я никогда не нюхала ничего подобного раньше.

— Конечно. Я единственный в Англии человек, знающий секрет.

— Как замечательно! — удивилась мисс Петтигрю. — Это дорого?

— Девять фунтов унция.^[4]

— Что? — задохнулась мисс Петтигрю.

— Ну и что? У меня они стоят десять и шесть шиллингов.^[5]

— И люди их покупают? — вздрогнула мисс Петтигрю.

— Столько, сколько я готова продать. Но я считаю, для поддержания долгосрочной перспективы рынка следует делать вид, что требуемый товар в дефиците. Конечно, сначала можно было бы продать больше, но когда все будут думать, что товар общедоступен, спрос неминуемо обрушится. Мои клиенты хотят считать себя избранными.

— Десять и шесть, — пробормотала мисс Петтигрю. — Минус девять фунтов.

— О, это просто бизнес. Пока никто не знает состава, я могу сама назначать цену. Если секрет просочится, цена рухнет с треском. Люди платят за эксклюзивность.

Мисс Петтигрю показалось, что через нее пропустили заряд электрического тока.

— Но если не возражаете, я спрошу, как вы сами узнали этот секрет?

— Ну, это долгая история, — сказала мисс Дюбарри, — но интересная. Я ездила во Францию покупать акции и встретила там Гастона Леблана. Он один из крупнейших экспертов в парфюмерном деле. Ну, я имею в виду, нельзя было упускать такой шанс, поэтому уже в третьем раунде я уложила его на обе лопатки. Конечно, его идеей было объединить оба предприятия. Но я же не дура. Я понимала, что он купился не на мои прелести. С другой стороны я его крепко зацепила, так что он подарил мне этот секрет в качестве подарка на обручение. Понимаете, ему это ничего не стоило, а в семье секрет был бы в безопасности. Затем я вернулась в Англию.

— В Англию? — переспросила сбитая с толку мисс Петтигрю.

— Конечно, — с негодованием подтвердила мисс Дюбарри. — Он ведь хотел жениться не на мне. Он хотел жениться на «Дюбарри и Ко». Как будто я не понимала. Не одобряю я этих континентальных браков. Он ведь никогда не рассматривал бы меня для вступления в

брак без моего бизнеса. А это больше, чем я согласна переварить. Я женщина, и хочу, чтобы мужчина вкладывал больше страсти в свое предложение. Англичане не хотят попасть в бизнес, англичане хотят лечь в постель. Мы еще верим в любовь.

— Нет, — сказала мисс Петтигрю с негодованием. — Конечно, нет. Сама идея! Бизнес, действительно!

Мисс Дюбарри порылась в сумочке и достала пудреницу. Она внимательно всмотрелась в маленькое зеркальце и заново нарисовала рот. Мисс Петтигрю встала. Она смотрела на свое отражение в большом зеркале над камином, всматриваясь в отметины среднего возраста, которые выражаются не в овале лица и морщинах, но в чем-то неуловимом и глубоко укоренившемся: усталом выражении глаз, отсутствии улыбки. Прямые, тонкие мышинового цвета волосы; блеклые и усталые голубые глаза, печальный бледный рот; худое лицо скучного желтоватого цвета.

«Это не исправишь, — думала мисс Петтигрю, — можно сколько угодно колдовать с краской и пудрой, но нельзя исправить цвет лица при плохом питании. И я не знаю, где мне взять хорошую еду».

Вдруг на нее снова нахлынули ужас и одиночество. Лицо перед ней исказила судорога нервного беспокойства. Оно старело и разрушалось на глазах. Все признаки молодости исчезли безвозвратно.

Мисс Петтигрю поспешно отвела глаза от своего отражения. Она посмотрела на мисс Дюбарри, сидящую на стуле у камина в своей дорогой одежде, с гладкими черными волосами, темно-красными губами и интересной бледностью.

«Нет, — безнадежно подумала мисс Петтигрю, — я никогда бы не смогла превратиться в нее. Даже когда была молода. Дело не только в краске. Дело в чем-то внутри нас».

Она снова села на стул. В тот же миг дверь спальни отворилась, и появилась мисс Лафосс.

Глава 7

15:44–17:02

В плывущих по воздуху полупрозрачных волнах шифона, в серебряном поясе и короне бледно-золотых кудрей мисс Лафосс вошла в комнату. В одно мгновение мисс Дюбарри отступила в тень.

«Ах! — подумала мисс Петтигрю с чувством невольной гордости. — Искусство никогда не сможет победить природу».

— Делисия! — воскликнула мисс Дюбарри, вскакивая на ноги. — Я думала, ты никогда не придешь.

— Успокойся, Эдит, — попросила мисс Лафосс. — Ты всегда волнуешься слишком сильно.

— Посмотрела бы я тебя на моем месте.

— Да. Наверное, я бы тоже волновалась, — успокаивающе согласилась мисс Лафосс. — Нам всегда легко говорить, когда беда приключается не с нами. Ну, как вы поладили с Гвиневрой? Извините, что заставила ждать.

— О, хорошо. У нас был серьезный разговор. Я хвасталась. Это отлично успокаивает нервы.

— Нет, не хвасталась, — поспешно возразила мисс Петтигрю. — Просто рассказывала мне об ужасно интересных вещах.

Мисс Лафосс усмехнулась.

— Значит, вы нашли друг друга.

— О, Делисия! — голос мисс Дюбарри оборвался всхлипом.

Все несчастья снова отразились на ее лице. Она чуть не плакала. Ее рот сморщился, но эта женщина не могла поставить под угрозу свой макияж. Она села на диван и постаралась взять себя в руки.

— Я понимаю, — сочувственно произнесла мисс Лафосс. — Я готова. Где сигареты... здесь? По одной. — она прикурила для себя и мисс Дюбарри и села рядом с ней. — А теперь рассказывай.

Мисс Дюбарри выдохнула облачко дыма.

— Тони бросил меня.

— Нет! — недоверчиво сказала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю сидела немного в стороне. Она чувствовала, что ее вмешательство сейчас нежелательно. Эти две женщины были настоящими подругами. Они забыли о ней. Она чувствовала, что ей лучше выйти, но было бы неприлично уйти из комнаты, не сказав ни слова. Мисс Дюбарри знала, что она находится рядом, так что подслушивать ей пришлось не по своей вине. По правде сказать, ей и не хотелось уходить. Вместо этого ей очень хотелось узнать, кто такой этот Тони, и почему он ушел от мисс Дюбарри, но на нее также начало наплывать печальное ощущение, что все эти поразительные люди с их захватывающими приключениями, вошли в ее жизнь на слишком короткий срок.

Мисс Дюбарри кивнула головой.

— Это правда, — тупо сказала она.

— Но вы и раньше ссорились.

— Да, но это были не настоящие ссоры. Сейчас все иначе.

— Понимаю, — согласилась мисс Лафосс, — так что же случилось?

— Ну, ты же знаешь, какой он? Он ревнив, как Отелло. Даже есть просто вежливо поговорить с лифтером, он сразу решает, что у меня есть виды на него.

— Это правда. Но ты должна признать, что у тебя есть очень интимная манера разговора с приятными мужчинами.

— Да, согласна. Но это всего лишь привычка. Ты же знаешь. Я вела себя так, пока не определилась в жизни, а эта привычка просто прилипла.

— Да, — снова согласилась мисс Лафосс.

— В моей жизни не существует никого, кроме Тони. Ты же знаешь. Со мной такого никогда не было. Я имею в виду, можно один раз, как я, выйти замуж ради бизнеса, но когда жизнь уже устроена, нельзя влюбляться ради бизнеса. Я даже вышла бы за него замуж, если бы он попросил. Но он никогда не просил.

— Может быть, он не хотел. То есть он не хотел, чтобы ты жертвовала своей свободой, работой и большими деньгами. Тебе нет нужды выходить замуж. Наверное, он думал, что будет неприлично тебя просить. Так оно и есть... ну, это можно считать заботой любящего человека. Но брак — это серьезно. Наверное, он заботился о тебе.

— Я тоже так думаю. Я почти уверена, что так и есть. Я со своим бизнесом зарабатываю больше него, ты знаешь. Я бы не волновалась, если бы он так и сказал. Тогда я знала бы, что он относится ко мне серьезно. Я быстро уговорила бы его на брак.

— Эти мужчины такие смешные, — согласилась мисс Лафосс.

— Ну, он ожидает от меня очень многого. Хочет, чтобы я была верна ему, как в браке, но при этом в браке не состояла, да еще и помалкивала.

— Это просто смешно. Они надеются, что мы читаем их мысли.

— Ну, я была готова. Я бы предпочла даже такого Тони, чем вообще никакого, но я не понимаю, почему я должна отказываться от невинных удовольствий. Так вот, он уезжал за границу на шесть недель, и мне пришлось выходить с Фрэнком Десмондом. У нас ничего не было, ты же знаешь. Мы просто развлекались. Ну, однажды мы поехали на вечеринку за город всего на одну ночь. Остальные уехали раньше нас. Я просто хотела выпить еще немного, но когда мы добрались до автомобиля Фрэнка, фары не работали. Он совсем не механик, ты же знаешь, и у нас даже не было фонаря, чтобы ехать в темноте. Мы были в миле от деревни, лил дождь, кругом темнота, как у дьявола под мышкой. Что мне было делать? Пришлось остаться там на ночь.

— Ну, это же очевидно, — согласилась мисс Лафосс. — Я бы сделала то же самое. Но, я полагаю, Тони узнал.

Губы мисс Дюбарри задрожали, слезы чуть не брызнули у нее из глаз.

— Да.

— Я полагаю, — осторожно спросила мисс Лафосс, — все это было совершенно невинно?

— И это самое обидное, — трогательно всхлипнула мисс Дюбарри. — Ты же знаешь, какой очаровательный дьявол этот Фрэнк. И как приятно бывает повеселиться вместе с ним. Но из-за Тони я этого не сделала. А теперь жалею, потому что он все равно не верит мне.

— Ну, что ж! Говорят, что добродетель сама себе награда.

— Я бы предпочла удовольствие, это награда получше добродетели.

— Значит, Тони тебе не поверил.

— Нет. И я не могу ничего поделать. Ты же знаешь, какая у Фрэнка репутация. Тони не

поверит ни одному из нас... Я даже пыталась свести их с Фрэнком. Ведь Тони сказал, что Фрэнк обязательно соврет.

— Конечно, — тоскливо сказала мисс Лафосс. — Это самое худшее. Я имею в виду, Тони знает, когда Фрэнк врет, так как знает, когда он не врет. Очень сложная ситуация.

— Да. И теперь я не знаю, что мне делать.

Голос мисс Дюбарри прервался. Несколько предусмотрительно удерживаемых слез перелились через веко. Она поймала руку мисс Лафосс.

— О, Делисия! Ты должна что-нибудь придумать. Я не смогу жить без него.

Мисс Лафосс издала утешительное мычание. Мисс Дюбарри промокнула слезы и с негодованием взглянула на нее.

— Я плачу из-за мужчины! Ты в это веришь? Ты, наверное, будешь считать меня сумасшедшей. Точно! Я сошла с ума. Зачем я хочу жить с этим подозрительным животным? Я сама его брошу.

— Очень героическое решение, — вздохнула мисс Лафосс, — но, к сожалению, не соответствует действительности.

Мисс Дюбарри снова поникла.

— Я сразу подумала о тебе. Я надеялась, что ты обязательно что-нибудь придумаешь.

— Я постараюсь, — безнадежно пообещала мисс Лафосс. — Но... Тони! И ты даже не можешь сказать, что ты не осталась на ночь.

— Да.

— Это проблема.

— Я сразу пришла к тебе. Я слышала, Ник вернулся. Я не знала, будешь ли ты свободна, но я рискнула.

— О, да. Ника здесь нет.

— Кажется, ты говорила, что он обещал быть завтра.

— Так и есть.

— Так ты все еще собираешься к Огилви?

— О, да.

— Когда же он приехал?

— Сегодня утром.

— Где же он сейчас?

— Не знаю. Он ушел.

— Что?

— Пробыл около часа.

— Он не... он не... сомневается? — в ужасе предположила мисс Дюбарри.

— О, нет! Просто Гвиневра не разрешила ему остаться. Вот что было реальной причиной.

— Что?

— Он ей мешал.

— Ты шутишь?

— Спроси ее сама.

— Но он может вернуться в любую минуту?

— Нет. Завтра.

— То есть, он не вернется сегодня вечером?

— Нет.

- Почему?
- Гвиневра его выставила.
- Боже! — слабо пискнула мисс Дюбарри.
- Это правда.
- Он сопротивлялся?
- У него не было выбора.
- Ты шутишь.
- Он не смог справиться с Гвиневрой.
- Храни нас, Боже!

Мисс Дюбарри повернулась на диване. Она внимательно посмотрела на мисс Петтигрю. Страх, удивление, недоверие поочередно отразились на ее лице. Наконец уважение вытеснило все остальные эмоции.

- Вы выгнали Ника из его собственной квартиры?
- Ах, Боже мой, — смутилась мисс Петтигрю, — Все было не так уж и сложно.
- Я чуть не попала, — сказала мисс Лафосс.
- Ты тоже? — слабо промолвила мисс Дюбарри.
- Ник обещал, что будет завтра.
- Я знаю.
- Поэтому Фил остался у меня на ночь.
- Боже мой!
- Я слишком поздно узнала о Нике.
- Ну, конечно.
- Фил обещал взять меня в новое шоу. Я не могла его обидеть. Нам девушкам, так нелегко приходится в этой жизни.
- Ну, конечно, ты не могла.
- И он ничего не знает о Нике.
- Сложная ситуация.
- Так что он был у меня.
- И что же случилось?
- Гвиневра выставила его.
- Нет.
- Да.
- И он не догадался?
- Думаю, нет.
- И потом пришел Ник?
- Да, — сказала мисс Лафосс, — и обнаружил одну из сигар Фила.
- Нет! — ахнула мисс Дюбарри.
- Гвиневра тут же его обработала. Она предложила ему вторую сигару. Она заставила его есть у нее с руки.
- Святой Моисей! — вздохнула мисс Дюбарри. — И он купился?
- Она сделала это так, что купился бы кто угодно, — просто сказала мисс Лафосс. — Даже ты.
- Объясни, — пролепетала мисс Дюбарри. — Мне нужна полная информация. Ничего не пропуская.
- Мисс Лафосс объяснила. Мисс Петтигрю щебетала, трепетала, краснела и издавала

несогласное фырканье. Лицо ее сияло. Никогда прежде она так не гордилась собой. Пока мисс Лафосс не приступила к рассказу, она была уверена, что не совершила ничего особенного, разве только ей немного повезло. Теперь восторг мисс Лафосс отправил ее на седьмое небо счастья. Оказывается, Ник был гораздо более опасным противником, чем она себе представляла.

— Вот это женщина! — сказала мисс Дюбарри.

Она подошла и пожала руку мисс Петтигрю.

— Гвиневра, — искренне сказала она, — у вас отличная маскировка. — она коснулась одежды мисс Петтигрю. — Я допустила ошибку. Вы сокровище.

— Я тоже так думаю, — сказала мисс Лафосс.

Они посмотрели друг на друга.

— Если она смогла иметь дело с Ником... — тихо начала мисс Дюбарри.

— Об этом я тоже подумала, — согласилась мисс Лафосс.

Она обе повернулись и посмотрели на мисс Петтигрю.

— Это шанс, — кивнула мисс Дюбарри.

— Только никаких инструкций, — поспешно предупредила мисс Лафосс. — Экспромты ей удаются лучше. Она сама придумает ответ, когда получит право на реплику. Не надо ее запутывать.

— Конечно, нет.

— Он там будет?

— Он говорил, что собирается.

— Который час? — спросила мисс Лафосс.

— Десять минут пятого.

— О, Боже! Гвиневра еще не одета. Нам нужен твой совет. Что-то, что подойдет для сегодняшнего дня и вечера. Днем ей будет необязательно снимать пальто. Мы будем выглядеть так, словно вот-вот уйдем. Ты помнишь, как это обычно бывает у Огилви.

— Встаньте, — попросила мисс Дюбарри мисс Петтигрю.

Мисс Петтигрю встала. Мисс Дюбарри рассматривала ее с сосредоточенным видом.

— У нее твой размер.

— Мне тоже так кажется.

— Твои вещи ей подойдут.

— Мы должны выбрать.

— О, пожалуйста! — нервно перебила их мисс Петтигрю. — Если вы хотите уйти, идите, пожалуйста. Не беспокойтесь обо мне. Я не могу вторгаться к вашим друзьям.

— Вторгаться к Огилви? — удивленным голосом повторила мисс Дюбарри.

— Вторгаться к Теренсу? — сказала мисс Лафосс.

— Вторгаться к Мойре? — сказала мисс Дюбарри.

— Они не знают такого слова, — заверила мисс Лафосс.

— Я ни с кем из них не знакома, — пробормотала мисс Петтигрю, слишком взволнованная перспективой новых приключений. — Но, прошу вас, не позволяйте мне стать вам обузой.

— Обузой? — фыркнула мисс Дюбарри. — Это вы делаете нам одолжение. Вы должны спасти меня. Пожалуйста, пожалуйста не забывайте об этом.

— О, Гвиневра! — умоляла мисс Лафосс. — Вы спасли меня. Теперь вы должны сделать что-то с Тони.

Больше мисс Петтигрю ничего не говорила. Зачем отказываться от своего счастья? Она позволила восторгу захватить все ее существо. Она стояла посреди гостиной, и радость жизни играла в ней, как пузырьки в бокале шампанского. Ее не беспокоило, что будет дальше. Она была готова ко всему. Счастье снова пьянило ее. Этот удивительный день еще не закончился. Она немного растерялась, подумав, что такого особенного она должна сделать с Тони, но так как большая часть их замечаний осталась для нее неясна, она решила пропустить их мимо ушей.

— Куда мы идем? — спросила мисс Петтигрю.

— На коктейль к Огилви.

— На коктейль, — блаженно повторила мисс Петтигрю. — На коктейль? Я?

— Почему нет? — требовательно спросила мисс Дюбарри.

— Почему нет? — растерянно переспросила мисс Петтигрю. Ее щеки вспыхнули ярким цветом. — О, женщины! — сказала мисс Петтигрю. — Ведите меня к ним.

Они отвели ее в спальню. Она быстро приняла ванну, в то время как мисс Дюбарри и мисс Лафосс сосредоточились на содержимом шкафа мисс Лафосс. Она надела шелковое белье, предложенное мисс Лафосс. Она ни разу в жизни не испытывала прикосновения натурального шелка к своей коже. Эта ткань сразу заставила ее чувствовать себя другим человеком. Она стала решительной, смелой, готовой на все. Все свои колебания она оставила в самодельном шерстяном белье.

«Психология шелкового белья еще не полностью изучена» — счастливо подумала мисс Петтигрю.

Она вошла в спальню, как дебютантка. Даже ноги, обнаженные короткой кружевной оборкой, не заставили ее покраснеть.

Мисс Дюбарри усадила ее перед зеркалом.

— Нет, — твердо сказала мисс Петтигрю. — Думаю, нет. Я хотела бы увидеть только конечный результат. Наблюдение всех промежуточных этапов только испортит впечатление. Спасибо.

Они отодвинулись от зеркала. Настал важнейший момент сегодняшнего дня.

— Лицо, — сказала мисс Дюбарри.

— Ты можешь что-нибудь сделать с ним? — нервно спросила мисс Лафосс.

— Для начала, — сказала мисс Дюбарри, — я проделаю подготовительную работу.

Она отошла на два шага и стала рассматривать мисс Петтигрю. Потом обошла вокруг. Склонила голову набок. Ее брови сдвинулись к переносице. Мисс Дюбарри в своем профессиональном образе выглядела совершенно иной женщиной. Ни капли нервозности, нерешительности или беспокойства. Твердость, уверенность, компетентность: специалист на работе.

— Посмотри на этот подбородок, — сказала мисс Дюбарри. — Чистый, как песня жаворонка. Ни капли жира. Посмотри на этот нос. Идеальный. Можно полностью нарисовать лицо... но нос! Его может исправить только хирург, да и то с большой долей риска.

— Красивый, — согласилась мисс Лафосс.

— Если вы старше тридцати пяти, — заговорила мисс Дюбарри голосом лектора в аудитории, — макияж должен быть щадящим. Для женщины среднего возраста нет ничего хуже, чем избыток краски. Она только подчеркнет ее возраст, не уменьшив его. Только молодое свежее лицо может выдержать щедрый акцент яркой косметики. В нашем случае

эффект должен быть деликатным, художественным, почти незаметным, так чтобы зритель заинтересовался, искусство это или природа.

Мисс Дюбарри приступила к работе. Лицо мисс Петтигрю похлопывали, тянули, массировали. В него втирали крем, потом крем снимали салфеткой. Протирали лосьоном, потом лосьон промокали. Кожу покалывало, она физически ощущала, как ее лицо молодеет, розовеет, начинает светиться.

— Ну! — наконец сказал мисс Дюбарри. — Это лучшее, что я могу сделать в этих условиях. На своем рабочем месте я добилась бы большего результата, но мы не можем иметь все сразу.

Она придирчиво осмотрела мисс Петтигрю. Мисс Петтигрю нервно оглянулась. Она чувствовала себя виноватой, что не оказалась в салоне мисс Дюбарри, хотя не могла взять в толк, какие еще бутылочки и баночки могут оказаться необходимыми. Это было выше ее понимания.

Мисс Дюбарри кончиками пальцев повернула лицо мисс Петтигрю к свету.

— Вы видите, я не стала чернить ресницы и брови. Только деликатно затемнила их. Кто скажет, что они не выглядят естественными?

— Лучше и быть не может, — согласилась мисс Лафосс. — Ты гений, Эдит.

— Ну, я достаточно хороша в своем деле, — скромно признала мисс Дюбарри.

Еще несколько секунд она молча восхищалась мисс Петтигрю.

— А теперь, — бодро сказала она, — платье!

— Ты уверена, что зеленое с золотой парчой не подойдет? — несчастным голосом спросила мисс Лафосс.

— Нет. Не подойдет, — твердо сказала мисс Дюбарри. — Слишком броско для Гвинверы. Она не сможет создать для него правильную атмосферу. Будет выглядеть вульгарной, если хочешь называть вещи своими именами. Если тебе, Делисия, допустимо носить любую одежду и не иметь вкуса вообще, то Гвиневре нужно быть очень осторожной в выборе. Она должна проявлять сдержанность.

— Как скажешь, — покорно согласилась мисс Лафосс.

— Черное бархатное, — сказала мисс Дюбарри.

Они облачили ее в платье. На секунду задержали дыхание, не осмеливаясь взглянуть. Потом посмотрели. Не идеально, но недостатки почти незаметны.

— Я думала, что у нее моя фигура, — сказала мисс Лафосс со вздохом облегчения.

«Господи, благодарю тебя, — мелькнула в голове мисс Петтигрю сумасшедшая мысль, — за голодный паек и трудную жизнь».

— Ожерелье, — скомандовала мисс Дюбарри. — Что-то для целомудренной леди.

— Мои жемчуга, — предложила мисс Лафосс. — Они не самого лучшего качества, но кто заметит?

— Отлично. То, что надо.

— Нет, — твердо перебила их мисс Петтигрю. — Я не могу надеть чужой жемчуг. У меня не будет ни минуты покоя, пока я буду думать, что могу потерять его. Большое спасибо, но нет.

Мисс Дюбарри и мисс Лафосс посмотрели друг на друга.

— Когда Гвиневра говорит нет, это значит нет, — признала мисс Лафосс.

— Нефритовые серьги, — сказала мисс Дюбарри. — И соответствующее ожерелье. Думаю, Гвиневра не будет возражать против полудрагоценных камней.

Мисс Петтигрю открыла рот для новой речи, но мисс Лафосс поспешно сказала:

— Просто подделка. Не беспокойтесь. Воспоминание о моих не самых лучших временах, но Эдит оно нравится.

Они продолжили.

— И еще, — сказала мисс Дюбарри, — ей понадобятся цветы. Что-то тонкое, зеленое и кремовое, в основном. Может быть, маленький букет, но один из цветков должен более ярко выражен. Цветы помогут ей выразить свою индивидуальность... что-то свежее и естественное.

Они снова окинула взглядом мисс Петтигрю.

— Нетронутая простота, — сказала мисс Лафосс.

— И с ее-то мозгами, — покачала головой мисс Дюбарри.

— Почти невероятно, — согласилась мисс Лафосс.

— Может быть, пуританский дух?

— Не вижу никаких признаков.

— Слава Богу, — сказала мисс Дюбарри.

— Цветы я выберу сама, — пообещала мисс Лафосс.

— Да, лучше ты. Забавно, что эти мозговитые люди почти никогда не умеют ухаживать за собой. Ум должен быть выше этого. А тело в полном пренебрежении.

— Это серьезная ошибка, — вставила мисс Петтигрю.

— А теперь, — торжественно объявила мисс Дюбарри. — Волосы.

Она снова наклонилась над мисс Петтигрю.

— Абсолютно прямые. Щипцы подойдут идеально. Иногда следы естественной волны только мешают... ой! — мисс Дюбарри испуганно посмотрела на мисс Лафосс. — Ты же не пользуешься щипцами. У тебя волосы и так кудрявые. Мы пропали.

— Нет, мы спасены. У меня все есть, — гордо сказала мисс Лафосс. — Ты помнишь, как Молли Лерой попала под дождь, ее волосы распрямились, и она испортила нам весь вечер своими жалобами... вот с тех пор я и держу щипцы для гостей. На всякий случай. И нагреватель у меня тоже есть.

Мисс Лафосс выложила приспособления для завивки жестом фокусника, достающего кролика из шляпы. Мисс Дюбарри приступила к работе.

— Времени на шампунь уже не остается. Жаль, но ничего не поделаешь. К счастью, ее волосы не жирные. Всего несколько свободных волн. Мы не успеем сделать художественную укладку.

Ее умные пальцы порхали над головой мисс Петтигрю. Мисс Петтигрю почти не волновалась. Никогда прежде она не пыталась исправить дары природы. «Зачем, — спросила ее мать, — пытаться улучшить творение рук Божьих? Будет ли он доволен? Нет, он дал тебе это лицо и эти волосы. Он хотел видеть тебя такой». Мисс Петтигрю молча наслаждалась блаженным ощущением нарушения запретов. Она тайком пробралась на запретную территорию моды и испытывала острый экстаз от своего чувства вины. Ей это нравилось. Ей это очень нравилось.

— Готово, — объявила мисс Дюбарри. — Косой пробор. Несколько свободных волн на уровне бровей, впечатление естественности и легкой беспечности. Сложный узел на затылке, чтобы уравновесить впечатление небрежности. Все. — она отвела руки.

— Все святые в небесах! — выдохнула мисс Лафосс. — Невозможно поверить, как прическа может изменить женщину.

— Я готова? — вздрогнула мисс Петтигрю.

— Готова, — подтвердила мисс Дюбарри.

— Восхитительно, — воскликнула мисс Лафосс.

— Удовлетворительная работа, — скромно согласилась мисс Дюбарри.

— Я не верю своим глазам, — удивлялась мисс Лафосс.

— Хорошо получилось, — сказала мисс Дюбарри. Она позволила энтузиазму взять верх над скромностью. — Хотя я не должна говорить, что горжусь своей работой.

— Теперь я могу посмотреть? — попросила мисс Петтигрю.

— Повернитесь к зеркалу, — приказала мисс Дюбарри.

Мисс Петтигрю встала. Она повернулась. Она посмотрела.

— Нет! — прошептала мисс Петтигрю.

— Да! — радостным хором ответили мисс Лафосс и мисс Дюбарри.

— Это не я, — выдохнула мисс Петтигрю.

— Вы во плоти, — сказала мисс Дюбарри.

— Вы своей собственной персоной, — заверила мисс Лафосс.

Потом они замолчали. Это был священный момент. Это был момент истины для мисс Петтигрю. Они отдавали ей честь своим немым восхищением.

Мисс Петтигрю смотрела в зеркало. Для поддержки ей пришлось опереться на спинку стула. Она замерла. На нее смотрела другая женщина. Модница, небрежно элегантная, свободная, умная. Женщина без возраста. Очевидно, что не молодая. Очевидно, что не старая. Кто сейчас беспокоится о возрасте? Никто. Только не эта женщина с очаровательной внешностью. Богатый бархат платья светился насыщенным глубоким блеском, словно черный опал. Его придумал истинный художник. Он создал провокационный и восхитительный силуэт, который заставлял владелицу платья выглядеть одновременно смелой и целомудренной. Это интриговало зрителя. Он должен был выяснить, кто эта незнакомка. Его строгие линии делали ее выше. Серьги придавали взгляду немного... опытности. Да, именно опытности. Ожерелье стало последним элегантным штрихом. Она, мисс Петтигрю, выглядела элегантной.

Это слабое сияние кожи, было ли оно натуральным? Кто бы смог определить? Эти свободные волны волос! Не затянутые в пучок, не поникшие. Были ли они ее собственными. Она и сама не знала этого. Голубизна этих глаз кажется ярче, напомнила ей память. Эти искусно затемненные брови и ресницы. Этот рот с легким, вызывающим оттенком алого цвета. Был ли он накрашен? Только поцеловав его, мужчина мог найти ответ.

Она улыбнулась. Та женщина улыбнулась тоже, ласково и ободряюще. Где та робкая улыбка, угрюмый взгляд, неловкая фигура, уродливые волосы, желтоватая кожа? Исчезли. Улетучились под магией эксперта, владельца и менеджера «Дюбарри и Ко».

Восхищенная мисс Петтигрю зачарованно смотрела на образ своей мечты. Внезапно из ее горла вырвался всхлип. Ее глаза затуманились.

— Гвиневра, — в панике закричала мисс Дюбарри. — Ради Бога, контролируйте себя.

— Гвиневра, — выдохнула мисс Лафосс. — Контроль, я умоляю. Ваш макияж. Помните о своем долге перед макияжем.

Мисс Петтигрю сделала над собой героическое усилие.

— Я готова, — произнесла мисс Петтигрю с достоинством. — Англия ждет нас! Теперь я понимаю, как важен уход за внешностью.

— Обувь, — напомнила мисс Дюбарри.

Мисс Петтигрю посмотрела на свои туфли.

— Странно, — удивилась она, — как один неудачный штрих может испортить всю картину.

— Ну, это пустяки, — счастливо пообещала мисс Лафосс. — Сущие пустяки. Мы остановимся и купим пару туфель.

— Теперь ее пальто, — сказала мисс Дюбарри.

Мисс Петтигрю вздрогнула, представив, как это великолепное видение скроется под ветхим бурым твидом. Но нет! Она внезапно поняла, что облачена в шубу, в мягкий, шелковистый и душистый мех. Блаженство, неведомое ей до сегодняшнего дня.

— О! — ахнула мисс Петтигрю. — Я не могу в это поверить. Я всю жизнь мечтала надеть шубу, хоть один раз.

— Без шляпы? — спросила мисс Дюбарри.

— Ни одна из моих ей не подойдет, — решила мисс Лафосс. — Она пойдет без шляпы. Никто не заметит.

Перчатки, платок, новая сумочка.

— Готовы? — спросила мисс Дюбарри.

— Готовы, — согласилась мисс Дюбарри. — Идем.

Последний осмотр, заключительная проверка. Они направились к двери.

Глава 8

17:02–18:21

Мисс Петтигрю, словно перышко, летела навстречу новому приключению. В прошлом остались возражения, сомнения, недоумение, уговоры. Ее глаза сияли, а лицо светилось. Духи опьяняли. Все произошло слишком быстро. Она не успевала идти в ногу с переменами, но, ей-Богу, она вполне была способна наслаждаться ими.

«Я совершенно не волнуюсь, — восторженно думала мисс Петтигрю. — Моя дорогая мама была бы в шоке. Но я ничего не могу с собой поделать. Я никогда в жизни не была так счастлива. Она всегда предупреждала быть осторожной с незнакомыми людьми. Они могут привести меня к падению, но кому, интересно, может понадобится падение пожилой старой девы вроде меня? Я отказываюсь верить в злой умысел. Я не знаю, почему все это происходит со мной. Мне все равно. Это происходит, и точка».

— Чувствуете себя нормально? — заботливо спросила мисс Лафосс.

— Прекрасно, — радостно и лучезарно улыбнулась мисс Петтигрю.

— Такси, мисс? — спросил портье внизу.

Мисс Петтигрю никогда раньше не пользовалась такси по такой легкомысленной причине. Это был последний штрих, идеальный жест. Словно во сне она смотрела на пролетающие за окном улицы Лондона, но это был совершенно разумный и последовательный сон. Ничего похожего на кошмар, хотя она и не знала, куда едет. Лондон всегда пугал ее лабиринтами улиц, но в салоне такси было тепло и безопасно. Они остановились и купили пару туфель, потом поехали дальше. Наконец машина остановилась перед ярко освещенным домом. Дамы вышли, и мисс Лафосс заплатила за такси. Потом они постучали и были впущены внутрь. Никто не обратил внимания на мисс Петтигрю.

— Мы очень поздно, — отметила мисс Дюбарри.

Горничная отвела их в гардеробную, здесь больше никого не было.

— Спасибо, Мейзи, — сказала мисс Лафосс. — Мы знаем дорогу.

Горничная оставила их.

Мисс Лафосс и мисс Дюбарри припудрили носы.

— И вы тоже, Гвиневра, — сказала мисс Лафосс. — Вы должны припудрить свой нос. Последний штрих, прежде чем войти в гостиную. Это придает уверенности.

Дрожащими пальцами, нервными и неуклюжими, мисс Петтигрю впервые в жизни самостоятельно припудрила нос.

— Знаете, — радостно заметила она, — я думаю, вы правы. Это действительно добавляет уверенности. Я это уже чувствую.

— Молодец, — похвалила мисс Дюбарри.

Они спустились вниз. Из-за закрытой двери доносились громкие звуки веселья. Внезапно мисс Петтигрю почувствовала угрызания совести. Она остановилась, как вкопанная. Ее охватил леденящий страх. Она совсем забыла, что теперь выглядит иначе. Ее знакомство со своим новым образом было слишком коротким. Ей требовалось несколько часов концентрации перед зеркалом, чтобы новый облик успел запечатлеться в ее памяти. Сейчас она чувствовала себя прежней, той же, что и всегда: мисс Петтигрю, постоянно ищущей работу, нервной, некомпетентной, безвкусной и застенчивой. Она начала дрожать.

Все будут смотреть на нее, смеяться, делать замечания. Она не могла этого выдержать. Она больше не могла выносить насмешки. Их было слишком много в ее жизни.

Мисс Лафосс и мисс Дюбарри тоже остановились.

— Мы здесь, — произнесла мисс Дюбарри слабым голосом.

Мисс Петтигрю посмотрела на нее. Вся веселая беззаботность мисс Дюбарри испарилась в один миг. Она выглядела как старая тряпка: сгорбленная, испуганная, еще более несчастная, чем она сама. Мисс Петтигрю была так поражена, что вмиг позабыла о собственном волнении.

— Взбодрись, Эдит, — приказала мисс Лафосс. — Ты не можешь позволить ему увидеть себя такой. Все будет в порядке. Она обязательно что-нибудь придумает.

Они обе повернулись к мисс Петтигрю.

— Не забудьте о Тони, — быстро сказала мисс Лафосс.

— Я покажу его вам, когда мы войдем. Если, конечно, он пришел, — так же быстро предупредила мисс Дюбарри.

«Как мило, — подумала тронутая их заботой мисс Петтигрю. — Она хочет показать мне своего молодого человека, несмотря на то, что они поссорились. Как это любезно с ее стороны».

— Я с большим удовольствием познакомлюсь с вашим молодым человеком. Спасибо вам большое, — искренне сказала мисс Петтигрю.

— Вот, — гордо заявила мисс Лафосс. — Что я тебе говорила? Она уже что-то придумала.

— Пожалуйста... — начала мисс Дюбарри.

— Никаких инструкций, — снова попросила мисс Лафосс. — Они только все путают. Ты должна позволить ей действовать самостоятельно. Это самый лучший способ.

— Только не забудьте, — сказала мисс Дюбарри в последней отчаянной надежде.

Мисс Петтигрю понятия не имела, о чем говорили ее новые подруги, но так много их замечаний казались ей странными и непонятными, что она просто решила не думать о них, тем более, что времени задавать вопросы уже не оставалось. Мисс Лафосс распахнула дверь в гостиную, и их глазам предстало захватывающее зрелище.

Мисс Петтигрю моргнула, ослепленная. Комната была полна людей, мужчин и женщин. Их беспорядочные голоса почти оглушили ее. Это была очень большая комната. В дальнем конце находилось что-то вроде стойки, и на ней рядами выстроилось множество бутылок. У нее почти не было времени определиться с впечатлениями, потому что их появление было встречено громкими криками, и их сразу окружило множество людей. Очевидно, что мисс Дюбарри и мисс Лафосс были очень популярны.

— Делисия.

— Эдит.

Мисс Лафосс улыбалась и кивала. Мисс Дюбарри чудесным образом преобразилась. Она смеялась, болтала, шутила. Никаких признаков страха или уныния. Мисс Лафосс продолжала крепко держать руку мисс Петтигрю. Она неуклонно тянула ее через круг гостей. Мисс Петтигрю была уверена, что сказала «Как поживаете?» раз сто, не меньше. Никто не разглядывал ее, никто не смеялся. Хозяйка дома не смерила ее ледяным взглядом. Впрочем, она не знала, кто здесь хозяйка. Ее осенила смутная догадка, что ею может быть мечтательная женщина в блестящем алом платье, которая произнесла:

— Делисия, дорогая, как хорошо, что вы пришли.

Но потом другая женщина в зеленом шифоне сказала:

— Делисия, моя кошечка, как я рада видеть тебя.

Сомнения мисс Петтигрю так и не были разрешены.

Им предложил выпить очаровательный молодой человек с темными вьющимися волосами и хищным огоньком в глазах, но мисс Лафосс быстро покачала головой.

— Я не хочу, — прошептала она. — Не то, чтобы не хочу выпить. Но Теренс готовит коктейли по собственному рецепту. Я дам вам один чуть позже. Гвиневра, я не хотела бы вас обидеть, но думаю, вы не привыкли к крепким напиткам, и потом здесь Тони, вы же помните.

— Как скажете, моя дорогая, — растерянно ответила мисс Петтигрю. — Я воспользуюсь вашим советом.

Мисс Лафосс отвела ее в сторону.

— А теперь, — сказала она, улучив минуту, — вам надо найти место. Только где именно? Вам следует сохранить силы на вечер.

— Думаю, — тихо сказала мисс Петтигрю, — я постою вон там, чтобы видеть себя в зеркале в другом конце комнаты. Пожалуйста, не думайте, что это желание продиктовано тщеславием, хотя, я признаю, есть немного. Я еще не привыкла к себе, и если смогу иногда взглянуть на свое отражение, чтобы успокоиться, это придаст мне огромную силу и поддержку.

— Отличная идея, — согласилась мисс Лафосс.

Она провела мисс Петтигрю в нужное место. Первым делом мисс Петтигрю тайком взглянула на себя в зеркало и издала долгий вздох облегчения. Ее новая внешность никуда не делась. Она почти ничем не отличалась от любой женщины в этой комнате. Небрежным жестом она распахнула шубу, чтобы показать бархат платья. Теперь она не заботилась, видят ее или нет. Она пришла сюда, чтобы смотреть самой и запоминать. Этого было достаточно. Но ей не удалось остаться в одиночестве. Через некоторое время мисс Лафосс исчезла, но к удивлению мисс Петтигрю место около нее сразу оказалось занято. Вернее, его поочередно занимало великое множество разных людей. Ей говорили комплименты, предлагали напитки, от которых она, конечно, отказывалась, ее слушали с вежливым вниманием. Настроение мисс Петтигрю повышалось с каждой минутой, уверенность в себе крепла. Она ничего не понимала. Вокруг нее словно образовался собственный небольшой двор. Она не находила разговор таким сложным, как опасалась. Она просто соглашалась со всем, что ей говорили, ласково улыбалась, и собеседник сразу становился довольным. Если она брала на себя смелость сделать замечание, его принимали с таким восхищением, что мисс Петтигрю уже начала подозревать, что раньше попросту не имела возможности в полном объеме продемонстрировать свои разговорные способности.

Иногда она смеялась и качала головой так, что ей казалось, что ее прическа вот-вот рассыплется. Но затем, стоило ей мельком взглянуть в зеркало, ее уверенность сразу возвращалась. Нет, на нее смотрела не мисс Петтигрю, гувернантка, но леди, чья небрежность и свободная уверенность составляли часть ее очарования.

А еще люди вокруг обращались друг к другу, как старые друзья. Ее радовала невинная болтовня мисс Лафосс. Мисс Лафосс не способна была хранить хорошую новость в тайне. Конечно, подробности не подлежали оглашению, но краткий очерк недавнего происшествия был представлен на суд публики.

— Да, — говорила мисс Лафосс. — Это самая блестящая мимика, которую я когда-либо

видела в жизни.

— Отличная вечеринка, — через две минуты сказал Реджи Картер, первый любовник, ^[6]
Флоренс Сомерс, звезде мюзик-холла.

— Мойра, конечно, привлекает толпы народа, — согласилась мисс Сомерс.

— Кто эта леди? — спросил Реджи.

— Мисс Петтигрю.

— Не думаю, что мы встречались.

— Что? — с напускной снисходительностью. — Никогда не видел, как она играет миссис Бруммеган?

— Миссис Бруммеган?

— Миссис Бруммеган.

— Я никогда не слышал о ней.

— Никогда не слышал о миссис Бруммеган?

— Нет, — с тревогой. — А должен был?

— Ну, конечно, должен.

— Тогда я исправлюсь.

— Мы не можем позволить себе не быть в курсе последних новостей, — заметила мисс Сомерс.

— Ты права. Ужасное упущение.

— Ну, до свидания, — сказала мисс Сомерс. — Я вижу Чарли. Пойду поздороваюсь.

— Хорошая вечеринка, — сказал Реджи Картер Морису Дину, комику, иногда играющему подростков.

— Неплохая, — небрежно ответил Морис.

— Огилви всегда умудряются заполучить к себе всех новых знаменитостей.

— Знаменитость? Кто?

— Мисс Петтигрю.

— Мисс Петтигрю?

— Никогда не видел, как она играет миссис Бруммеган? — недоверчиво.

— Миссис Бруммеган?

— Ну, ты же знаешь миссис Бруммеган?

— О... ах, да! Дай подумать, кажется, мы уже встречались. У Десмондов, не так ли?

— Возможно.

— Мисс Петтигрю копирует ее хорошо?

— Блестящая имитация. Она может затмить Дору Делани.

— Не говори так.

— Ммм... никому ни слова, но я считаю, что Фил Голдберг собирается занять ее. Они с Делисией друзья, и Делисия представила ее Голдбергу.

— Господи! — сказал Морис.

— Факт! Подруга Голдберга. Ну, кто бы не захотел с ней познакомиться?

— Конечно. Я, например, уже хочу, — согласился Морис.

Он поспешил прочь.

— Ах! Привет, Эвелин, — сказал Морис высокой леди в черных перьях.

— Привет, Морис.

— Поздоровалась с леди?

— Что за леди?

— Моя дорогая девочка, конечно, ты ее знаешь.

— Кого?

— Мисс Петтигрю.

— Ох... ах... мисс Петтигрю.

— Будущая звезда.

— О... э-э. Дай вспомнить, кажется я читала рецензию.

— Никогда не видела, как она играет миссис Бруммеган?

— Миссис Бруммеган?

— Конечно, — снисходительно, — ты слышала о миссис Бруммеган?

— Э-э... Конечно, слышала. И как же она играет миссис Бруммеган?

— Покорила провинцию.

— Ах, провинцию... — холоднее.

— Теперь на очереди Лондон, — вежливо.

— Лондон?

— Конечно. Ее пригласил Фил Голдберг. Комедийная звезда нового шоу. Разделит славу с Делисией Лафосс.

— Теперь, когда ты напомнил, мне кажется, я что-то слышала, — согласилась Эвелин.

— Еще вчера никто не знал о ней, но она завтрашняя королева Лондона.

— О, да. Думаю, я поговорю с ней.

И они все поговорили с мисс Петтигрю. Ее глаза сияли от возбуждения, узел на затылке слегка ослабел, и волосы немного рассыпались, но очень художественно, по-прежнему лежа волнами, созданными умелыми руками мисс Дюбарри. Серьги мерцали зелеными огнями, естественный румянец окрасил щеки, грудь вздымалась от волнения.

Мисс Лафосс коснулась ее руки. Мисс Петтигрю отвлеклась от своего последнего собеседника.

— Это Тони, — прошептала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю оглянулась: среднего роста молодой человек с несколько всклокоченными волосами, горящими глазами и упорным выражением лица.

«О! — с облегчением подумала мисс Петтигрю. — Хорошее лицо. Я ожидала... чего я ожидала... очередного крокодила. Удивительно, каким обманчивым может быть внешний вид».

Мисс Дюбарри уже поздоровалась с Тони.

— Привет, Тони, — беззаботно сказала она.

— Отличная вечеринка, — равнодушно ответил Тони.

Мисс Дюбарри проследовала дальше. Они оба выглядели спокойными и уравновешенными, очень независимыми и веселыми. Потом они всячески избегали друг друга. Мисс Дюбарри искрилась весельем в одном конце гостиной, Тони шутил напропалую в другом.

«Ах! — подумала мисс Петтигрю. — Они сознательно избегают друг друга. Бахвалятся своей независимостью. Боже мой, какая жалость. Доказывают, что совершенно безразличны друг другу».

Чуть позже мисс Дюбарри подошла к ней.

— Это Тони, — прошептала она.

— Я знаю, — согласилась мисс Петтигрю.

Она посмотрела на мисс Дюбарри. Тони не смотрел в их сторону, и мисс Дюбарри

смогла задержать свой взгляд на нем. С внезапно вспыхнувшей пронизательностью она заметила боль, промелькнувшую в глазах молодой женщины, но Тони обернулся, и мисс Дюбарри уже смеялась с кем-то еще.

Внезапно мисс Петтигрю подумала, что ее не так уж сильно интересуют люди вокруг нее. Ведь все они были чужими, а мисс Дюбарри была ее подругой. Она уже не могла чувствовать себя счастливой, зная, как страдает мисс Дюбарри. Она отвернулась и отступила в угол в самом конце бара. Там мисс Петтигрю обнаружила высокий стул и села.

«Ах, Боже мой, — печально размышляла она. — Я надеюсь, этот молодой человек одумается. Я не могу видеть мисс Дюбарри такой несчастной. В конце концов, молодость так скоротечна».

Подошла мисс Лафосс.

— Гвиневра, — сказала мисс Лафосс, — познакомьтесь с Тони, моим приятелем.

— Как поживаете? — спросила мисс Петтигрю.

— Как поживаете? — спросил Тони.

— Я вас покину на минутку, — весело сообщила мисс Лафосс и исчезла.

— Принести вам выпить? — дружелюбно предложил Тони.

— Спасибо, — задумчиво сказала мисс Петтигрю. — Пожалуй я выпью что-нибудь.

«Я уже выпила два напитка, — рассудительно подумала она, — и не ощутила никаких негативных последствий. Еще один не принесет вреда, а утвердительный ответ, возможно, произведет на него более благоприятное впечатление».

Тони взглянул на нее критически. Ему нравилось думать, что он отлично разбирается в женщинах. Он отметил лукавый блеск сережек, глубокий вырез платья. И сделал соответствующий вывод.

— Змеиного яду?

— Что... э-э... да, конечно, — сказала мисс Петтигрю, несколько опешив.

Тони принес коктейль. Мисс Петтигрю выпила почти половину одним большим глотком. Тони посмотрел на нее с восхищением. В какой-то момент в голове мисс Петтигрю мелькнула дикая мысль, не был ли этот напиток действительно ядом? Она неподвижно замерла на стуле, не смея пошевелиться. По ее горлу пробежал огонь, ноги отяжелели, стул покачнулся. Ее глаза самопроизвольно моргнули, и все вернулось на свои места. Комната не качалась, стул стоял неподвижно. И она по-прежнему спокойно сидела на нем. Она осторожно пошевелилась и вздохнула с облегчением. Она была в состоянии сохранять равновесие. Мисс Петтигрю улыбнулась.

Она чувствовала, как ее тело наливается силой и бодростью, властью и уверенностью. Это было чудесное открытие. Она с презрением подумала о своей прежней личности. Бесплезное существо. Трусливое. В ней неудержимо росла отвага, боевой дух требовал выхода. Ей нужно было срочно сразиться с кем-нибудь, просто ради радости битвы и доказательства своего мужества. Взглядом полководца она оглядела гостиную. Вполне достойное поле боя, но кто пошлет ей вызов?

Тони продолжал покорно стоять рядом с ней. Похоже, он не собирался возвращаться к толпе. Он о чем-то напомнил мисс Петтигрю. Она заметила, как его глаза следят за мисс Дюбарри, когда сама мисс Дюбарри не смотрит на него. Она вспомнила! Очень медленно и очень осторожно мисс Петтигрю поднялась со стула.

— Ха! — рывкнула она. — Так вы и есть Тони?

— Конечно, я Тони.

— Я хотела познакомиться с вами.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Не за что. Я всегда проявляю интерес к глупым молодым людям, — сообщила мисс Петтигрю.

— Что? — удивленно выдохнул Тони.

— Глупый, — воинственно подтвердила мисс Петтигрю.

— Я?

— Вы.

— О! — обаятельно улыбнулся Тони. — Я не знал, что вы меня так хорошо знаете.

— Слишком хорошо.

Он выглядел заинтересованным.

— Но почему я глупый?

— Ах, это не будет вам интересно, — сказала мисс Петтигрю высокомерно. — Просто я проявляю академический интерес к глупостям, совершаемым молодыми людьми. Как видите, я давно вышла из возраста, когда сама была молоденькой дурочкой, так что мой интерес не будет иметь никаких последствий.

— И каким образом ваш интерес имеет отношение ко мне? — поинтересовался Тони.

— Я слышала о вас от одного человека, — мисс Петтигрю оглянулась.

— И кто же назвал меня дураком? — Возмущенно спросил Тони.

Его лицо приобрело сердитое выражение, а в глазах начал тлеть опасный огонек.

— Никто определенный, — сказала мисс Петтигрю с едкой насмешкой. — Это всего лишь моя собственная оценка неких событий. Я кое-что услышала.

— Что вы услышали?

— Вообще-то я не заинтересована сообщать вам детали, — с пафосом сообщила мисс Петтигрю. — Просто после того, что случилось, я решила, что этот молодой человек дурак, и хотела убедиться в этом лично. Теперь я удовлетворена.

— Удовлетворены чем?

— Как чем? Моей проницательностью!

— Боже мой! — воскликнул Тони. Он огляделся вокруг. — С кем вы разговаривали? Я не потерплю, когда кто-то у меня за спиной называет меня же дураком.

— Тогда вы не должны вести себя, как дурак.

— Я?

— Ну, конечно, — ответила мисс Петтигрю, внезапно сменив презрительный тон на жалостливый, — ведь это не ваша вина. Молодые люди никогда не отличаются проницательностью. К тому времени, когда вы достигнете моего возраста, вы худо-бедно научитесь разбираться, лгут вам люди или нет.

— Мне не нужно доживать до вашего возраста. Я и так отлично могу понять, когда мне говорят правду.

Мисс Петтигрю снисходительно улыбнулась. Тони в ответ покраснел.

— А чему вы теперь ухмыляетесь?

— Я улыбаюсь, — с достоинством поправила мисс Петтигрю, — и вполне любезно. Впрочем, не обращайтесь на меня внимания. Я продолжаю наблюдать, что говорят молодые люди. Это меня забавляет. Они считают себя такими умными! Теперь я радуюсь, что достигла того возраста, когда меня трудно одурачить.

— Никто меня не обманывает.

— Кроме вас самих.

— Что...

— Но в этом вы совершенно правы, — сказала мисс Петтигрю, становясь циничной. — Это всего лишь любовные дела. Когда достигнете моего возраста, вы это поймете и будете благодарны, что совершили правильный поступок, хотя и по совершенно глупой причине.

— Женщина, — яростно воскликнул Тони, — если вы еще раз скажете что-нибудь о моем возрасте или глупости, я совершу что-то отчаянное.

— Но заметьте, — продолжала мисс Петтигрю, — я считаю, что женщине просто повезло. Как я уже сказала мисс Лафосс, она правильно сделала, что избавилась от него. Я не так хорошо знаю вашу подругу, но вижу, когда женщины говорят правду. Этим я обязана своей профессии. С детьми иначе нельзя. С практикой появляется шестое чувство, позволяющее узнать, когда они врут, а когда нет.

— Боже мой! — в отчаянии воскликнул Тони. — О чем вы сейчас говорите?

— О моей профессии, — с достоинством сказала мисс Петтигрю.

— Что это?

— Я учу.

— Учите кого?

— Детей.

— О, Господи! — слабо простонал Тони. — Давайте успокоимся, давайте сконцентрируемся, давайте возьмем себя в руки. Соберитесь. Теперь думайте. О чем мы говорим?

Мисс Петтигрю подумала. Потом подумала еще раз. Она обнаружила, что сконцентрироваться ей будет довольно трудно. Вопрос и ответ. Ура, она нашла источник вдохновения.

— О вашей невесте, конечно.

— Эдит! — взорвался Тони.

— Ну, — с негодованием произнесла мисс Петтигрю, немного запутавшись между тем, что она думала, и тем, что она сказала, — Я повторяю, зачем ей молодой человек, который постоянно закатывает ей сцены просто ради собственного удовольствия? Это становится скучным, в конце концов.

— Я не закатываю сцены ради собственного удовольствия, — возмущенно возразил Тони.

— Ну, — сказала мисс Петтигрю небрежно, — конечно, вы успели придумать себе какую-нибудь серьезную причину.

— Святая великомученица Скумбрия!^[7] Где мы сейчас? — в отчаянии воскликнул Тони. — Как нам во всем разобраться?

— Тоже мне бином Ньютона! — не менее возмущенно ответила мисс Петтигрю. — Сосредоточьтесь. Вспомните, женщины забывают о вас, когда вы исчезаете из их поля зрения?

— Нет, не забывают.

— Ерунда.

— Ерунда? Что ерунда? Да что вы вообще знаете об этом?

Мисс Петтигрю посмотрела на него с оскорбительной жалостью. Ее ум был остер и ясен. Она совершенно ни о чем не переживала. Блестящие остроумные ответы сами приходили ей на язык. Этот мужчина был ей не соперник.

— Ну, если вы о себе такого мнения, как вы могли поверить, что женщина может предпочесть вам другого мужчину в ваше отсутствие?

— Но они так не делают.

— Тогда зачем, — мисс Петтигрю вернулась к возмущенному тону, — вы притворяетесь? Это был просто трусливый способ выпутаться из сложной ситуации. Очень трусливый, должна вам сказать. Побег через заднюю дверь. Грязная игра, — торжествуя пришла к выводу мисс Петтигрю.

— Что за сложность? Какая задняя дверь? — воскликнул Тони, уже готовый рвать на себе волосы.

— Ничтожная отговорка. Почему вы не захотели вести себя по-мужски и просто сказать, что устали?

— От чего устал?

— От мисс Дюбарри.

— Я не устал от мисс Дюбарри.

— Ну, хорошо, Боже мой! — устало согласилась мисс Петтигрю. — Будь по-вашему. Но тогда все это кажется мне очень, очень странным. Вы говорите, что не устали от мисс Дюбарри, и она говорит, что не устала от вас... тогда, в самом деле, что еще может подумать посторонний человек?

— Что думает посторонний человек?

— Напрягите память, — предложила мисс Петтигрю, продолжая накалывать ситуацию, — с чего мы начали? Я все еще не изменила своего мнения.

— Какого мнения?

— О том, что вы очень глупый молодой человек.

— Вот как?

— Вот так!

Они посмотрели друг на друга. Еще никогда в жизни мисс Петтигрю не была так груба с другим человеком. Вдруг она осознала, что происходит. Что она наговорила? Она почувствовала себя немного растерявшейся, но тут же обнаружила, что в ее бокале плещется еще половина напитка. Она сделала большой глоток. Обжигающая жидкость пробежала по ее горлу. Ей сразу стало лучше. Да! Он заслужил все, что получил. Он глубоко ранил ее дорогую подругу мисс Дюбарри. Мисс Петтигрю метнула в Тони возмущенный взгляд.

— И это после того, как она так любила вас.

— Надо же! Значит, она любила меня? — переспросил Тони с иронией.

— Разве я не так сказала?

— Ох.

— Разве вы с этим не согласны?

— Ну, она...

— Ах! — с блестящим сарказмом заметила мисс Петтигрю. — Эта пронизательная молодежь...

— Да, она любила меня, — выкрикнул Тони.

— А вы нет?

Тони оглянулся. Сглотнул. Покраснел.

— Да. — признался он. — Я любил ее.

— Ну вот, — ласково сказала мисс Петтигрю. — Ничего глупее в жизни не слышала. Я надеюсь, что она сдержит свое обещания и больше не будет иметь с вами никаких дел.

— Это она тоже вам сказала?

— Да, сказала, — горячо подтвердила мисс Петтигрю. — И я полностью с ней согласна. Я не собиралась быть такой откровенной, но мой возраст дает мне некоторые права. После знакомства с вами, молодой человек, я считаю, что мисс Дюбарри будет разумнее найти себе мужчину с более стабильным темпераментом и более логичным мышлением. Брак, знаете ли, дело серьезное.

— Значит, вы собираетесь выдать ее замуж за кого-то другого? — яростно спросил Тони.

— Это то, что я ей рекомендую, — ответила мисс Петтигрю так же гневно. — И я очень рада, что она покончила с вами.

— Значит, это она покончила со мной?

— Разве нет?

— Неужели? Сейчас посмотрим!

Тони повернулся и окинул гостиную орлиным взором. Мисс Дюбарри сидела рядом с ними, на вполне доступном расстоянии. Она заранее и очень осторожно пробралась на свое место. Мисс Петтигрю и Тони говорили о слишком важных вещах, чтобы она могла оставаться вне зоны видимости. Она обязательно должна оказаться под рукой, если обстоятельства того потребуют. Теперь они требовали.

— Эдит, — позвал Тони низким, ничего хорошего не обещающим голосом.

Мисс Дюбарри беспечно приблизилась.

— Ты покончила со мной, не так ли? — спросил Тони, пристально глядя ей в лицо.

Мисс Дюбарри попыталась оценить ситуацию. Она покосилась на мисс Петтигрю. Насколько тонкая работа была проведена с сознанием Тони? Любая небрежность может разрушить первоначальный замысел. Если вы сомневаетесь, следует повторить вопрос.

— Я? — небрежно переспросила мисс Дюбарри.

— Значит, ты не считаешь меня достаточно стабильным?

— Ну, — осторожно уточнила мисс Дюбарри, — тебя?

— Ха! — снова взорвался Тони. — Значит, ты собираешься выйти за другого?

— Ну, — сказала мисс Дюбарри, все еще пытаюсь нащупать верный тон, — я хочу сказать, что я уже не маленькая девочка. Наверное, мне пора остепениться... и раз ты не хочешь на мне жениться...

— Значит, ты надеешься больше меня не увидеть, так?

— О! — осторожно возразила мисс Дюбарри, — Теперь я бы так не сказала, Тони. Это было сказано сгоряча, когда мне было очень больно. Я не понимаю, почему мы не можем дружить...

— Дружить! — повторил Тони с новой вспышкой возмущения. — Дружить! Вот как ты теперь говоришь?

— Ну да, говорю, — согласилась мисс Дюбарри немного нервно.

Этот разговор становился опасным. Она не имела ни малейшего понятия, что именно сейчас происходит, и очень жалела, что не могла подслушать за гардинами, чтобы потом выступить на сцену во всеоружии. Но тогда как она смогла бы сохранить достоинство?

— Ты думаешь, что сможешь вот так просто избавиться от меня? — продолжал допрашивать Тони.

— Ну, нет, — испуганно ответила мисс Дюбарри. — Я хочу сказать... ты всегда был таким настойчивым.

— Ты не бросила меня!

— Ну, не бросила, — сдалась мисс Дюбарри.

— Я рад, что ты согласилась, — воинственно заявил Тони. — Женщины меня не берут и не бросают, я им не игрушка.

— Конечно, нет.

— Я рад, что ты это поняла.

— Конечно, я поняла.

— Ну, и что дальше?

— О! — сердце мисс Дюбарри совершило такой дикий прыжок, что она почти ожидала увидеть, как оно выпархивает из ее горла.

Первым ее порывом было раскинуть руки и броситься на грудь Тони, но ее врожденное лукавство спасло ее от этого опрометчивого шага.

— О, я не знаю, — высокомерно сказала мисс Дюбарри. — Ни одной девушке не понравится, когда ее назовут лгуньей, даже если это так и есть. Но когда она на самом деле говорит правду...

— Хорошо. — в глазах Тони все еще тлел опасный огонек. — Я извиняюсь... но если ты действительно так ко мне относишься...

Он сделал попытку уйти.

— Тони, — возопила мисс Дюбарри.

— Эдит, — сказал Тони охрипшим голосом.

Мисс Петтигрю благосклонно улыбалась им обоим. Она имела очень смутное представление, о чем говорила с Тони, и их нынешние замечания звучали для нее в высшей степени загадочно, но результат, казалось, радовал их обоих, и только это имело значение. Мисс Дюбарри выглядела такой счастливой, что мисс Петтигрю простила Тони все его грехи.

С легкой тревогой она оглядела комнату. Такое публичное выражение чувств было неловкой мелочью и не совсем подобало... ну, было не очень правильным.

Но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Все вокруг оживленно болтали. Тони вполне мог бы задушить мисс Дюбарри среди переполненной гостиной, и никто бы не заметил. Мисс Петтигрю издала тихий вздох облегчения.

Мисс Дюбарри обернулась. Она окинула на мисс Петтигрю восхищенным взглядом.

— О! — воскликнула мисс Дюбарри. — Вы необыкновенная женщина.

Мисс Петтигрю удивилась. Мисс Дюбарри обняла ее и горячо зашептала на ухо.

— Как я смогу отблагодарить вас?

Мисс Петтигрю была чрезвычайно довольна. Она уже поняла, что примирение состоялось, хотя не поняла, почему.

— О, моя дорогая, — прошептала она в ответ. — Желаю вам счастья.

Забыв о макияже, забыв о решающем факторе внешности, совсем позабыв, что Тони может случайно увидеть, какая она на самом деле, мисс Дюбарри позволила двум слезинкам скатиться из ее глаз, оставив после себя легкие следы расплывшейся туши.

— О! — всхлипнула мисс Дюбарри. — Как я выгляжу...

— Ты прекрасно выглядишь, — с обожанием сказал Тони.

— Мне надо пройти в гардеробную, — в смятении пролепетала мисс Дюбарри.

— Я пойду с тобой, — сказал Тони.

Они пошли прочь. Мисс Петтигрю наблюдала за ними снисходительным материнским

взглядом.

«Как это мило, — сентиментально думала она. — Двое юных влюбленных. Позабыли обо всем, как только увидели друг друга».

Она тихо икнула.

«Ох, — подумала мисс Петтигрю. — Несварение. Надо будет принять немного магнезии».

Глава 9

18:21–19:25

Мисс Петтигрю была невероятно счастлива. Она чувствовала себя такой легкой и воздушной, что была почти уверена: она сможет добраться до двери, просто проплыв по воздуху. Она обнаружила еще несколько капель на дне своего стакана и осушила его. Мисс Лафосс наблюдала за мисс Петтигрю с другого конца комнаты. В последние четверть часа все ее внимание было сосредоточено в этом углу. Она отметила продолжительное пребывание Тони около стула мисс Петтигрю. Она видела, как к ним присоединилась мисс Дюбарри. Ее любопытство достигло апогея, но приятели закрыли ей обзор, отвлекли разговорами, и когда она в следующий раз взглянула в сторону мисс Петтигрю, Тони уже ушел, а мисс Дюбарри исчезла.

Мисс Петтигрю с сияющим лицом, блестящими глазами, немного сбитой на одно ухо прической и с пустым бокалом стояла около бара одна. Она выглядела невероятно счастливой. Подозрительно счастливой. Мисс Лафосс знала этот взгляд. Ее сердце екнуло. Укол совести пронзил ее. Гвиневра слишком долго находилась без присмотра. Мисс Лафосс совсем забыла предупредить Тони, чтобы он не судил ее подругу по шубе и черному платью; непростительная забывчивость. Ей оставалось только надеяться, что еще не слишком поздно.

Она рассеянно ответила одному собеседнику, невежливо оборвала другого и направилась через всю гостиную к своей подружке, задумчиво глядящей в пустой бокал. Мисс Петтигрю встретила ее сияющей улыбкой.

— Гвиневра, — с тревогой сказала мисс Лафосс, — вы не пьяная?

— Пьяная?

— Пальцы не дрожат?

— Пальцы? — повторила мисс Петтигрю. Она надменно подняла подбородок. — Мои пальцы в полном порядке. — с достоинством сказала она. — А ноги совершенно устойчивы.

— Докажите, — строго предложила мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю сделала два шага назад и два шага вперед. Ей удалось проделать это без каких-либо затруднений.

— Слава Богу, — с облегчением вздохнула мисс Лафосс.

— Ваши подозрения, — укоризненно заметила мисс Петтигрю, — очень глубоко ранят меня.

— Не обижайтесь, — не стала извиняться мисс Лафосс. — Мои подозрения касаются не вас, а Тони.

— Очаровательный юноша, — сентиментально сказала мисс Петтигрю. — Только немного неуравновешенный. Но ваши подозрения совершенно не обоснованы. Он предложил мне всего один маленький бокальчик.

— Я знаю, что за напитки смешивает Тони, — возразила мисс Лафосс все с тем же мрачным сомнением.

Но любопытство преодолело ее беспокойство. Она больше не могла сдерживаться.

— Где он? — требовательно спросила она.

— Где кто?

— Тони.

— В гардеробной, — мечтательно сказала мисс Петтигрю.

— О! — воскликнула мисс Лафосс с легким разочарованием.

— А где Эдит? — безнадежно поинтересовалась она.

— В гардеробной, — ответила мисс Петтигрю все так же сентиментально.

— О! — снова воскликнула мисс Лафосс, на этот раз с волнением. — О, Гвиневра, вы хотите сказать... хотите сказать...

— Что?

— Они вместе?

— Почему нет? — спросила мисс Петтигрю. — «И пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает».

— О, дорогая! — воскликнула мисс Лафосс. — Вы чудесная... такая замечательная. Как вы это сделали? Разве я не говорила! О, я так счастлива! Я думаю, вы самая замечательная женщина в моей жизни. Никто, кроме вас, не смог бы их помирить. Тони и Эдит снова вместе.

Мисс Петтигрю посмотрела на нее с материнской снисходительностью.

— Дорогая моя! Все молодые люди ссорятся. Это ничего не значит. После того, как она встретились лицом к лицу, все остальное было довольно просто. Все они...

— Конечно, это просто... для вас. Никто другой не смог бы свести их вместе. Вам просто не доводилось видеть Тони, когда пчела залетает ему под хвост... ах. Вы просто чудотворец.

Мисс Петтигрю решила не спорить. Если ее очаровательной подруге нравится говорить загадками, пусть говорит. Она, мисс Петтигрю, не будет беспокоиться об этом. Она вообще ни о чем не будет беспокоиться. Она знала точно только одно: никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой восхитительно веселой и безответственной. Пусть все вокруг говорят загадками. Вероятно, так принято среди этих необыкновенных людей. А что беспокоит ее? Ни-че-го.

— Как скажете, — великодушно согласилась она.

— Идемте, — позвала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю почувствовала укол дурного предчувствия. Она бросила испуганный взгляд в сторону двери. Дверь казалась невероятно далекой, почти недостижимой.

— Моя дорогая, — сказала мисс Петтигрю с достоинством, — если не возражаете, я возьму вас под руку. У меня немного кружится голова. От жары, я думаю. Я не привыкла находиться в переполненном помещении с закрытыми окнами.

— Ну, вот, — горячо воскликнула мисс Лафосс. — Я так и знала. Что этот Тони, черт его возьми, подсунил вам? Вы были в порядке, когда я вас здесь оставила. Я оторву ему голову, когда увижу. Он должен был понять.

— О! — простонала мисс Петтигрю. — Пожалуйста. Это неправда... это невозможно... Со мной никогда не случалось такого позора. Уверяю вас, это от жары. Я уверена, просто духота.

— Сейчас, сейчас, — успокоила ее мисс Лафосс. — Конечно, это жара. Не расстраивайтесь. Вы в порядке. Вам станет лучше, как только мы выйдем отсюда. Воздух в этой комнате действительно паршивый.

Мисс Лафосс крепко взяла мисс Петтигрю за локоть и сопровождала через гостиную. Новые вопросы посыпались на них со всех сторон.

— Уже уходите?

— Утолили жажду?

— Кран еще работает.

Мисс Петтигрю улыбалась всем вокруг без разбора. Мисс Лафосс отбивалась короткими репликами. Наконец, они достигли двери и вышли в холл.

На пороге мисс Петтигрю остановилась и ахнула.

— О, Боже! Я забыла поблагодарить хозяйку за очаровательный вечер. Что она подумает? Я должна вернуться.

— Ни за что, — поспешно возразила мисс Лафосс. — Это задержит нас надолго. В любом случае будет нечестно так шокировать Мойру. Она не привыкла к викторианским церемониям.

Вдохнув прохладного воздуха, мисс Петтигрю почувствовала себя лучше.

— Я так и думала, моя дорогая. Это было из-за жары в комнате. Все эти мужчины такие горячие...

— Заметьте, не я это сказала, — с лукавым огоньком в глазах согласилась мисс Лафосс.

— Прошу прощения? — не поняла мисс Петтигрю.

— Про горячих мужчин, — объяснила мисс Лафосс.

— О! — сказала мисс Петтигрю. До нее дошло. — Горячие мужчины... Как смешно! Как глупо!

Мисс Петтигрю начала смеяться. Она смеялась и смеялась, пока слезы не потекли по ее лицу.

— Ну, — весело сказала мисс Лафосс, — вы совсем смутили меня.

Но ей было очень приятно, что ее шутка нашла такую благодарную аудиторию. В прекрасном настроении они рука об руку направились к лестнице. Здесь мисс Петтигрю отказалась от дальнейшей помощи. Она крепко ухватила за перила и выпрямилась. Потом сделала шаг вперед.

Перед дверью спальни, в данный момент выполнявшей функции дамского гардероба, мисс Лафосс остановилась и постучала. Затем она медленно открыла дверь.

— Так-так-так, — сказала мисс Лафосс. — Если глаза не обманывают меня, сюда прокрался мужчина? Не святым ли духом тебя сюда занесло?

— На крыльях любви, — заявил Тони.

— Делисия! — воскликнула мисс Дюбарри.

Она не стала выглядеть опрятнее с той минуты, как покинула мисс Петтигрю под предлогом поправить макияж.

— Эдит, — ответила мисс Лафосс.

Она вдруг нежно улыбнулась. Мисс Дюбарри порхнула в ее объятия.

— Делисия, мы собираемся пожениться.

— Нет! — воскликнула мисс Лафосс.

Она крепко обняла мисс Дюбарри, а потом решительно отстранила подругу и так же крепко обхватила Тони. Тони не возражал.

— Поздравляю, старый ты грешник. Почему, черт побери, ты ждал так долго?

Тони улыбнулся.

— Тогда я еще не мог выкупить лицензию.

— Ты всегда мог занять денег у Эдит.

— Ну, — серьезно сказал Тони — я думал, что следует немного подождать, прежде чем продемонстрировать ей истинную причину моей женитьбы. Я хочу сказать, не надо гнаться за зайцем, если хочешь поймать медведя.

— Не заговаривай мне зубы, — не согласилась мисс Лафосс. — Сдержанность делает тебе честь.

— Я рад, что вы обе оценили мои мужские достоинства, — скромно сказал Тони.

— О, все без исключения, — весело заявила мисс Лафосс. — Я буду крестной у первых двух детей, но в дальнейшем снимаю с себя всякую ответственность.

— Еще у тринадцатого, пожалуйста, — попросил Тони. — Ему понадобится немного удачи, чтобы преодолеть свое роковое число.

— Ну, конечно, дорогой, — сказала мисс Лафосс. — За это, безусловно, ты заслуживаешь еще один поцелуй.

Она еще раз поцеловала его. Тони, казалось, все очень нравится. К этому времени мисс Петтигрю заметила, что начинает привыкать к таким обильным и беспорядочным привязанностям. Раз никто не возражает, зачем ей быть против? Хотя она была немного озадачена. Атмосфера, казалось, не совсем соответствовала случаю. Мисс Дюбарри совершенно не собиралась краснеть и застенчиво улыбаться, а осознание ответственности за будущую семью не тяготило плечи Тони. В такой обстановке очень сложно было дать выход всем красивым и нежным чувствам, которые следует выражать в этот момент. Но наконец она не выдержала.

— О, — прерывающимся от робости голосом пролепетала мисс Петтигрю, — можно... можно я тоже принесу свои поздравления.

— Спасибо, — сказал Тони.

— Молодая любовь... — начала мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс и мисс Дюбарри повернулись к ней. По выражению глаз мисс Дюбарри мисс Петтигрю поняла, что та снова собирается броситься ей на шею. Она оказалась права. Так и случилось. Мисс Петтигрю сочла это чрезмерное выражение привязанности несколько неловким, но чрезвычайно приятным. Это совершенно не соответствовало кодексу поведения Истинной Леди. И это не был «английский поцелуй» в воздух, столь почитаемый на континенте, но на этот раз мисс Петтигрю было наплевать на благородную сдержанность.

Мисс Дюбарри налетела на нее и сгрэбла в могучие объятия.

— О, дорогая, дорогая моя! Как я смогу вас отблагодарить! — слезы снова дрожали в ее глазах.

— О, Гвиневра, — воскликнула мисс Лафосс, обнимая их обеих, — что бы мы делали без вас?

— Я никогда не смогу отблагодарить вас, — шептала мисс Дюбарри в вихре счастливых чувств. — Если вам что-то понадобится, обязательно приходите ко мне. Удаление морщин, окраска волос, массаж лица...

— О чем, черт возьми, вы говорите? — поинтересовался Тони.

— Ни о чем, — хором ответили все три мисс.

— Ничего для мужских ушей, — любезно разъяснила мисс Лафосс. — Наши девичьи секреты.

Наконец мисс Дюбарри ослабила хватку.

— Увидимся вечером, — сказала мисс Лафосс.

— Мы там будем, — пообещала мисс Дюбарри.

Дверь за ними закрылась.

— Замечательная девушка, — заметила мисс Петтигрю, — но немного за пределами моего понимания.

— Мы поедem домой, — сказала мисс Лафосс, — надо немного отдохнуть.

Они оставили гостеприимный дом. Мисс Лафосс окликнула проезжавшее мимо такси и вместе с мисс Петтигрю села в салон. Она попросила остановиться около цветочного магазинчика и вышла.

— Все! — бодро сказала она по возвращении. — Я заказала нам букеты. Кто говорил, что я ничего не помню?

— О, как вы добры! — прошептала мисс Петтигрю со слезами на глазах.

— После всего того, что вы сделали для Эдит! — воскликнула мисс Лафосс. — Это такие мелочи.

— Но, — начала бедная мисс Петтигрю, — уверяю вас, я не...

— Не спорьте, — сказала мисс Лафосс. — Я все равно не буду слушать.

Они прибыли в особняк Онслоу, вошли в здание, поднялись на лифте, подошли к двери мисс Лафосс, и мисс Лафосс вставила ключ в замок.

У мисс Петтигрю возникло странное ощущение возвращения домой. Вечерний визит был захватывающим, волнующим опытом, пищей для размышлений на много дней вперед, но он вызывал не больше удовлетворения, чем удовольствие от хорошей еды, и не имел ничего общего с тем чувством, которое испытала мисс Петтигрю, снова переступая порог квартиры мисс Лафосс. Эта простая радость была так сильна, что почти причиняла боль. Но она не позволила себе думать о завтрашнем дне, когда все пережитое станет просто мечтой, почти сном. Она жила сегодняшним днем.

Мисс Петтигрю быстро повернула выключатель лампы на столе, включила электрический камин, приглашающим жестом взбила пухлые подушки на диване. Огонь в камине играл всеми оттенками малинового цвета, наполняя комнату уютным розовым полумраком.

Мисс Лафосс сбросила пальто.

— Благодарю тебя, Боже, за минуты мира и покоя.

Она опустилаcя в удобное кресло перед огнем.

Мисс Петтигрю сняла шубу и отложила ее в сторону с гораздо большим почтением. Заимствованное платье внушало ей роскошное чувство собственной исключительности. Ей уже не надо было принуждать себя к выражению достоинства. Богатый бархат совершенно естественно вынуждал к величественным манерам.

— Садитесь, Гвиневра, — сказала мисс Лафосс. — Вы утомитесь.

— Я ничуть не устала, — блаженно произнесла мисс Петтигрю. — Я слишком взволнована, чтобы устать.

— Ноги не подкашиваются?

— Мои ноги, — сказала мисс Петтигрю со становящимся привычным выражением достоинства, — всегда были в порядке. У меня немного голова кружилась от жары, вот и все.

— Полностью согласна с вашей версией, — с усмешкой ответила мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю подошла и со счастливым вздохом села рядом с ней. Тепло электрического камина приятно обволакивало ее тело после темноты и холода ноябрьской улицы. Они с мисс Лафосс сидели одни в комнате в спокойной и уютной близости. Шторы на окнах задернуты, стулья придвинуты к огню. Это был самый прекрасный момент за весь день. Но она хотела, чтобы эти минуты отдыха были только передышкой. Это счастье ей надо будет растянуть на много лет вперед, много лет однообразного упорядоченного существования. В настоящее время мир и покой решительно не соответствовали ее

ожиданиям. Напротив, что-то должно было произойти в ближайшее время, совсем скоро. Если этого не случится, она будет чувствовать себя обманутой, но, безусловно, сегодня судьба слишком добра к ней, чтобы покинуть ее прямо сейчас. Что-то должно произойти. Поэтому она будет вести себя разумно и насладится этими минутами отдыха, чтобы набраться сил перед новым поворотом событий.

— Я не знаю, как вы, — смело сказала мисс Петтигрю, — но я с удовольствием выпила бы чашку чая.

— О! — сказала мисс Лафосс.

— Другие напитки могут быть приятны для разнообразия, — мисс Петтигрю говорила искренне, — и, конечно, иногда вызывают восхитительно непредсказуемые чувства, но я всегда говорила: невозможно чувствовать себя действительно хорошо без чашки чая.

— Вы совершенно правы, — любезно согласилась мисс Лафосс. — Я пойду и приготовлю.

— Сидите, — твердо сказала мисс Петтигрю. — Если бы вы только знали, как я... как я люблю готовить чай... особенно для тех, кто умеет его ценить.

Мисс Лафосс позволила ей действовать по собственному усмотрению.

Мисс Петтигрю поспешила на кухню и погрузилась в счастливый водоворот домашних хлопот. Заботиться о мисс Лафосс было совершенно особенным удовольствием. Острая боль пронзила ее сердце. Как чудесно иметь такой дом! Никогда больше ни на кого не работать, не сидеть в углу, когда другие греются у камина, никогда не испытывать пренебрежения, не быть забытой и брошенной. Она решительно отмела это чувство прочь. Ее день еще не кончился. Совершенно очевидно, что не кончился. Мисс Лафосс что-то планировала на вечер, иначе зачем она заказала цветы у флориста?

Электрический чайник закипел. Мисс Петтигрю заварила чай. Она поставила чайник на поднос с чашками и печеньем и отнесла все ожидавшей ее мисс Лафосс.

— Вы совершенно правы, — сказала мисс Лафосс. — Чай, безусловно, освежает.

Мисс Петтигрю довольно вздохнула над своей ароматной чашкой.

— Я всегда говорю, что достаточно выпить чашку свежего чая, и вы будете бодры еще несколько часов.

— Который час? — спросила мисс Лафосс.

— Почти семь, — ответила мисс Петтигрю.

— Ах! — лениво сказала мисс Лафосс. — Мне еще понадобится бодрость на несколько часов.

— Насколько я поняла, — небрежно уточнила мисс Петтигрю, — вы поете в ночном клубе?

— Верно. В «Алом Павлине». Это клуб Ника.

— О! — произнесла мисс Петтигрю.

В ее душе зашевелились дурные предчувствия.

— Правда, Тони и Эдит выглядели такими счастливыми? — мисс Лафосс вздохнула.

Ее лицо приняло мечтательное выражение, задумчивый взгляд женщины, ожидающей мужского внимания. Сердце мисс Петтигрю упало еще ниже.

— Кульминацией всех истинно романтических отношений, — строго сказала мисс Петтигрю, — является брак. Если мысль о браке не приходит в головы обоих партнеров, можете быть уверены, их счастье недолговечно.

— Вы совершенно правы, — покорно согласилась мисс Лафосс.

— И я надеюсь, — продолжила мисс Петтигрю, — вы не помышляете о браке с Ником. Я действительно его вам не советую.

— Боже упаси, нет, — воскликнула пораженная мисс Лафосс. — Чтобы Ник... Женился! Он не будет верным и пяти минут.

— Ценю ваш здравый смысл, — сказала мисс Петтигрю. — Он не будет.

— Но он великолепный любовник, — с тоской добавила мисс Лафосс.

— Не сомневаюсь, — согласилась мисс Петтигрю. — Убеждена, что он оттачивает мастерство непрерывной практикой.

— Он достигает поразительных высот, — умоляюще продолжала мисс Лафосс.

— Меня больше удивляет его выносливость, — заявила мисс Петтигрю.

— О! — сказала мисс Лафосс.

— Вы сами знаете.

— Я знаю, — с сожалением согласилась мисс Лафосс. — Вы умеете вернуть девушку с небес на землю, — вздохнула она.

— Только когда это необходимо, — возразила мисс Петтигрю.

— Вы поучаете так строго, — сказала мисс Лафосс с озорным огоньком в глазах. — Я скоро начну вас бояться.

— И очень хорошо, — ответила мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс усмехнулась.

— Так что вы там пили?

— О! — в смятении поперхнулась своим чаем мисс Петтигрю. — О, моя дорогая мисс Лафосс... Я вас уверяю... вы ошибаетесь... Я была...

— Хорошо, хорошо, — успокоила ее мисс Лафосс. — Просто шутка. Как насчет поужинать? Что заказать?

— Ужин? — поразилась мисс Петтигрю. — Для меня? О, нет, спасибо. Я слишком взволнована, чтобы есть. У меня может случиться расстройство желудка, или я снова начну икать, и не засну всю ночь.

— Я тоже не голодна, — лениво согласилась мисс Лафосс. — Может быть, оставить его на потом и перекусить позже?

— Это самый лучший план, — согласилась мисс Петтигрю.

Она налила себе еще чашку. Эта интерлюдия была очень приятной, но слишком затягивалась. Что-то должно было произойти очень скоро. Она знала мисс Лафосс меньше суток, но вокруг нее постоянно что-то происходило, и не теряла надежды. Поэтому мисс Петтигрю ничуть не удивилась, когда раздался звонок в дверь. В одно мгновение она оказалась на ногах, сосредоточенная, собранная, готовая к сражению, убийству или внезапной смерти. Мисс Лафосс сделала попытку подняться с кресла.

— Я открою, — сказала мисс Петтигрю.

Это были всего лишь цветы. Мисс Петтигрю медленно вернулась на свое место с пакетом.

— Вот, — сказала мисс Лафосс, развернув бумагу, — это для вас.

Единственная алая роза, оперенная изумрудной зеленью, светилась в ее руках. Мисс Лафосс приложила ее к плечу мисс Петтигрю.

— Именно так, как сказала Эдит, — ликовала мисс Лафосс. — Один яркий штрих на фоне черного бархата дополнит зелень серег и ожерелья. Это... отлично, — закончила она, не подобрав более удачного слова.

Она бережно положила бутоньерку на стол и снова села. Внезапно мисс Петтигрю затопило чувство вины.

Весь день она пользовалась преимуществом равенства с мисс Лафосс и ее друзьями. Что подумает мисс Лафосс, узнав, какова ее реальная миссия? Сможет ли она оправдаться, сказав, что пыталась поговорить о своем деле? Но это были очень нерешительные попытки. Совершенно очевидно, если бы она хотела сказать правду, она нашла бы такую возможность. В течение дня ей почти не приходила мысль рассказать все мисс Лафосс. Теперь муки совести терзали мисс Петтигрю.

Она начала дрожать, пытаясь заглушить в себе тихий ясный голос. С жалкой и страстной готовностью она стремилась пойти туда, где они были сегодня вечером. Она хотела побывать в ночном клубе вместе с мисс Лафосс, чтобы причаститься к ее веселому миру, принять, хоть ненадолго, участие в ее жизни. Просто и честно она призналась себе, что одним махом отменяла все моральные принципы, которыми руководствовалась в течении всей жизни. В один короткий день, при первом признаке искушения она не просто пала, а пала с радостью. Долгие годы смирения были забыты в один миг. Никогда раньше она не испытывала вкуса соблазна, но приняла его сразу и безоговорочно: дьявольская музыка околдовала ее, притоны беззакония очаровали. На самом деле она мечтала снова попробовать чудесный напиток Тони, который наделял ее таким чувством бесстрашия и власти. У нее не было оправдания. Она не могла отрицать, что этот путь греха, так строго осуждаемый ее родителями, был намного приятнее одинокого пути добродетели, и ее нравственность не выдержала испытания.

В отчаянии она оглядела комнату. Мысль утратить это последнее идеальное убежище отозвалась в ней разочарованием и болью. Но она не могла больше под ложными предложениями пользоваться добротой мисс Лафосс. Ее совесть была непримирима.

Она подошла ближе и села перед мисс Лафосс.

— Несколько слов о моем деле, — начала мисс Петтигрю дрожащим хриплым голосом. — Я действительно думаю, что нам следует условиться, прежде чем...

— У меня не было матери, — сказала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю замерла.

— Вернее, я хочу сказать, — поправила себя мисс Лафосс, — была женщина, которая принесла меня в этот мир. Но я не любила ее, и я не скучаю по ней.

— Ваша мать! — в шоке ахнула мисс Петтигрю.

— Она не была хорошей женщиной, — сказала мисс Лафосс просто. — Сказать по правде, она была очень неприятной женщиной. Вы знаете, есть такие люди... мурашки пробегают по спине, когда думаешь о них. Им вообще нельзя иметь детей. Плохое влияние. Если бы я могла выбирать, я выбрала бы вас. Не думайте, — добавила она ласково, — что вы такая старая, что годитесь мне в матери. Просто я говорю о том, что чувствую. Вы внушаете доверие и привязанность. Я так рада, что встретила вас.

— О, моя дорогая! — всхлипнула мисс Петтигрю. — Я не вынесу больше доброты. Я не могу. Я не привыкла.

Глаза мисс Петтигрю наполнились влагой.

— Если бы вы только знали... — начала она.

Тук-тук-тук. Бом-бом-бом. Бах-бах-бах, кто-то загремел кулаком в дверь.

— Ну вот, — заметила мисс Лафосс с раздражением в голосе. — Кто бы это мог быть? Как будто сложно воспользоваться звонком. Сейчас я ему отвечу.

Но мисс Петтигрю уже была на ногах. Ее слезы высохли как по волшебству. Она была наэлектризована, возбуждена и дрожала, как гончая, идущая по следу. Этот стук возвещал о прибытии необычного посетителя. Жизнь снова бросала ей вызов.

В мгновение ока она оказалась на другом конце комнаты. С сияющими глазами, пылающими щеками, напряженным, как струна телом, мисс Петтигрю распахнула дверь.

Глава 10

19:25–20:28

— Эй! — прогремел мужской голос. — Только не говорите мне, что ее нет дома, потому что я все равно не поверю.

— Входите, — восторженно сказала мисс Петтигрю.

Посетитель вошел в комнату: высокий мужчина в вечернем костюме. Черное пальто не застегнуто, цилиндр надвинут на одну бровь, свободно струящееся белое кашне. Великолепный нос, твердые скулы, подбородок бойца, пронзительные глаза, яростное выражение лица. Настоящий Геракл, почти Кларк Гейбл.^[8]

Он сбросил цилиндр, сорвал шарф, уронил перчатки на пол и обвел комнату хищным и парализующим взглядом, присущим настоящему Главному Герою. Этот взгляд остановился на мисс Лафосс.

— Итак, маленькая чертовка, — яростно сказал он, — я все-таки настиг тебя.

— Ах, Боже мой! — сказала мисс Лафосс.

Она даже не поднялась, чтобы приветствовать гостя. Она казалась пришибленной к креслу испугом, неожиданностью, тревогой — какой-то сильной эмоцией, как решила мисс Петтигрю. Впрочем, в этот момент и сама мисс Петтигрю испытывала сильные эмоции. И упивалась ими. Она уже готова была закрыть подругу своим телом от возможного нападения, но посетитель прошел мимо нее, словно ее здесь и не было, и угрожающе навис над мисс Лафосс.

— Ну! У тебя есть что сказать в свое оправдание?

— Нет, — не дрогнув ответила мисс Лафосс, — у меня нет оправданий.

— Я рад, что ты не пытаешься лгать, — коротко сказал он. — Я не поверил бы даже печеночному приступу.

— У меня никогда не бывает печеночных приступов, — с негодованием возразила мисс Лафосс. — Я никогда не переедаю. Я слежу за фигурой.

— Встань.

Мисс Лафосс покорно поднялась с кресла с проблеском облегчения в глазах, и шокированной до глубины души мисс Петтигрю пришлось наблюдать, как молодой человек крепко хватает ее за плечи и начинает немилосердно трясти.

Мисс Петтигрю выступила вперед с криком негодования, но затем остановилась, сама не зная, почему. Этот странный молодой человек издевался над ее подругой, а она просто стояла посреди комнаты, как манекен, не в силах ничего сделать. Мисс Петтигрю ахнула про себя. Совершенно неожиданно она поняла, что этот великолепный молодой человек был вполне надежен и никогда не причинил бы боли мисс Лафосс, и что мисс Лафосс, вероятно, заслужила все, что сейчас получала. Да, призналась себе мисс Петтигрю. Откровенно говоря, она была готова признаться своему внутреннему голосу, что ее обожаемая мисс Лафосс вполне способна вызвать праведный гнев порядочного человека, и это наказание, очевидно, было результатом подобного поступка. Из обрывка их разговора мисс Петтигрю сразу вывела, что мисс Лафосс совершила нечто предосудительное, чему не имела оправдания и чем заслужила гнев этого молодого человека. Она сама призналась в этом и сейчас получала небольшую трепку. Разбираясь с детскими проказами всю свою взрослую жизнь, и приняв во

внимание, что мисс Лафосс, в конце концов, все еще оставалась взрослым ребенком, мисс Петтигрю разделяла точку зрения на необходимость небольших физических наказаний. Она решила дождаться объяснения. У нее будет достаточно времени, чтобы вмешаться, если это станет действительно необходимо. Для начала ей нужно постараться понять, что же здесь происходит на самом деле.

Молодой человек перестал трясти мисс Лафосс.

— Я ждал, чтобы сделать это, целых тридцать дней. Итак, у тебя есть, что сказать?

— Я... я это заслужила, — сказала мисс Лафосс, с трудом переводя дыхание, но с удивительной кротостью.

Он пронзил ее мрачным взглядом.

— Новый трюк, не так ли? Опять пытаешься обвести меня?

— Нет... нет! — поспешно возразила мисс Лафосс.

Он ослабил хватку.

— Потому что больше тебе это не удастся... не в этот раз.

— Я и не пытаюсь, — смиренно ответила мисс Лафосс.

Он отступил.

— Это больше не сработает. Ты вила из меня веревки в последний раз.

— О, пожалуйста, — простонала мисс Лафосс, — не говори так. Лучше сделай что-то, чтобы тебе стало легче. Встряхни меня еще раз.

— Я больше не хочу тебя трясти.

Улыбка облегчения просияла сквозь испуг на лице мисс Лафосс.

— Я так рада. Это было не очень приятно. — ее улыбка стала манящей. — Ну, раз ты выпустил пар, может быть, поцелуешь меня?

— Ну нет, моя девочка. Правила поменялись.

Мисс Лафосс пристально взглянула в его лицо, словно внезапно что-то поняла. Он мрачно ответил на ее невысказанный вопрос.

— Да, я хочу покончить с этим.

— Но... — начала мисс Лафосс.

— Больше никаких отговорок и оправданий. С меня хватит. Ты могла обмануть меня один раз, но не дважды. Я никому не позволю дурачить меня... тем более женщине.

— О! — прошептала мисс Лафосс.

— Я только хотел тебе сказать: я вел себя чертовски глупо, и ты это знаешь, но и у меня есть границы терпения. И ты их перешла. Ты играла моими чувствами в последний раз. Либо ты выходишь за меня... либо я ухожу.

Его последние слова прозвучали угрожающе. Мисс Петтигрю знала, что он не блефует. Чувствовалось, что мисс Лафосс тоже это понимает, она немного побледнела. Мисс Петтигрю подошла ближе и присела. Ее сердце бешено колотилось от волнения. Она затаилась и приготовилась выступить с любым спасительным решением, как только конфликт потребует ее участия.

— Ну, — мрачно сказал посетитель. — Я все еще жду объяснений.

Мисс Лафосс упала в кресло.

— Ох! Ты напугал меня, — возопила она.

— Спасибо, — сказал молодой человек, — за такое лестное мнение обо мне.

Сердитым жестом он провел рукой по волосам. Это были очень приятные густые волосы, причесанные в соответствии с наиболее правильным направлением современной

моды. Не светлые, не темные. Как раз того умеренно каштанового цвета, который оставляет мужчину мужчиной, не превращая его в белокурого героя или мрачного злодея. Он точно не был молод. Не двадцати с чем-нибудь лет. Скорее всего, он уже разменял четвертый десяток, но все мужчины моложе сорока казались мисс Петтигрю молодыми.

— О, пожалуйста, — умоляла мисс Лафосс. — Все совсем не так. Просто в последнюю минуту я почувствовала, что не могу пойти. Я не могу объяснить. Мне ужасно, ужасно жаль. Я боялась с тобой встретиться, когда ты вернешься.

— Я вот чего не могу понять, — спокойно сказал он. — Сознательно поощрять мужчину, давать обещания, а потом, когда он будет чувствовать себя на вершине мира, разбить все его надежды в пух и прах, и все это ради новой прихоти, я полагаю. Это не самое похвальное поведение. Если бы ты не согласилась... но ты это сделала. Вот в чем разница.

Мисс Лафосс послала ему еще один умоляющий взгляд. Вдруг она начала тихо плакать. Новый посетитель нахмурился и вдруг снова набросился на нее. Он сгреб мисс Лафосс в свои объятия и поцеловал. Случилось чудо. Мисс Лафосс наградила его сияющей сквозь слезы улыбкой.

— Я никогда не хотела причинить тебе боль, — выдохнула она. — Я никогда не думала, что ты чувствуешь... вот так.

— Прекрати плакать, а то твои глаза покраснеют, и ты будешь винить в этом меня, — сказал он, безапелляционно поцеловав ее еще раз. — Я знаю, что ты делаешь это для эффекта. К сожалению, этот эффект безошибочно действует на восприимчивого мужчину. Я больше не буду кричать, хотя и не жалею, что наорал на тебя. Я готов сделать это снова при аналогичных обстоятельствах, но больше такого не случится. Надеюсь, ты это твердо усвоила.

Последние слова он опять произнес несколько угрюмо. Мисс Лафосс посмотрела на него. Он посмотрел на мисс Лафосс, потом наклонился и еще раз крепко поцеловал ее, а затем наконец поставил на ноги. Некоторое время он хмуро разглядывал ее, потом повернулся и улыбнулся мисс Петтигрю.

— Как поживаете? Не против нашей маленькой перестрелки?

— Вовсе нет, — сказала мисс Петтигрю.

— Делисия любит аудиторию. Профессиональная привычка. Слезы были для вас, чтобы вы подумали, что я скотина.

— О, пожалуйста, — в смятении пробормотала мисс Петтигрю, разрываясь между преданностью к мисс Лафосс и симпатией к этому странному молодому человеку.

— Я что, похож на скотину?

— Нет, — сказала мисс Петтигрю.

— На людоеда?

— Нисколько, — выдохнула мисс Петтигрю.

— На семейного тирана?

— Совсем нет, — с негодованием возразила мисс Петтигрю.

— Вот, — победным тоном объявил он. — Что еще можно требовать от мужчины? Не грубиян, не людоед, не тиран. Отзыв от твоей собственной сестры по полу. Проклятье, теперь я начинаю думать, что слишком хорош для тебя.

Мисс Лафосс хихикнула. Она ничего не могла с собой поделать. Мисс Петтигрю почувствовала себя очень заинтересованной. Логика этого молодого человека увлекла ее.

— Ну и пожалуйста, — еще раз хихикнула мисс Лафосс. — Обойдусь без тебя.

— Это хамство, — с негодованием заявил гость, — черная неблагодарность. Мне надо успокоить нервы. Я хочу выпить. Господи, женщины, где ваше гостеприимство? Где этот замечательный дар хозяйки, ожидающей дорогого гостя?

— В шкафу на кухне, — сказала мисс Лафосс.

— Я принесу, — предложила мисс Петтигрю.

— Вы не сделаете ничего подобного. Я могу сам найти бутылку или не могу? — он хлопнул по столу. — Боже мой, Делисия, что за отвратительная мебель. Она из сцены обольщения в мюзикле «Горничная герцогини»?

— Она очень красивая, — горячо возразила мисс Лафосс. — Я сама ее выбирала.

— Плачевный вкус.

Он направился на кухню. Они слышали, как он гремит стульями, стучит дверцами шкафов, звенит стаканами на подносе.

— Очень шумный молодой человек, — радостно сказала мисс Петтигрю.

— Вы попали в самую точку, — согласилась мисс Лафосс.

Внезапно из кухни донесся вопль ярости.

— О! — сказала мисс Петтигрю.

— О! — сказала мисс Лафосс.

Разгневанный гость показался в дверях.

— Господи, женщина! — взревел он. — Сколько раз я тебе говорил, что виски, только виски может быть напитком для мужчины. Там есть ром, портвейн, херес, даже этот мерзкий джин, но ни капли виски. Где твое чувство прекрасного? Где забота о визитерах?

— Ах, Боже мой, — слабо сказала мисс Лафосс. — А нельзя как-нибудь обойтись без выпивки?

— Так не пойдет. На данный момент я хочу выпить. Я чувствую, что мне необходимо выпить. У этого портье, кажется, смущенный вид. Я буду через минуту.

Он пролетел через комнату и захлопнул за собой дверь.

— Ах, Боже мой, — вздрогнула мисс Петтигрю.

— Это, — тихо сказала мисс Лафосс, — Майкл.

— Майкл? — выдохнула мисс Петтигрю.

— Майкл, — повторила мисс Лафосс.

— Хорошо... Боже! — слабо пробормотала мисс Петтигрю.

Она нащупала стул и села. Ей потребовалось больше минуты, чтобы собраться с мыслями: изгнать из головы ее прежнее представление о воображаемом Майкле и определиться со своим отношением к реальному человеку из плоти и крови. Наконец ее глаза просияли, щеки порозовели, а тело задрожало от радости. Она выпрямилась и устремила блестящий взгляд на мисс Лафосс.

— О, моя дорогая, — радостно сказала мисс Петтигрю. — Я поздравляю вас.

— Что? — удивилась мисс Лафосс. — С чем?

Мисс Петтигрю не успокаивалась. Теперь она превратилась в сторонницу Майкла, и нигде на земле не найти более ярой сторонницы, чем средних лет старая дева с романтическими идеалами.

— Если бы я была лет на двадцать моложе, — сказала она восторженно, — я бы увела его у вас.

— В самом деле? — заинтересовалась мисс Лафосс.

— Я беспокоилась, — заявила счастливая мисс Петтигрю, — очень беспокоилась, моя

дорогая, хотя старалась не показывать виду. Но теперь я совершенно спокойна.

— Я не думала, что Майкл вам понравится, — сказала мисс Лафосс. — Во всяком случае, после ваших предыдущих слов у меня сложилось такое впечатление.

— Тогда я его еще не видела, — извинилась мисс Петтигрю. — Этот случай отлично доказывает, что не следует предаваться предвзятому мнению.

— И вы рекомендуете... Майкла? — спросила удивленная мисс Лафосс.

— Для вас... идеальный вариант, — твердо сказала мисс Петтигрю.

Все ее тревоги развеялись. Будущее мисс Лафосс было обеспечено. Нет, жизнь с Майклом не могла быть унылым и скучным прозябанием. К черту ее нелепые страхи! Он был идеальной половинкой. Мисс Лафосс, выйдя замуж за Майкла, будет продолжать жить великолепной, красочной жизнью, как и жила. Кто бы мог представить посредственное существование с таким молодым человеком? Теперь все было хорошо. Тяжкий груз был снят с ее души.

— Белый бархат и вуаль с флердоранжем, — блаженно произнесла мисс Петтигрю. — О, моя дорогая. Я знаю, что это очень самонадеянно при столь коротком знакомстве, но если вы только дадите мне знать дату, я сползу даже со смертного ложа, чтобы добраться до церкви.

— О, Гвиневра, — усмехнулась мисс Лафосс. — Вы слишком торопитесь.

Ее лицо стало серьезным. Она теребила застежку рукава.

— Все не так просто, как вы думаете.

— Почему нет? — требовательно спросила мисс Петтигрю. — Он ведь хочет жениться на вас, не так ли?

— Уже не знаю, — с сомнением промолвила мисс Лафосс.

— Разве! — схватилась за сердце мисс Петтигрю. — Вы ведь сказали мне, что он хочет, — настаивала она.

— Тогда я его не видела.

— А что с ним произошло?

— Ну, вы же видели, какой он.

— Да, — сказала мисс Петтигрю, — Он казался немного раздраженным.

— Я думаю, что он был очень раздражен, — ответила мисс Лафосс.

— Если... если я могу чем-нибудь помочь, — безнадежно предложила мисс Петтигрю.

— Все очень сложно, — намекнула мисс Лафосс.

— Может быть, не очень? — спросила мисс Петтигрю.

— Это не слишком красивая история.

— Я выдержу.

— Ну, — вздохнула мисс Лафосс. — Я постараюсь вам объяснить, прежде чем Майкл вернется. Майкл хотел на мне жениться. Он сделал мне предложение. В одну безумную минуту я подумала, что выйдя замуж за Майкла, я буду в безопасности от Ника. Поэтому я сказала «да». Он получил разрешение на брак, и мы договорились, что поженимся в ратуше. Но утром явился Ник... и... ну... я просто не пришла. Майкл расстроился, напился, а когда бобби^[9] попытался урезонить его, он дал тому в глаз и получил тридцать дней тюрьмы. Я думала, за тридцать дней он успеет остыть, прежде чем выйдет, но, кажется, он еще сердится.

— Напился! — слабо повторила мисс Петтигрю. — Дал полицейскому в глаз...

Мысли лихорадочно метались в ее голове. Тем не менее, внимательно выслушав

историю мисс Лафосс, она сумела правильно истолковать ее. Испытав страшное разочарование, Майкл напился и ударил полицейского. Он оказался хулиганом, пьяницей, совершившим самое тяжкое преступление против британской конституции. Он напал на полицейского при исполнении своего долга. Он был заклеен тюремной записью на всю оставшуюся жизнь. Таким образом, он должен был пасть в ее мнении в самую темную пропасть презрения и забвения. Но случилось ли это? Нет. Наоборот, его достоинства росли со стремительностью ракеты. Она пришла в восторг от мыслей о нем. Он был мужчиной из мужчин. Все ее симпатии были на его стороне. Кто бы не простил глупость, совершенную ради любви? Даже мисс Лафосс была тронута этим могучим доказательством глубины его чувства. Она произнесла дрогнувшим голосом:

— Он был совершенно прав. Я только делала вид, что боюсь. Если бы не Ник, я бы вышла замуж за Майкла... хотя не знаю, — мрачно добавила она. — Это все слишком сложно. Когда я думаю, как...

— Да, но сейчас... — задыхающимся голосом перебила ее мисс Петтигрю, — Я имею в виду, сегодня... когда вы видели их обоих в один и тот же день... когда вы видите, что нет никакого сравнения... конечно...

Мисс Лафосс встала и прислонилась лбом к каминной полке.

— Вы не понимаете, — сказала она приглушенным голосом, — я все еще чувствую то же самое к Нику.

У мисс Петтигрю не было слов. Как может женщина предпочесть Майкла Нику, каким бы очаровательным ни был этот чертов Ник? Один сиял золотом, другой фальшивой позолотой. Но кто она такая, чтобы давать советы молодой леди с тремя любовниками сразу, когда у нее самой за всю жизнь не было ни одного? Она сделала над собой героическое усилие.

— Но дорогая мисс Лафосс, — взволнованно сказала мисс Петтигрю. — Пожалуйста, пожалуйста, сосредоточьтесь. Майкл настоящий мужчина. А Ник просто... болезнь.

— Это не поможет, — безнадежно прошептала мисс Лафосс. — Разве я не говорила вам об этом раньше?

— А Майкл знает о Нике? — осторожно спросила мисс Петтигрю.

— Он знает, что мы приятели, — так же осторожно ответила мисс Лафосс, — но не знает, насколько близкие.

— Надеюсь, что нет, — серьезно сказал мисс Петтигрю.

— Чего глаза не видят... — нравоучительно произнесла мисс Лафосс.

— ...того душа не ведает, — с энтузиазмом согласилась мисс Петтигрю, не вспоминая о своей прежней морали.

— А теперь, — мрачно заключила мисс Лафосс, — полагаю, я должна буду попрощаться с Майклом.

— О, нет! — воскликнула мисс Петтигрю, чуть не плача.

— Понимаете, — просто объяснила мисс Лафосс, — я никогда не обманывала Майкла, хоть он и не верит. Я всегда знала, что придет время, когда он скажет: «Все кончено». Я должна сказать «да» или «нет». Вы слышали его? Это означает, что он решил. Я знаю Майкла. О, дорогая моя, я чувствую себя собакой на сене, но я так не хочу его терять.

— О, пожалуйста! — умоляла мисс Петтигрю. — Постарайтесь сказать «да». Когда все закончится, вы ни разу не пожалеете об этом, я уверена.

— Я не знаю, — мрачно сказала мисс Лафосс, — есть серьезные причины...

Майкл снова постучал в дверь. Причины мисс Лафосс остались невыясненными. Она выхватила пудреницу из сумочки и поспешно припудрила нос. Мисс Петтигрю открыла дверь.

— Ну, что я вам говорил? — спросил Майкл. — У этого парня есть кое-какой интеллект. Немного такта. Немного убеждения. Небольшой стимул, и все необходимое нашлось.

Он поставил на стол бутылку виски. Мисс Лафосс достала штопор. Мисс Петтигрю принесла стаканы.

— Скажите, когда будет довольно, — попросил Майкл.

— Довольно, — сказала мисс Лафосс.

— Содовой?

— Нет, спасибо.

— Смелая девочка.

Мисс Петтигрю приготовилась к новому приключению.

— Довольно? — спросил Майкл.

— Довольно, — ахнула она.

— Ой, да ладно! — возразил Майкл.

— Полегче, — сказала мисс Лафосс. — Гвиневра никогда не пила виски, ей может не понравиться. Она не привыкла напиваться в стельку и драться с полицейскими. Добавь ей содовой.

— Я всегда мечтала попробовать виски, — счастливо объявила мисс Петтигрю. — Я никогда его не пила, даже в холод, даже в медицинских целях.

— Где вы воспитывались? — посочувствовал Майкл.

— Пейте медленно, — предупредила мисс Лафосс.

— Пейте до дна, — сказал Майкл.

Мисс Петтигрю сделала осторожный глоток и поморщилась. Она незаметно поставила стакан на стол.

«Фу! — разочарованно подумала она. — Что за гадость. Зачем мужчины тратят деньги на эту мерзость, когда могут пить приятный и недорогой лимонный сок, например...»

— Мне уже лучше! — объявил Майкл.

Он поставил свой пустой стакан на стол, тактично игнорируя почти полный мисс Петтигрю.

— Выпей еще, — предложила мисс Лафосс. — Или еще дважды.

Майкл бросил на нее проницательный взгляд.

— Хочешь, чтобы я напился, моя дорогая? Это не изменит моего намерения. Я всегда умею протрезветь в решающий момент.

— Я не думала, что это удастся, — вздохнула мисс Лафосс, — но попытаться всегда стоит.

— Ну, ты попыталась. Хотя это нехорошо, — спокойно сказал Майкл. — Сейчас, когда я взял себя в руки, мы можем вернуться к нашему делу? Каков ответ, «да» или «нет»?

Мисс Лафосс снова побледнела. Она стояла, глядя ему в глаза. Он продолжал спокойно смотреть на нее, когда она в смятении отвела взгляд. Он опустил руку в карман, нашел портсигар, закурил сигарету и стоял, выдыхая длинные струи дыма в воздух.

— Слезы на глазах, — прокомментировал он, — восхитительно растрепанные локоны, платье немного сползло с плеча, губы трогательно подрагивают, выражение лица по-детски привлекательное. Не работает.

Мисс Петтигрю почувствовала, как жгало ее сердце. Мисс Лафосс ухватилась за спинку кресла.

— Спрашиваю в последний раз, — мягко предупредил Майкл.

Мисс Лафосс бросила безнадежный взгляд в сторону мисс Петтигрю. Мисс Петтигрю издала глубокий трепетный вздох.

— Не кажется ли вам, — произнесла мисс Петтигрю не взволнованным, не умоляющим, но совершенно коварным и беспристрастным голосом, голосом стороннего наблюдателя, со скучающим любопытством следящего за развертывающейся перед ним драмой, — Не думаете ли вы, что отводите слишком мало времени для ответа на столь важный вопрос? Обычно все ультиматумы подразумевают некий лимит времени. Женский ум, в отличие от мужского, не подготовлен к быстрым решениям. Вот почему поспешные решения часто приходится отменять. Кроме того, женщины не обладают мужской гордостью, которая заставляет их придерживаться данного слова. Здесь требуется время на размышление.

Майкл набрал полные легкие дыма и резко выдохнул его.

— Ха! Может быть, вы и правы. Как вы говорите, я выставляю ультиматум. Возможно, я сам внушил ей ложное ожидание, что всегда буду танцевать под ее дудку. Справедливости ради, условие должно быть изменено. Неделя. Эта неделя даст мне время, чтобы продемонстрировать все свои лучшие стороны и, возможно, склонить к правильному решению.

Мисс Петтигрю испустила глубокий беззвучный вздох. Мисс Лафосс сменила трагическое выражение лица на более веселое.

Майкл резко развернулся и зафиксировал суровый взгляд на мисс Петтигрю.

— Вы кажетесь мне разумной женщиной. Посмотрите на меня.

Мисс Петтигрю с удовольствием посмотрела.

— Я выгляжу серьезным? — потребовал Майкл. — Я выгляжу уравновешенным? Я выгляжу честным?

— Ах, Боже ты мой! — в смятении сказала мисс Петтигрю. — Я должна ответить?

— Должны.

— Боже мой... ну. Не серьезным, — сказала она правдиво. — Не уравновешенным, но... но честным.

— Что? — опешил Майкл. Затем он усмехнулся. — Женщина, в вас что-то есть.

Он подошел и уселся рядом с мисс Петтигрю на Честерфилд. Мисс Петтигрю пришла в восторг.

— Помешает ли это ей выйти за меня замуж? — снова спросил Майкл.

— Для нее это был бы самый лучший вариант, — решительно сказала мисс Петтигрю.

Майкл радостно улыбнулся.

— Рассудительная женщина, — возликовал он. — Мы с вами станем друзьями. Разве я не сказал, что вы умны?

— Вы упомянули об этом, — скромно ответила мисс Петтигрю.

— У вас нет никакого влияния на ту нелепую ошибку, которую она называет своим здравым смыслом?

— Не думаю, — с несчастным видом сказала мисс Петтигрю.

— Я так и понял. Она не умеет отличить хорошее влияние от дурного.

— О, но она такая очаровательная, — умоляющим голосом возразила мисс Петтигрю.

— Чертовски упрямая девка.

— Но очень красивая, — признала мисс Петтигрю.
— Да черт с ней, с красотой. Пусть будет похожа хоть на мышь.
— Но разве красота не важна? — искренне удивилась мисс Петтигрю.
— Немного серого вещества в голове ей бы не помешало.
— Но я думала, что мужчинам не нравятся женщины с мозгами.
— А мне нравятся. Вот почему я не могу понять, зачем я выбрал именно ее.
— У нее очень живой ум, — задорно возразила мисс Петтигрю.
— Тогда почему она им не пользуется?
— Я не знаю, — вздохнула мисс Петтигрю.
— Потому что у нее его нет.
— Вообще-то я здесь, — сказала мисс Лафосс с ласковой усмешкой в голосе.
— Помолчи, — ответил Майкл. — Это серьезный разговор. Мы не хотим твоего глупого вмешательства.

— Прошу прощения, — покорно извинилась мисс Лафосс.
— Конечно.

Майкл снова повернулся к мисс Петтигрю.

— Мы с вами кое в чем разбираемся.
— Надеюсь, что так, — тихо согласилась мисс Петтигрю.
— У меня было много женщин.
— О! — ахнула мисс Петтигрю.
— И я наслаждался ими.
— О! — немного слабее.
— Но они использовали меня.
— Могу себе представить, — еще слабее.
— Но я никогда не хотел жениться ни на одной из них.
— Нет?
— Но Делисия... Она совсем другое дело.
— Это очевидно.
— Брак серьезное дело.
— Несомненно.

— И теперь Делисия, эта маленькая чертовка, жарит меня на медленном огне. Она совершенно очевидно нуждается в заботе, и я тот человек, который может эту заботу предоставить. Я никогда не чувствовал этого по отношению к другим женщинам, и если Делисия скажет «да» и выйдет за меня замуж, я навсегда отдам ей свое сердце.

— Такова мораль среднего класса, — предположила мисс Лафосс, которой очень хотелось присоединиться к этой увлекательной беседе о своей персоне. — Когда дело доходит до брака, девушка не может не поддаться ранее усвоенным принципам воспитания.

— Мы не об этом, — веско сказал Майкл.
— О! — опять покорно согласилась мисс Лафосс. — Извини.
— Тогда действуйте, как намеревались!

Он повернулся, удивленный восторгом мисс Петтигрю.

— Вы близкая подруга Делисии?
— Да, — нечестиво солгала мисс Петтигрю.

— Ну тогда скажите ей, что это я самый подходящий для нее мужчина, а не тот черноволосый липкий даго.^[10] И пусть не думает, что я слепой.

— Он не даго, — яростно возразила мисс Лафосс.

— Если ты не имеешь на него видов, — вежливо сказал Майкл, — как ты поняла, о ком я говорю?

— Ты... ты... — воскликнула мисс Лафосс горячо и с обидой.

— Его пра-пра-дедушка был итальяшкой. Меня не проведешь.

Майкл вскочил на ноги и свирепо огляделся кругом.

— Этот Калдарелли был здесь сегодня? Я чую его за версту.

— Только в моем присутствии, — поспешно сказала мисс Петтигрю, безошибочно связав Калдарелли с Ником.

— Ха! Так вы его видели?

— Да.

— Пройдоха.

— Согласна.

— Не Божий дар для женщины.

— Решительно нет, — вероломно согласилась мисс Петтигрю, трепеща от воспоминания о темных страстных взорах Ника.

— Ему не следует находиться в обществе леди.

— Я не леди, — запальчиво возразила мисс Лафосс.

— Нет, — согласился Майкл, — не так. Упаси меня, Господи, от леди. Я использовал неправильное слово. Прошу прощения.

— Принимается, — сказала мисс Лафосс с достоинством.

— Ему не следует находиться в обществе белых женщин, — внес оскорбительную поправку Майкл.

— Так будет безопаснее, — согласилась мисс Петтигрю.

— Что он вам напоминает?

— Мороженое, — сказала мисс Петтигрю.

— Что? — переспросил Майкл.

Его лицо просияло от радости.

— Женщина! — в восторге воскликнул он. — У вас изумительная хватка. Я сумел придумать только даго, о которых поют сладкие сеньориты в сладких мелодрамах.

«Но как прекрасно они поют!» — с тоской подумала мисс Петтигрю.

— Мороженое! — крикнул Майкл. — Отлично. «Мороженое Калдарелли». Отличная ассоциация.

Он повернулся к мисс Лафосс.

— Ха! — торжественно сказал Майкл. — И эта женщина предпочла мне сына мороженщика.

— Как ты смеешь? — с негодованием воскликнула мисс Лафосс. — Ты знаешь, что отец Ника никогда в жизни не продавал мороженого. Зато твой отец торговал рыбой.

— Рыбой!

Майкл вскочил на ноги и разразился великолепной речью. Размахивая руками, он шагал взад и вперед по комнате. Мисс Петтигрю бросала нервные взгляды на мебель и безделушки.

— Ты сравниваешь рыбу... с мороженым, — восклицал он. — Рыба содержит фосфор. Рыба питает мозг. Рыба полезна для здоровья. Она укрепляет мышцы. Рыба содержит витамины. Рыба дает рыбий жир. Она помогает младенцам расти здоровыми и сильными. Мужчины расстаются с жизнью, в борьбе за рыбу. Женщины оплакивают их. Бар-Харбор

бушует. А ты сравниваешь рыбу с мороженым. Посмотри мне в глаза!

— Ах, Боже мой! — задохнулась мисс Лафосс. — Майкл. Возьми себя в руки.

Он остановился и улыбнулся.

— Успокойся. Просто я не могу думать ни о чем другом. Но ведь я не говорю, что мир стоит на трех китах, иначе наш разговор принял бы слишком зловещий оборот.

Мисс Петтигрю покраснела и поспешно отвернулась. Взгляд мисс Лафосс упал на часы. Майкл понял этот взгляд как намек.

— Еще есть дела сегодня, я полагаю?

— Я пою в «Алом Павлине».

— Я приду.

— Я тебя не приглашаю.

— Буду ждать тебя там. У меня назначено свидание с другой женщиной — чистая бравада — но я пойду и отменю его. Не очень по-джентльменски, но критическая ситуация требует решительных мер. Кроме того, раз я отвел неделю, чтобы произвести на тебя хорошее впечатление, лучше начать прямо сейчас.

Он решительно собрал шарф, шляпу, перчатки, потом повернулся и поцеловал мисс Лафосс. Мисс Петтигрю с тайным удовольствием наблюдала за ними. Его лицо стало серьезным.

— Не морочь мне голову, — спокойно сказал он.

Мисс Лафосс затаила дыхание.

— Я знаю.

Затем он подошел к мисс Петтигрю и наградил ее ошеломляющим поцелуем. Мисс Петтигрю молча следила, как он направляется к двери. Она блаженно откинулась на спинку стул. Дверь за ним захлопнулась.

Глава 11

20:28–00:16

В течение минуты в комнате было тихо. Мисс Лафосс молча стояла у огня. Потом она слегка встряхнулась. Мисс Петтигрю вынырнула из пучины беспамятства.

— Ну, — сказала мисс Лафосс, чей жизнерадостный характер никогда не позволял ей долго предаваться унынию. — Не знаю, как у вас, но у меня волнение любого рода чрезвычайно стимулирует аппетит. Что вы думаете об ужине? Это немного не соответствует моему расписанию, но у нас еще уйма времени. Я закажу что-нибудь. Нам следует подкрепить наши силы.

Она не стала слушать протесты мисс Петтигрю, уверяющей, что не сможет проглотить и куска хлеба, и потянулась к телефону. Совесть мисс Петтигрю была смущена размышлениями о стоимости ужина. Она и так достаточно обременила свою новую подругу.

— Ерунда, — заявила мисс Лафосс, — аппетит вернется, как только перед вами поставят тарелку.

И оказалась совершенно права. Когда ужин доставили, мисс Петтигрю обнаружила, что ужасно проголодалась. Ни один человек, выросший на унылой череде безвкусных рагу, постных фаршей, жестких ростбифов, которые на протяжении всей жизни составляли рацион мисс Петтигрю, не остался бы равнодушным к пище богов, которая подавалась на стол мисс Лафосс.

Но хотя ужин был достаточно вкусным, чтобы поглотить ее внимание без остатка, мисс Петтигрю не отвлекалась от своей основной цели. Так или иначе мисс Лафосс следовало убедить отказаться от Ника и выйти замуж за Майкла. Сражение продолжалось над супом, рыбой, жарким и десертом, мисс Петтигрю шла в наступление, мисс Лафосс держала оборону. Наконец мисс Лафосс прибегла к хитрости. Не в силах сопротивляться натиску суровой логики мисс Петтигрю, она ловко перевела разговор на другую тему. С большим коварством она начала рассказывать мисс Петтигрю некоторые весьма цветистые анекдоты из ее полной приключений карьеры, а та, придя в восторг от изнанки артистической жизни, моментально отвлеклась от своей великой миссии. Впрочем, ненадолго. Через несколько минут тяжелая артиллерия снова была готова к обстрелу первоначальной цели.

Время бежало приятно и незаметно, и когда мисс Петтигрю уже начала замечать, что сопротивление мисс Лафосс слабеет, та посмотрела на часы и вскочила на ноги с тревожным криком.

— О, Боже! Посмотрите на время. Надо срочно переодеваться. Уже одиннадцать, а я обещала быть к двенадцати.

Она бросилась в спальню, но мисс Петтигрю не собиралась упускать время, пока они еще были одни, и готовилась изложить подруге еще несколько аргументов.

— Можно мне посмотреть? — строго спросила она?

Мисс Лафосс отказалась от попытки к бегству.

— Конечно, — безропотно согласилась она. — Ведь я публичная персона.

Мисс Петтигрю удобно расположилась в кресле рядом с туалетным столиком мисс Лафосс. Мисс Лафосс больше не возражала мисс Петтигрю. Обряд вечернего переодевания требовал сосредоточенности.

Она сняла платье, прошла в ванную, затем вернулась в спальню. Она выбрала вечерний

наряд и весело улыбнулась мисс Петтигрю. Хорошее настроение снова вернулось к ней. Она села перед зеркалом.

— Я часто думаю, — весело сказала она, — что это самая ответственная часть дня.

Мисс Петтигрю, соблазненная беспомощным положением подруги, решила не откладывать своих увещаний.

— Могу я сказать кое-что? — попросила она.

— О, Гвиневра, — сказала мисс Лафосс, — Вы заставляете меня чувствовать себя просто неблагодарной свиньей.

— Меня это не беспокоит, — возразила мисс Петтигрю строго и мужественно, — Я должна высказать свое мнение. В глубине сердца вы знаете, что Ник никогда не останется верен вам. Однажды вы обязательно состаритесь. И тогда он перестанет смотреть на вас. Даже когда ему будет пятьдесят, он все равно будет глазеть на молоденьких девушек.

Мисс Лафосс вздохнула.

— О, Боже! Эта мысль меня удручает.

— Почему бы не рискнуть, — спросила мисс Петтигрю, — и не выйти замуж за Майкла? Знаете, — коварно добавила она, выбрасывая на ветер последние лохмотья чести и добродетели, — если это не сработает, вы всегда сможете вернуться к Нику. Вы ведь все равно не собираетесь выходить за Ника.

— О, Гвиневра! — с усмешкой сказала мисс Лафосс.

— Я знаю, — виновато вспыхнула мисс Петтигрю.

— Вы коварная искусительница, — обвинила мисс Лафосс. — Вы прекрасно знаете, что я бы не решилась. Он бы избил меня, как боксерскую грушу.

— Моя дорогая! — возразила мисс Петтигрю. — Вы не... преувеличиваете?

— Я не хотела бы делать ставку на Майкла, — сказала мисс Лафосс.

— Но в его пользу есть так много доводов, — продолжала соблазнять мисс Петтигрю. — Представьте, что Ника не существует. Тогда бы вы вышли за Майкла?

— Ах! — мрачно сказала мисс Лафосс. — Не уверена.

— Но почему? — удивилась мисс Петтигрю. — Он такой симпатичный. Кажется, у него есть деньги. Он любит вас. Что не так?

— Он совсем не респектабельный, — сказала мисс Лафосс. — Ничто не сможет сделать Майкла респектабельным. Женщина может флиртовать с кем угодно, но замужество дело очень серьезное. Здесь нужно быть очень осторожной. Надо думать... о следующих поколениях.

— О! — ахнула мисс Петтигрю, совершенно потрясенная, этот аргумент выбил ее из колеи.

— Вот именно, — сказала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю мгновенно сложила оружие. Она поднялась с кресла и всплеснула руками. Ее лицо приняло виноватое и умоляющее выражение.

— Я была дерзка, — сказала она. — Нетерпелива, груба. Вы поставили меня на место. Но я все-таки должна сказать. Вы мне очень нравитесь. Я не вижу, что ждет вас в будущем. Эта жизнь, которую вы ведете, чем она закончится? Пожалуйста, пожалуйста, выходите за Майкла.

— Дорогая моя, — улыбнулась мисс Лафосс, — вы надеетесь наставить меня на путь добродетели?

— Если бы я только могла.

— Разве это так важно?

— На самом деле, это действительно так, — начала мисс Петтигрю.

Затем она замолчала. Ей еще не было пятидесяти, но когда-нибудь она обязательно станет одинокой старой женщиной без дома, без мужа, детей и друзей. Вся ее спартанская жизнь была прожита в целомудрии и добродетели. Следовательно, у нее не будет ни дома, ни воспоминаний. Мисс Лафосс тоже когда-нибудь доживет до пятидесяти лет. Предположим, она придет к этому рубежу с равным итогом, так же без дома и друзей. Что тогда? Сколько радости принесут ей ее воспоминания?

— Нет, — сказала мисс Петтигрю. — Я не знаю, будет ли это лучшим выходом.

— О, моя дорогая, — тихо произнесла мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю подняла голову. С прерывающимся дыханием она взволнованно заговорила:

— Я никогда никого не любила. Я хочу знать, что это такое. Я всегда хотела это узнать. Есть сотни таких же как я, которые тоже хотят знать. Стоит ли?

— Да, — ответила мисс Лафосс. — Для меня, да.

Мисс Петтигрю села.

— Я старше вас, — сказала она, — и глупее. У меня нет ни вашей красоты ни вашего ума. Я советую вам выйти замуж не ради добродетели или из обычая, но только исходя из собственного жизненного опыта. У меня нет ни друзей, ни денег, ни семьи. Я хочу спасти вас от подобной участи.

— О, моя дорогая, — снова повторила мисс Лафосс.

— Пока он добр к вам, это все, что имеет значение, — сказала мисс Петтигрю. — Я знала немало хороших людей, но никто из них не хотел жениться на мне.

— О, Гвиневра, — вздохнула мисс Лафосс.

— Тот первый молодой человек совсем неплох, — продолжала мисс Петтигрю. — Но я не советовала бы вам выходить за него. Я не хочу спешить с выводами, но я думаю, что он немного еврей. Он выглядит не совсем англичанином. И я уверена, когда дело доходит до брака, безопаснее придерживаться своего племени.

— Конечно, — скромно согласилась мисс Лафосс.

— А Ник, ну, Ник не сделает вас счастливой надолго. Думаю, вы и сами это знаете. Но Майкл, ах, Майкл! — сказала мисс Петтигрю с сияющим лицом. — Я не буду много говорить, потому что уже достаточно сказано, но я в жизни не встречала молодого человека, который бы понравился мне больше. И он англичанин до мозга костей.

— В самом деле, — заметила мисс Лафосс, — Майкл покорила вас с первого взгляда.

— Да, — просто сказала мисс Петтигрю.

— О, дорогая! — ответила мисс Лафосс.

Не в силах больше сдерживаться, она наклонилась вперед и послала мисс Петтигрю воздушный поцелуй.

— Я подумаю над этим, обещаю.

Мисс Петтигрю чувствовала себя ослабевшей после такого выброса нервной энергии.

— О, Боже! Надеюсь, вы не сердитесь на меня за такую откровенность? Мне просто необходимо было выговориться.

— Сержусь! — поразилась мисс Лафосс. — Я? Разве я не говорила вам, что у меня не было матери. Никто никогда не утруждался хоть раз прочитать мне нотацию. Это было прекрасно. Я не отказалась бы от нее ни за что на свете.

Она снова повернулась к туалетному столику. Мисс Петтигрю с большим интересом следила за ее манипуляциями. Она покачала головой.

— Моя дорогая, — осторожно заметила она, — не слишком ли много макияжа для леди?

— Однажды я вела себя как леди, — сказал мисс Лафосс. — Конечно, выйти замуж за дворянина непростое дело. Вы даже не представляете. Он был джентльменом. И должен был стать баронетом, когда его старик умрет. Или чем-то вроде того, я вечно путаюсь в этих титулах. Так что я вела себя с изысканным тактом. Мне пришлось отказаться от помады: он очень любил целоваться. Помада, видите ли, оставляет следы, а старый баронет имел отличное зрение и крепкие моральные устои.

Мисс Петтигрю вспомнила о своих правилах житейской мудрости, которые напрочь отвергали помаду.

— Ну, я и вела себя как леди, — продолжала мисс Лафосс. — Не пользоваться помадой, не показывать ноги. Понимаете? Улыбаться, не разжимая рта, держать дистанцию. Я ни разу не позволила себе отступить от правил! И что же? Через неделю я увидела его с какой-то раскрашенной похотливой сукой в помаде от уха до уха и в платье выше колен.

— Моя дорогая, — в смущении пробормотала мисс Петтигрю. — Я хочу сказать, ну, вы же можете использовать другие выражения.

— Хуже, чем «похотливая»? Научите меня. Я с удовольствием буду их использовать.

— Нет, нет, — ответила мисс Петтигрю, краснея. — Э-э... «сука».

— Ну, хорошо. Не сука. Беспородная сука.

Мисс Петтигрю предпочла не настаивать на формулировках. Она все еще чувствовала себя сбитой с толку. История мисс Лафосс была рассказана несколько сумбурно, некоторые моменты были вовсе не ясны, и мисс Петтигрю очень хотелось выяснить судьбу лорда, не любившего помаду.

— Так что же произошло с лордом?

— Он женился на той шавке с помадой и ногами, — просто сказала мисс Лафосс, — когда старик умер. А я усвоила урок.

Она задумчиво накрасила губы. Мисс Петтигрю глубокомысленно кивнула.

— Понимаю, — сказала она, — надо собрать как можно больше информации о будущем муже. Мое невежество поистине ужасно.

— Вы научитесь, — успокоила ее мисс Лафосс.

— Я готова учиться, — безнадежно произнесла мисс Петтигрю, — но дни моих завоеваний давно в прошлом.

— Никогда не говорите «никогда», — сказала мисс Лафосс.

Она в последний раз провела пуховкой по щеке.

— Готово. Все. Теперь вы, Гвиневра. Ваша очередь. Удалите старый макияж.

Мисс Петтигрю поспешила в ванную и вернулась с сияющей, как у школьницы, кожей. Мисс Лафосс приготовила инструменты для удаления блеска. Мисс Петтигрю заняла свое место перед зеркалом.

Ее взгляд уже отметил беспорядок в ее внешности. Волны, созданные умелыми руками мисс Дюбарри, съехали на правое ухо, платье немного помялось. Лицо мисс Петтигрю было бледно, как у привидения. Легкая аура «шика» исчезла без следа. Серьги безжизненно повисли над плечами.

— Ай, ай, Гвиневра, — заметила мисс Лафосс. — Вы разваливаетесь.

Она начала быстро работать, чтобы восстановить мисс Петтигрю № 2 из руин мисс Петтигрю № 1.

— Ничего не поможет, — безропотно сказала мисс Петтигрю. — Я снова стану прежней. Я всегда была невзрачной, такой и останусь.

— Ерунда, — строго возразила мисс Лафосс. — В вас всего лишь говорит комплекс неполноценности. Если вы могли хорошо выглядеть один раз, вы сможете так выглядеть всегда. Просто немного практики.

— У меня никогда ее не будет.

— Не будьте пессимисткой.

— Нельзя превратить свиное ухо в шелковый кошелек.

— Зато мы умеем делать белую бумагу из старых тряпок.

— Есть девушки, от которых глаз не оторвать, а есть такие, которых никто не замечает, — выложила мисс Петтигрю козырной аргумент. — Я принадлежу ко второму типу.

— Чистая ерунда, — сказала мисс Лафосс. — Просто не забывайте выпрямлять спину. Плечи назад, живот втянуть. В этом весь секрет. Если вы не будете сутулиться, любая одежда всегда будет отлично сидеть на вас.

Она завершила манипуляции с лицом мисс Петтигрю. Прочно и надежно закрепила прическу и приколола алую розу к плечу мисс Петтигрю. Мисс Петтигрю лучезарно улыбнулась своему отражению.

— Впервые в жизни я наслаждаюсь своим видом.

Она снова надела заимствованную шубу. Мисс Лафосс появилась в великолепном вечернем мантио с белоснежным песцом на воротнике. Она поспешно собрала платок, перчатки и сумочку.

— Боже мой, страшно подумать, как мы опаздываем!

С неожиданным проворством она устремилась к двери. Мисс Петтигрю припустила за ней бодрой рысью. Голос ее совести отчаянно трубил ей в оба уха, но мисс Петтигрю оставалась решительно глуха к его призывам. Вся королевская конница, вся королевская рать не могли лишить ее последней радости этого дня. Она, как щитом, прикрылась этим оправданием. События дня разворачивались с такой стремительностью, что порой ей казалось: она действует не совсем по своей воле. Мисс Петтигрю находилась в состоянии психического аффекта и под воздействием многочисленных аберраций, [\[11\]](#) и это ее вполне устраивало.

С сияющими глазами, прерывающимся дыханием, легким естественным румянцем, дополняющим эффект искусного макияжа, она резво следовала за мисс Лафосс. Ее ждало Главное Приключение дня — настоящий ночной клуб. Само это слово возбуждало ее, наполняло безудержным волнением. Что бы сказала ее дорогая матушка, если бы жизнь внезапно вернулась в ее тело? В какие глубины разврата стремилась ее дочь? Чего должна была опасаться мисс Петтигрю. Да ничего! Свободно и радостно она признавала свершившийся факт. Она отправлялась в ночное заведение. Она собиралась уйти в загул. Ей пришелся по вкусу коктейль Тони. Она была одета, накрашена и собиралась повеселиться за всю свою прошлую монотонную жизнь. Она наслаждалась каждой минутой этого чудесного дня, и ни одна проповедь не могла сбить ее с курса. Она была рождена для безбрежных просторов, глубоких вод и безудержных авантюр.

Почти бегом она спустилась по лестнице вслед за мисс Лафосс, не отставая от нее ни на

шаг. В ответ на свисток швейцара взвизгнуло тормозами такси. Мисс Лафосс повернулась к водителю, но мисс Петтигрю опередила ее. Лучезарно улыбаясь, она надменно произнесла:

— «Алый Павлин», и как можно быстрее.

Она сели в салон автомобиля и с ревом помчались вдоль ярко освещенных улиц. Мисс Петтигрю выпрямилась и блестящими глазами жадно смотрела в окно с доверху поднятым стеклом. Мокрые от ноябрьского дождя улицы больше не казались ей тоскливыми. Сказочные огни освещали здания. Волшебные рога настойчиво гудели со всех сторон. Разноцветные блики яркими искрами расцветили черные тротуары.

Волшебный Авалон¹¹ дышал, гудел, пульсировал вокруг, полный яростной жизни. Рыцари в шелковых цилиндрах и дамы в вечерних платьях со счастливыми лицами спешили навстречу музыке и свету. Мисс Петтигрю спешила вслед за ними, хотя гораздо с большими удобствами: на автомобиле, а не на своих двоих. Какая разница, что она не одна из них? Ей довелось на один день попасть в сказку, дышать амброзией и жить полной жизнью.

Рядом с ней сидела ее подруга, мисс Лафосс, тонкая, изящная, изысканная до последнего завитка в прическе. Она, мисс Петтигрю, скучная и ничтожная старая дева, безработная неудачница, ехала вместе с ней в ночной клуб: великолепно одетая, как лучшие из этих женщин, бесстыдно покрашенная, как худшие из них.

«О! — блаженно думала мисс Петтигрю. — Я хотела бы умереть сегодня ночью, прежде чем проснусь».

Она прибыли.

Глава 12

00:16–01:15

Взору мисс Петтигрю открылось высотное здание, сдержанное, достойное, скромно освещенное. Она внимательнее всмотрелась в серый фасад. Ее сердце упало. Она повернулась и бросила укоризненный взгляд на мисс Лафосс. Разве таким должен быть ночной клуб? Над двойной дверью светилась скромная вывеска. Швейцар вежливо поклонился.

— Ужасная погода, мисс Лафосс.

— Действительно, Генри.

Мисс Лафосс поднялась по ступеням, медленно и неохотно мисс Петтигрю последовала за ней. Двери открылись и закрылись. Мисс Петтигрю ахнула и замерла, пораженная открывшемся ее взгляду великолепием. В потоках ароматов, музыки и света они стояли посреди большого фойе. В дальнем конце холла располагалась широкая лестница, по которой поднимались и спускались женщины в роскошных вечерних нарядах. Их сопровождали учтивые мужчины в черно-белых доспехах, при ближайшем рассмотрении оказавшихся фраками. Все было, как и должно было быть: позолота и блеск, радостные голоса и смех. Мисс Петтигрю снова возродилась. Ее ноздри затрепетали, а глаза широко распахнулись навстречу новому зрелищу. Это был настоящий ночной клуб. Такой, каким она видела его на экранах кинотеатров, как представляла в своих мечтах. Дверь слева приоткрылась и из незамеченного ею ранее зала донесся пульсирующий музыкальный аккорд. Ее нос дернулся, как у гончей, напавшей на след.

— Вот так, — сказала мисс Лафосс.

— Идемте скорей, — ответила мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс поднялась вверх, мисс Петтигрю не отставала. Комнаты наверху выглядели не менее великолепно. Мисс Петтигрю неоднократно доводилось наблюдать роскошные холлы, маскирующие убогость верхних этажей. Но этот блеск был неподдельным. Она одобрительно кивнула.

Через анфиладу помещений они проследовали в дамскую гардеробную. Богатые ковры, затененные светильники, сверкающие зеркала, вышколенная прислуга, готовая помочь им. Они сняли шляпки, припудрили носы, расправили платья и снова спустились вниз. Швейцар поспешно распахнул двери, и они вошли в зал. Мисс Петтигрю запнулась и остановилась. Перед ней лежало открытое пространство, залитое светом и заставленное столами. В дальнем конце зала возвышалась пустая эстрада. Казалось, все посетители разом обернули к ней свои лица. Мисс Петтигрю в панике оглянулась, комната словно расширялась у нее на глазах. Она должна будет пройти через это бесконечное пространство под бесчисленными взглядами любопытных глаз. Ей показалось, силы вытекают из ее тела через кончики пальцев, как вода.

— А теперь не забывайте, — быстро прошептала мисс Лафосс, — живот втянуть, плечи назад. Смотрите, сколько здесь зеркал. Я найду для вас самую выгодную позицию, и вы всегда сможете взглянуть на себя и вернуть бодрость духа. Перестаньте дрожать.

Она выступила вперед. Мисс Петтигрю сделала глубокий вдох и нырнула вслед за ней. Мисс Лафосс улыбалась направо и налево, почти за каждым столиком сидел кто-то ей знакомый. Ее приветствовали со всех сторон. Они спокойно пересекли зал и мисс Лафосс

остановилась около небольшой группы в дальнем конце зала.

Колени мисс Петтигрю тряслись, сердце бешено колотилось. Ее ждали новые испытания. Ее окружали столы, за каждым из которых сидело множество людей. Десятки и десятки неясных лиц. Она сумела изобразить болезненную улыбку в сторону людей, которых мисс Лафосс назвала «нашими друзьями». Какое безумие занесло ее сюда, где ей совсем не место?

Но нет, ее страхи были беспричинны и беспочвенны. Наконец она смогла сосредоточить растерянный взгляд. Ей навстречу сияла улыбкой мисс Дюбарри. Улыбался Тони. Майкл вскочил на ноги. Конечно, здесь присутствовали и другие люди, но какое они имели значение? Она была среди друзей. Мисс Лафосс, мисс Дюбарри, Тони, Майкл. Пусть здесь будет хоть тысяча людей, ей уже не было страшно. Вместе со вздохом радости на губах мисс Петтигрю расцвела искренняя улыбка.

— Где, черт возьми, вы были? — спросил Майкл.

— Вы опоздали, — обвинила мисс Дюбарри.

— Мы ждали вас, — сказал Тони.

— Официант, еще два стула, — позвал Майкл.

Наконец они уселись. Мисс Лафосс произвела почти незаметный маневр, и мисс Петтигрю оказалась прямо перед зеркалом. Она быстро взглянула, чтобы удостовериться в присутствии мисс Петтигрю № 2, но уже почти не нуждалась в ее поддержке. Она сразу погрузилась в дружескую атмосферу. По одну ее руку сидел Тони, по другую Майкл. Мисс Дюбарри поспешно прошептала ей на ухо:

— Я так счастлива. Это все благодаря вам. Не забудьте, вы обещали прийти ко мне в салон.

Мисс Петтигрю совершенно не понимала, чем вызвана эта страстная благодарность, но у нее дух перехватило от радости. Ее лицо просияло снова.

Однако, оказавшись так близко к Тони, она почувствовала сильное смущение. Она делала отчаянные попытки вспомнить, что же она наговорила ему накануне вечером, но никак не могла. У нее сохранилось только смутное впечатление, что она была очень груба с ним, груба, как никогда. От этой мысли ей стало жарко. Под прикрытием общей болтовни, она повернулась к нему и в порыве застенчивого отчаяния коснулась его рукава кончиками пальцев. Тони одарил ее дружеской улыбкой.

— О, пожалуйста! — запинаясь пробормотала мисс Петтигрю. — Сегодня вечером. Боюсь, я была очень невежлива. У меня такое чувство... я не знаю, что сказать. Я очень боюсь, что мисс Лафосс была права. Я не должна была пить ваш коктейль. Я не привыкла к таким напиткам. Должно быть, он сильно ударил мне в голову. Мне ужасно стыдно. Что я могу сказать? Пожалуйста, извините меня, я не хотела грубить.

— Грубить? — удивился Тони. — Мне?

— Да.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Я не помню.

— Когда я разговаривала с вами.

— У нас был самый замечательный разговор.

— Но я была невежлива.

— Я знаю, когда женщины бывают невежливы, и я обязательно заметил бы, если бы вы

мне нагрубили. Но вы этого не сделали.

— О, прошу вас, — взволнованно сказала мисс Петтигрю. — Я серьезно.

— Я тоже.

— Но это не так.

— Что не так?

— Не серьезно.

— Конечно, не серьезно.

— Но вы мне так сказали.

— Я уверен, что не говорил ничего подобного. Разве я похож на человека, который не понимает шуток?

— Я не говорила, что вы не понимаете шуток.

— Значит, вы так подумали, — с горечью сказал Тони. — Это все потому, что я похож на Генриха.

— На Генриха? — Беспомощно воскликнула мисс Петтигрю. — На какого Генриха? Что натворил этот Генрих?

— Но ведь вы сказали, что я никогда не смеюсь.

— Нет, я сказала, что вы несерьезны.

— А зачем мне быть серьезным? Мне ведь не надо плыть на «Белом корабле». [\[12\]{2}](#)

— О, пожалуйста, — запротестовала бедная мисс Петтигрю. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— А еще, — произнес Тони с горьким разочарованием, — считаете себя образованной женщиной.

— Да что же с вами происходит? Вы меня совсем запутали.

— Разве вы никогда не слышали о короле Генрихе Первом?

— Конечно, я слышала о Генрихе Первом, — горячо сказала мисс Петтигрю.

— Тогда почему вы заявляете, что я ввожу вас в заблуждение?

— Я не делала ничего подобного. Это вы все запутали.

— О чем мы вообще говорим?

— О сегодняшнем вечере.

— Но мы не говорили о Генрихе сегодня вечером.

— Конечно, не говорили.

— Сейчас, подождите, — сказал Тони. — Давайте сосредоточимся и начнем снова. О чем мы говорим?

— О моей грубости?

— Тогда причем здесь Генрих? — удивился Тони.

— О! — вздохнула мисс Петтигрю.

Она беспомощно взглянула на него. Тони серьезно смотрел на нее. Мисс Петтигрю разрывалась между недоумением и возмущением. Вдруг ее осенило. Она хихикнула.

— Молодой человек, — сказала мисс Петтигрю. — Кажется, вы меня дразните.

Тони быстро отвел взгляд в сторону, в его взгляде мелькнула искра.

— Око за око, — хитро сказал он.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — сообщила мисс Петтигрю, — но подозреваю, что это как-то связано с событиями сегодняшнего дня. Я так же полагаю, что должна извиниться перед вами.

— О! Только не начинайте снова. За что вы собираетесь извиняться?

— За мою грубость сегодня вечером.

— За какую-такую грубость?

— О, нет, — попросила мисс Петтигрю, — прошу вас, не начинайте снова.

— Хорошо, — согласился Тони, — но вам лучше подобрать другую формулировку.

— За мой разговор сегодня вечером.

— Я наслаждался им, — признался Тони, — наслаждался до глубины души. Мне очень нравится оригинальность в женщинах. Она так редко встречается. Не нужно никаких извинений.

— Вы уверены? — на всякий случай уточнила мисс Петтигрю. — Или вы просто говорите это из вежливости?

— Если бы вы грубо оскорбили меня сегодня вечером, — спросил Тони, — разве я беседовал бы с вами сейчас так мило и любезно? Я похож на безответного ягненка? Предупреждаю, утвердительный ответ на этот вопрос будет засчитан в качестве первого оскорбления.

— Все верно, — согласилась мисс Петтигрю со счастливым вздохом. — Это такая нагрузка для моего ума...

— Значит, друзья? — сказал Тони.

— Друзья, — согласилась мисс Петтигрю, полностью удовлетворенная.

— Значит, теперь больше нет необходимости поддерживать разговор на таком высоком интеллектуальном уровне?

— Ни одной причины, — улыбнулась мисс Петтигрю.

— Слава Богу, — вздохнул Тони. — Потому что мои исторические познания строго ограничены унылым Генрихом, Вторжением Вильгельма Первого и Парижским миром.

— Ну, — раздался веселый голос мисс Лафосс. — Если вы двое перестанете флиртовать на пару минут, Гвиневра, я успею познакомить вас с остальными. Эдит, не теряй бдительности, рядом с твоим мужчиной сидит опасная женщина.

— О, Боже!

Мисс Петтигрю в смятении повернулась и покраснела при мысли о своей новой грубости, впрочем, ее огорчение быстро уступило место живому любопытству. Кроме знакомых ей людей за столом сидел коренастый молодой человек с вытянутой головой, блестящими светло-голубыми внимательными глазами и невыразительной физиономией. Он был больше похож на ученого. Рядом с ним, вернее, очень близко к нему, расположилась великолепная женщина. В первую очередь она обращала на себя внимание пышной массой темных каштановых волос и огромными фиолетовыми глазами. Она не была полной, но производила впечатление экзотической танцовщицы безупречным набором мягких округлостей и уютных впадин. Безмятежная покорность Моны Лизы, Леди Шалот. ^[13] Все ее движения были исполнены ленивой, томной грации. Она был одета в блестящий фиолетовый шелк, на пальце сиял огромный изумруд.

На фоне остальных женщин, таких худых, современных и английских, она казалось роскошным цветком из другого климата. Мисс Петтигрю подумала, что романтический молодой человек должен был привезти ее из какой-то тропической страны.

— Гвиневра, — сказала мисс Лафосс, — познакомьтесь с Джулианом. Если вы хотите, чтобы все ваши соперницы рвали волосы на голове, обязательно обратитесь к нему. Он вас оденет. И даст вам хорошую скидку. Он должен сохранить дружеские отношения со мной, потому что я должна ему кучу денег, и он знает, что я ни за что не заплачу, если мы

поссоримся.

Губы Джулиана растянулись в стороны, и мисс Петтигрю заметила быструю вспышку белых зубов.

— Затруднительное положение? — коротко спросил Джулиан.

— Он почти ничего не говорит, — пояснила мисс Лафосс. Просто сидит молча и мысленно раздевает каждую вновь прибывшую женщину, а затем одевает снова, как надо. Так что, когда эта женщина в конце концов приходит к нему, у него уже готов ответ, что она должна носить. Конечно, все женщины думают, что он просто чудо, и обязательно возвращаются к нему снова.

«Ах, Боже мой! — подумала мисс Петтигрю. — Как неловко, если он смотрит на меня так же. Сейчас опять покраснею».

— Но вы не должны жаловаться на мои методы, — тихо заметил Джулиан, — если результат вас удовлетворяет.

— Розы, — сказала мисс Лафосс, — познакомься с Гвиневрой, моей подругой.

— Добро пожаловать, — сказала Розы.

— Вы не должны заказывать стейк с луком, — заботливо предупредила мисс Лафосс мисс Петтигрю. — Розы на диете. Она не смеет есть мясо, хотя обожает его. Дразнящий запах может испортить ей всю ночь. Или даже хуже: она может поддаться и впасть в искушение.

— Я не буду, — поспешно пообещала мисс Петтигрю.

— Я была у врача, — мрачно сказала Розы. — Чертов шарлатан. Курица! Белое мясо! Что скажете? Я ненавижу курицу. Она совершенно безвкусна. Не разрешил ничего, чтобы наполнить желудок бедной девушки. Ни жирного, ни жареного. Картофель под запретом, ни крошки масла. О пирожном надо забыть навсегда. Что мне остается? Ради чего жить?

— Ох! — хором всхлипнули женщины за столом.

— Мода на худобу может пройти, — утешительно заметила мисс Дюбарри, — и тогда ты совершенно естественно достигнешь правильного стандарта, в то время как нам придется отказаться от танцев и литрами пить сливки, пока не лопнем.

— В пятьдесят лет, — пессимистично сказала Розы, — мне будет все равно, толстая я или худая.

Заиграла музыка.

— Давайте потанцуем, — предложил Джулиан.

Он протянул руку Розы. Розы плавно перетекла в его объятия и приникла к его плечу, наводя мысли об их близости, личной близости. Они танцевали щекой к щеке.

Мисс Петтигрю зачарованно наблюдала за ними.

— Какая красивая женщина! — восхитилась она. — Я никогда раньше не видела ничего подобного. Она иностранка?

— Она растолстеет, — мрачно сказала мисс Лафосс. — Попомните мои слова. Невозможно вечно говорить «нет» жареному стейку с луком.

— Она женщина для гарема, — ответила мисс Дюбарри. — Мне не нравится такой тип. Ленивые одалиски.

— Напротив, — возразил Тони. — Они помнят, кому принадлежат, и не морочат себе головы современными идеями. Один мужчина, один хозяин. Других не существует. Их место в серале, и они не ищут никакого другого. Их обязанность заключается в удовлетворении прихотей господина. Чего еще они могут желать? Чего еще он может желать? Идеальные

отношения, вот как я это называю.

— Ба! — презрительно сказала мисс Дюбарри. — А мне нравится независимость в женщине. Что за люди, эти мужчины? Они устают от брака уже через шесть недель после женитьбы. К черту все это! Клубника со сливками хороша только для разнообразия. Но на завтрак, обед и ужин?! Скучно жить с женщиной, которая никогда не говорит «нет».

— Я согласен с Тони, — начал Майкл. — Современные женщины...

— Помолчи, — приказала мисс Лафосс. — Знаем мы ваши идеи. Они безнадежно устарели. Гвиневра, познакомься с Линдсеями, Пегги и Мартин. Женаты уже год и еще не собираются разводиться.

Мисс Петтигрю повернулась к последней паре. У них обоих были гладкие, молодые, живые лица. Прямые каштановые волосы, голубые глаза, веселые улыбки. Они вполне могли быть близнецами, только волосы Мартина были зачесаны назад, а у Пегги прямая челка на лбу плавно спускалась к ушам по обе стороны лица.

— На сцене, — объяснила мисс Лафосс, — выступают как близнецы. Для рекламы это лучше, чем муж и жена. Они нарасхват в комедиях, ревю и музыкальных шоу.

Мисс Петтигрю с радостным интересом разглядывала всех, кто попадал в поле ее зрения. Ее сияющие глаза безуданно скользили по публике. Снова загремели барабаны, звякнули тарелки, всхлипнул саксофон, фортепиано разразилось каскадом звуков. Люстры над головой погасли. Пары начали выходить в круг. Мисс Дюбарри с Тони тоже отошли. К ним присоединились Линдсеи. Мисс Лафосс незаметно кивнула головой мисс Петтигрю. Молодой человек запел в микрофон. Каждый выбирал ритм танца самостоятельно.

— Так вот что такое, — блаженно произнесла мисс Петтигрю, — ночной клуб! Это удивительное место.

Мисс Лафосс задумчиво посмотрела в сторону закрытых дверей.

— Ну, — осторожно сказала она, — существуют ночные клубы разного рода. Здесь вы, скорее всего, не встретите члена королевской семьи.

— Я не имею ни малейшего желания, — заявила мисс Петтигрю, — встречаться с членами королевской семьи. Для меня это было бы слишком большим потрясением. Я и так совершенно счастлива.

Музыка остановилась, зажегся свет, их друзья снова заняли свои места за столом. Конферансье сделал знак мисс Лафосс, она кивнула. Мисс Петтигрю услышала, как со сцены объявляют имя ее подруги. Эта новость была встречена бурей аплодисментов. Верхний свет погас и в наступившей тишине мисс Лафосс спокойно и непринужденно прошла к сцене, не забывая отводить плечи назад и мастерски покачивая бедрами. Она подошла к роялю и встала около него, опершись одной рукой в бедро, а другую лениво положив на черную блестящую крышку. Она имела смелость одеть платье ослепительно белого цвета. Хитро скроенный, тонкий, как лепесток розы, белый атлас, задрапированный белым тюлем, подчеркивал каждый изгиб ее соблазнительного тела, оставляя тем не менее впечатление бесхитростной невинности. Сейчас на сцене не было видно ни одного яркого пятна цвета, кроме короны ее золотых волос. Свет софитов превратил ее в сияющий нимб.

Несколько мягких вступительных аккордов, и мисс Лафосс начала петь. Мисс Петтигрю сидела, затаив дыхание. Ей почти не доводилось слышать профессиональных артистов. Ее знакомство с певцами из ночных клубов ограничивалось прослушиванием радиостанций, ее одиноким тайным пороком. Видеть и слышать певицу во плоти оказалось совершенно другим делом. Белая фигура на фоне черного рояля настолько завладела ее вниманием, что

мисс Петтигрю, казалось, перестала дышать.

В роли профессиональной певицы мисс Лафосс казалась совершенно другой женщиной. Не меняя позы и выражения лица, она внезапно оказалась окружена аурой Звезды. С ленивой грацией покачиваясь в такт музыке, мисс Лафосс медленно обводила зал безразличным взглядом. Ленивые веки опускались на сонные глаза, которые внезапно широко распахивались, одаря публику острым насмешливым взглядом. У нее был глубокий хрипловатый голос. Вряд ли это даже можно было назвать пением. Мисс Петтигрю не совсем была уверена, как это можно назвать. Иногда это было даже похоже на разговор, но от этих фраз, произнесенных мягким интимным тоном, восхитительные мурашки удовольствия пробегали вверх по позвоночнику. Мисс Лафосс исполняла озорную песню под названием «Что делает мама, когда папа уходит на работу?». Мисс Петтигрю наслаждалась каждой дразнящей фразой, иногда розовея при мысли, что, кажется, понимает смысл этих слов. Песня подошла к концу, зал разразился аплодисментами. Мисс Лафосс исполнила еще одну популярную песенку, потом другую. После этого она отказалась петь на бис и вернулась к столу.

— Прекрасно, дорогая, — сказала мисс Дюбарри. — Ты была великолепна. Неудивительно, что Ник не хочет потерять тебя. Я рада, что мы с тобой не соперницы, иначе не знаю, куда завела бы нас наша дружба.

— Когда ты поешь снова? — спросил Майкл.

— Около половины второго, — ответила мисс Лафосс.

— О, Господи! — простонал он. — Неужели придется ждать до тех пор?

— Тебя никто не заставляет, — мягко напомнила мисс Лафосс.

— Давайте выпьем, — предложил Тони.

Мисс Лафосс осторожно наклонилась к мисс Петтигрю и быстро прошептала:

— Помните: главное — не смешивать. Нет ничего опаснее непривычных напитков.

— Что вы будете пить? — спросил Тони.

— Немного хереса, — попросила мисс Петтигрю. — Спасибо.

Тони вытаращил глаза.

— Я ослышался? — с тревогой спросил он. — Мои старые уши обманывают меня?

— Когда вы доживете до моих лет... — начала мисс Петтигрю.

Тони в ужасе оглянулся.

— Только не это, — взмолился он. — Не начинайте снова. Разве вечером вам было недостаточно? Вам нужно глотнуть шерри.

Мисс Петтигрю растерянно смотрела на него.

— Как я мечтаю, — внезапно сказала Роза, — о ванильном кексе с сиропом из малинового варенья и хереса... Мне виски.

— И мне, — подхватил Майкл. — Официант...

Все выпили. Около их стола останавливались разные люди. Мисс Петтигрю с тревогой следила за этими перелетными птичками. Она не надеялась на свои способности в области запоминания имен и лиц.

— А вот и Джо с Анжелой, — воскликнула мисс Дюбарри.

Внимание мисс Петтигрю привлек человек за соседним столом, который все ниже и ниже опускался в своем кресле. Вскоре он должен был вообще исчезнуть под столом. Может быть, его приятели успеют спасти его вовремя? Она ничего не замечала, пока мисс Лафосс не произнесла:

— Гвиневра, познакомьтесь с мистером Бломфилдом. Джо, познакомьтесь с моей подругой мисс Петтигрю.

Удивленная таким официальным тоном, она повернула голову.

Джо смотрел на нее сверху вниз: крупный мужчина, не молодой, возможно сорока с небольшим лет. Никаких признаков среднего возраста. Возможно, благодаря хорошо сохранившейся фигуре. Этот мужчина выглядел стройным и подтянутым, а в вечернем костюме казался просто безупречным: ослепительной белизны манишка, цветок в петлице. Массивная голова, мощный подбородок, слегка насмешливые глаза, твердый рот, седеющие на висках волосы, одним словом хорошее, приятное лицо.

Его взгляд с удивлением остановился на лице мисс Петтигрю. Затем ямочки в углах его губ углубились, глаза загорелись интересом, и лицо расцвело теплой дружеской улыбкой. Ровесники признали друг друга. Мисс Петтигрю с равным удивлением посмотрела на него, потом вдруг ее собственные губы растянулись в застенчивой, робкой и нерешительной, но доверчивой улыбке. Они обменялись приветствиями. Оба принадлежали к другому поколению, и в одно мгновение опознали друг в друге родственную душу.

— Гвиневра, познакомься с Анжелой. Анжела, моя подруга Гвиневра.

Мисс Петтигрю перевела взгляд на молодую женщину.

— Как поживаете? — застенчиво спросила она.

— Как дела-а-а? — растягивая слова, ответила Анжела равнодушным, слегка жалобным голосом.

Она была первой подругой мисс Лафосс, которая испугала мисс Петтигрю и вернула ее в прежнее состояние нервозности. Она была очень молодой, и потому такой надменной, очень хрупкой, и оттого слишком самоуверенной. Казалось, она насквозь видит мисс Петтигрю в ее заемных нарядах, и презирает ее. Мисс Петтигрю немного покраснела и плотнее прижалась к спинке стула.

Анжела была одета в какой-то яркий алый халат, плавно облегающий ее маленькую грудь, тонкую талию, узкие бедра и худые длинные ноги. Светлые волосы казались почти серебряными. Мисс Петтигрю не в силах была отвести от нее зачарованных глаз: платиновая блондинка во плоти.

«Краска, — с суровым удовлетворением отметила мисс Петтигрю. — А у моей дорогой мисс Лафосс волосы естественного цвета».

Лицо Анжелы казалось прекрасной маской, идеально подходящей к вечернему наряду, но совершенно безжизненной: огромные голубые глаза, окруженные длинными ресницами, прямой нос, прекрасный бледно-розовый цвет лица, идеальной формы алый рот в виде розового бутона, прическа без единого завитка. Она казалась идеальным продуктом парикмахерского искусства, но мисс Петтигрю, не видевшая ее выходящей из ванны, решила воздержаться от окончательного суждения.

Мисс Петтигрю вздохнула и отвела глаза. Как жаль, что такой хороший мужчина попался в сети этой маленькой людоедки. Всякая разумная женщина знает, что такие юные существа никогда не сойдутся с пожилым мужчиной, разве что за солидное вознаграждение, но мужчины среднего возраста остаются неизменно глупы и доверчивы.

Совершенно очевидно, что мистер Бломфилд и Анжела были близкими друзьями.

— Присоединяйтесь к нам, — пригласил Майкл.

— Если мы не помешаем, — сказал Джо.

— С удовольствием, — ответила Роза.

— Спасибо, — поблагодарил Джо.

Анжела не сказала ничего. Она считала, что в ее возрасте не следует слишком много говорить, слишком много смеяться, слишком много двигаться. Помимо того, что ей, собственно, и нечего было сказать, она всячески оберегала свою внешность от преждевременного износа.

— Официант, — позвал Тони, — еще два стула.

Через минуту их компания за столом пополнилась еще двумя гостями. Оркестр начал новую мелодию. Все, кроме мисс Петтигрю, мисс Лафосс и Майкла, встали и отправились танцевать. Мисс Петтигрю уже начинала чувствовать себя неудобно перед мисс Лафосс. Она собиралась заверить подругу, что совершенно не против посидеть за столом в одиночестве. Она скажет ей это, когда начнется следующий танец, ведь танцевали абсолютно все. Даже Джо с мученическим выражением на лице и тонкой Анжелой на плече, тяжелыми шагами бродил по залу. Музыка остановилась. Все вернулись к столу, чтобы продолжить приятную беседу. Потом музыка зазвучала снова.

— Еще танец? — спросил Тони мисс Дюбарри.

— Наш любимый, — сказал Джулиан Рози.

— Покажем им класс? — предложил Мартин Пегги.

Один за другим, они исчезли. Мисс Петтигрю с легкой тоской посмотрела им вслед, думая о своей зря потраченной молодости и об упущенных возможностях.

Джо поднялся со стула. Он навис над мисс Петтигрю, большой, добродушный, приветливый.

— Окажете мне честь? — спросил Джо.

Глава 13

1:15 — 2:03

Мисс Петтигрю посмотрела вверх и слегка задохнулась.

— Вы приглашаете меня? — спросила она недоверчиво.

— Если вы окажете мне честь? — повторил Джо с приятной улыбкой.

— Увы! — трагически прошептала мисс Петтигрю. — Я не умею танцевать.

Джо улыбнулся чуть шире.

— Я тоже, — сказал он. — Просто притворяюсь.

Он безмятежно переставил стул Тони поближе и комфортно уселся рядом с мисс Петтигрю. Потом вздохнул с явным удовольствием.

— Слишком старый, — сказал Джо. — Слишком толстый.

— Вы совсем не толстый, — с негодованием возразила мисс Петтигрю.

— Хороший портной, — сказал Джо, — хороший ремень. Но все признаки налицо. — он похлопал рукой по животу.

— Ничего подобного, — все так же возмущенно ответила мисс Петтигрю. — Просто широкая кость. Отличная фигура, осмелюсь сказать. Мужчина среднего возраста в прекрасной форме.

— Так я мужчина среднего возраста? — спросил Джо.

Мисс Петтигрю в ужасе уставилась на него.

«Ах, Боже мой, — лихорадочно подумала она. — Неужели я его обидела? Когда дело доходит до возраста, некоторые мужчины бывают обидчивы, не меньше женщин. Он претендует на то, чтобы считаться молодым? Я должна что-то сказать».

Но потом она подумала, а, собственно, зачем? Скажите пожалуйста! Она не собиралась льстить самолюбию вредного старикашки, которого она никогда больше не увидит. Мисс Петтигрю строго взглянула на мистера Бломфилда.

— Таково определение нашего с вами возраста, — сказала она уверенно. — И средний возраст есть неизбежный этап жизни любого человека.

— Благослови вас Бог, леди, — удовлетворенно произнес Джо. — Я рад, что вы понимаете это. Теперь мне не надо делать вид, что я могу прыгать, как двадцатилетний.

Он с довольным вздохом поудобнее устроился на стуле.

— Джо, — донесся до них через стол высокий жалобный голос Анжелы. — Давай потанцуем.

— Нет, — сказал Джо. — Не сейчас. Мои ноги отказываются.

Если бы взглядами, которые бросала на них Анжела, можно было заколоть, как кинжалами, мисс Петтигрю уже не раз была бы пришпилена к спинке стула. Мисс Петтигрю все больше краснела и волновалась, но за ее трепетом росло острое чувство восторга. Впервые в жизни к ней ревновали. Она настолько была воодушевлена этой мыслью, что отбросила все идеи о женской солидарности, и от всей души надеялась, что Джо останется сидеть рядом с ней. Джо задумчиво оглянулся вокруг. Сидевшие за соседним столиком поспешно улыбнулись ему.

— О, Джордж! — весело позвал Джо. — Анжела хочет танцевать, а я уже выдохся. Как насчет выручить меня?

Молодой человек с готовностью поднялся.

— Отличная идея, Джо. Анжела, потанцуйешь со мной?

Анжела поднялась с такой же готовностью. Они присоединились к танцующим.

— У меня много денег, — заметил Джо. — Поэтому людям нравится оказывать мне услуги.

— Как нехорошо, — строго сказала мисс Петтигрю.

— Джорджу нравится Анжела, — продолжал Джо все так же спокойно, — а Анжеле нравится Джордж, но мои деньги ей нравятся еще больше. Сейчас все довольны.

Мисс Петтигрю не знала, что сказать на это, поэтому не сказала ничего.

— Ну, хорошо, — произнес веселый голос мисс Лафосс, — хватит сидеть. Мы покинем вас ненадолго. Два человека компания, а четверо уже толпа.

Они ушли танцевать.

Мисс Петтигрю не могла прийти в себя от волнения. Мужчина добровольно захотел сидеть рядом с ней. И такой презентабельный мужчина! Его не вынудили обстоятельства, он сам так решил. Даже если он действовал так только из вежливости, это был очень красивый жест. Ее лицо просияло благодарностью.

— Большое спасибо, — сказала мисс Петтигрю. — Очень любезно с вашей стороны посидеть со мной. Я уже начала бояться, что могу испортить вечер мисс Лафосс. Она не могла пойти танцевать и оставить меня здесь одну. Теперь, по крайней мере, у нее будет хоть один танец.

— Видите ли, — усмехнулся Джо, — дорогая мисс Петтигрю, это мое удовольствие. Вы спасли мои старые кости и больные мозоли. Мои ноги от рождения были предназначены выдерживать вес не больше восьми фунтов. Все остальноеросло помимо моей воли.

Мисс Петтигрю мягко улыбнулась в ответ на шутку, она уже почти не нервничала. За сегодняшний день она уже несколько раз затевала разговоры тет-а-тет с самыми странными людьми, и всякий раз обнаруживала, что ее опасения совершенно не обоснованы. Она готова была говорить, о чем угодно. Никаких проблем.

Была затронута тема напитков. Он предложил, она отказалась. Была высказана похвала в адрес настоящих друзей. И был бизнес Джо.

— Корсеты! — сказал Джо. — На корсеты тратится невероятная уйма денег. Здесь просто нужно было войти в контакт с нужными людьми, что я и сделал. Если вы можете уменьшить женщину на дюйм... ну, я не скажу, в каком месте, но вы можете догадаться... вы сделаете состояние. Пришло время корсетов! Мой глаз! Вы и понятия не имеете, сколько женщин из общества обращается ко мне за идеальной фигурой. Как вы думаете, халаты Джулиана выглядели бы так эффектно без моей основы, надетой под эти халаты? Нет, сэр, никогда. Лишние складки, выступающие... вы можете догадаться, где... могут испортить внешний вид любого портновского шедевра.

Мисс Петтигрю зачарованно внимала. Это была совершенно невероятная тема для разговора между мужчиной и женщиной, встретившихся в первый раз, но она находила их беседу в тысячу раз интереснее обсуждения погоды. И этот разговор не казался неделикатным. Таков большой бизнес. Разве она могла мечтать вчера, что сегодня будет сидеть в ночном клубе и на равных беседовать с крупным бизнесменом? Почти промышленным магнатом. Ее нежные губы улыбались с интересом и симпатией. Джо почувствовал прилив вдохновения. Анжела ненавидела обсуждать корсеты, а мисс Петтигрю это явно нравилось. Нет, это была не ошибка, она проявляла неподдельный интерес. Он окинул ее взглядом профессионала.

— Должен заметить, у вас великолепные показатели для вашего возраста, — искренне сказал Джо. — Я даже не думаю, что вы нуждаетесь в «Правильных корсетах Бломфилда». Как вы этого добились?

«Скудное питание и постоянное нервное напряжение» — подумала мисс Петтигрю.

Но сегодня она была Золушкой и отказывалась возвращаться к своей реальности.

— О! — небрежно сказала мисс Петтигрю. — Вообще ничего, уверяю вас. Естественная особенность организма.

— Нет детей, — проницательно заметил Джо.

— Я не замужем, — с достоинством ответила мисс Петтигрю.

— Мужчины слепы, — галантно сообщил Джо.

Мисс Петтигрю почувствовала радостную слабость. Такой убедительный аргумент никогда не приходил ей в голову. Она могла бы продолжать беседу, но танец подошел к концу. Тони строго посмотрел на Джо, но Джо вежливо ответил:

— Иногда молодежи приходится отступить на второе место, мой мальчик.

— Ха! — сказал Тони. — Решили монополизировать нашу красавицу, не так ли?

Мисс Петтигрю поежилась от удовольствия. Джо остался сидеть на стуле рядом с ней, она сияла. Джордж присоединился к компании и украдкой посматривал на Анжелу влюбленными глазами.

— Я проголодалась, — пожаловалась мисс Лафосс. — Я не смогу пить на пустой желудок.

— Я думал, я один такой голодный, — сказал Джулиан.

— Я тоже, — ответила мисс Лафосс.

— Я тоже хочу есть, — присоединился к ним Майкл. — Воспоминания о моем обеде изгладились давным-давно.

Был заказан ужин. Музыканты заиграли мечтательную плавную мелодию. В ожидании ужина пары снова покинули стол. Джо посмотрел на мисс Петтигрю.

— Думаю, это наш танец, — сказал он.

— Но ведь я сказала вам, что не умею танцевать, — ответила мисс Петтигрю с глубоким сожалением.

— Я совершенно уверен, — возразил Джо, — что вы прекрасно справитесь со старомодным вальсом.

Лицо мисс Петтигрю вспыхнуло румянцем.

— Так это старомодный вальс?

— Без всякого сомнения.

Мисс Петтигрю встала. Джо поклонился. Он обнял ее за талию. Они подождали несколько тактов и присоединились к танцующим. Мисс Петтигрю крепко зажмурила глаза. Этот чудесный момент был венцом удивительного дня. «Увидеть Париж и умереть». Она безраздельно доверилась рукам Джо и плавному, певучему ритму.

Джо танцевал очень хорошо. Несмотря на его темные намеки, мисс Петтигрю всем телом ощущала его спокойствие и уверенность. В юности, на тех немногих балах, где ей довелось побывать, ее всегда приглашали на вальс партнеры старшего поколения, и мисс Петтигрю отлично сумела бы различить неловкость танцора, привыкшего к более пышным талиям.

— Прекрасно, — заметил Джо. — Современная молодежь совершенно не умеет танцевать вальс. Я не пропустил бы этот наш танец ни за что на свете.

Плывя по воздуху, мисс Петтигрю вернулась на свое место с пылающими щеками и блестящими глазами.

— Ах вы мошенница, — обвинила ее мисс Лафосс. — Говорили мне, что не умеете танцевать. Вам просто хотелось посидеть с Джо.

— О, пожалуйста, — пролепетала мисс Петтигрю, розовея от смущения. — Уверяю вас, вальс — единственный танец, который я знаю.

На всякий случай следующие несколько минут она была немного надменна с Джо, если он вдруг мог подумать еще об одном танце. Подали ужин. Мисс Петтигрю неожиданно обнаружила, что снова проголодалась. Она с аппетитом расправилась со своей порцией.

— Не желаете ли мороженого, — предложил Майкл.

— С удовольствием, — сказала мисс Петтигрю.

Он подмигнул.

— Здесь должны подавать хорошее. Специальность владельца, я так думаю...

Мисс Петтигрю тихо захихикала, несмотря на негодующие взгляды мисс Лафосс в сторону Майкла. Но мороженое оказалось просто великолепным. Мисс Петтигрю никогда раньше не считала себя обжорой, но это были не просто охлажденные сливки. В вазочке покоились фрукты, орехи и мороженое, искусно смешанные и политые сиропом. Она медленно смаковала каждую ложку амброзии.

Музыканты на сцене заиграли медленный, сонный фокстрот. Свет был потушен, только лучи нескольких софитов пронизывали комнату. Мисс Петтигрю обвела мечтательным взглядом зал и... внезапно увидела Ника, приближающегося к их столу. В один миг мороженое утратило весь свой аромат.

Ник медленно продвигался между столами, его глаза были неотрывно прикованы к мисс Лафосс. Его лицо казалось совершенно бесстрастным, а глаза пустыми, но мисс Петтигрю неожиданно вздрогнула. Ей показалась, что на мгновение в его глазах приподнялись невидимые затворы, и промелькнуло горящее в душе пламя. В любую минуту он мог выпустить этот огонь наружу.

Мисс Петтигрю в страхе оглянулась на их круглый стол. Никто не замечал Ника. Притушенные огни, тягучая мелодия, сытная пища, все способствовало ленивой неге и романтичному настроению. Все пары незаметно придвинулись друг к другу. Майкл с мисс Лафосс сидели теснее прочих. Его рука, очевидно, обнимала талию мисс Лафосс, а его каштановая голова наклонилась близко к ее плечу. Он говорил горячо и нежно. Лицо мисс Лафосс приняло серьезное, почти застенчивое выражение.

Ник подошел к столу.

— Делисия, — сказал он, — наш танец, не так ли?

Все присутствующие посмотрели на него. Музыка продолжала играть, пары скользили по мраморному полу. В зале царил полумрак. Никто не обращал внимание на столик в углу.

Тело мисс Лафосс содрогнулось, ее глаза встретились с глазами Ника. Ее лицо смутно белело в сумраке.

— О, Ник! — произнесла она ошеломленным шепотом.

Майкл застыл на месте. На его лице по обе стороны челюсти четко обозначились выступившие мышцы. Он немного сместил хватку на плече мисс Лафосс.

— Сожалею, старик, — сказал Майкл, — Делисия сегодня пришла со мной.

— Делисия забыла, — возразил Ник тихим голосом, — что у нас есть предварительная договоренность.

Мысли вихрем промчались в голове мисс Петтигрю. Она безнадежно посмотрела по сторонам. Все их друзья со сдержанными, ничего не выражающими улыбками смотрели в сторону. Это было между Ником, Делисией и Майклом. Никто из них не собирался вмешиваться в чужие дела и наживать себе новых врагов. Помощи ждать было неоткуда, но необходимо было что-то предпринять. Мисс Лафосс ускользала. Змея зафиксировала на ней свой взгляд, и кролик был беспомощен. Медленно, дюйм за дюймом, мисс Лафосс стала отстраняться из объятий Майкла. Мисс Петтигрю была готова зарыдать.

Перед ними стоял Ник, красивый, как грех, в чьих глазах уже начал разгораться огонь ревнивого и опасного мужского гнева, увлекающий мисс Лафосс в скоротечный рай его страстного желания. Мисс Лафосс уже сидела, выпрямившись, на стуле, ее широко раскрытые глаза были прикованы к фигуре Ника.

— Ты идешь, Делисия? — спросил Ник.

— Я... — начала мисс Лафосс и встала.

Судорожным рывком Майкл поднялся рядом с ней.

— Делисия.

Мисс Лафосс издала слабый безнадежный стон. Она бросила умоляющий взгляд на Ника.

— Боюсь, на этот танец ты получаешь желтую карточку, — произнес Майкл сдавленным от ярости голосом.

— Извини, если нарушаю твои планы, — спокойно сказал Ник, — но мне надо кое-что сказать мисс Лафосс. Это важно.

Он снова обратил свой притягательный взгляд на мисс Лафосс, она сделала шаг вперед.

«Все пропало, — заплакала в душе мисс Петтигрю. — Если сейчас она уйдет с ним, она никогда не освободится».

Все мысли о собственной персоне в одно мгновение покинули мисс Петтигрю, каждая ее мышца, каждый нерв ощущали безнадежное сопротивление мисс Лафосс. Ее взгляд испуганно метался между мужчинами. Отчаяние Майкла, беспомощное выражение лица мисс Лафосс, темные властные глаза Ника.

Мисс Лафосс сделала робкий шаг вперед. Майкл тихо позвал ее:

— Делисия.

— Я... я извиняюсь, — безнадежно сказала она.

Она обратила к нему трагический взгляд.

«О! — подумала мисс Петтигрю, у которой слезы уже начали жечь глаза. — Что сделает Майкл? Он снова напьется и побьет другого полицейского. В следующий раз ему дадут шестьдесят дней. Что мне делать? Что делать?»

Внезапный свет ворвался в ее сознание.

— Поторопись, дорогая, — сказал Ник.

— Бей в челюсть! — прошипела мисс Петтигрю.

Майкл ударил точно в указанное место. Ник повалился на пол, увлекая за собой стул и стол. Он быстро вскочил на ноги с бледным лицом и горящими яростью глазами. С нечестивой радостью на лице, Майкл, как боксер, приплясывал на месте: тело напряжено, глаза сверкают, радостная улыбка во весь рот.

Ник яростным прыжком очутился почти в пределах его досягаемости. Затем он остановился. Целая гамма чувств отразилась на его лице. Ярость, гнев, презрение, безразличие. Майкл совершенно не заботился о своем достоинстве. Ник был не таков. К

ним бросились три официанта. Он не препятствовал им. Зажегся свет, танцоры остановились и в недоумении смотрели по сторонам. Музыка продолжала греметь. Появились новые официанты. Стараясь преодолеть сумятицу голосов, мисс Петтигрю схватила Майкла за рукав.

— Надо бежать, — крикнула она, бесстрашная вершительница судеб.

Майкл повиновался неохотно, но Делисия стоила больше, чем удовлетворение жажды крови. Он схватил мисс Лафосс за руку и потащил к двери. Она следовала за ним. Тони подхватил мисс Дюбарри, Джулиан схватил Розу, Мартин схватил Пегги, Джордж решил воспользоваться случаем и схватил Анжелу.

Мисс Петтигрю отводила свои войска. В арьергарде грохотал Джо:

— Вот так парень, ну и молодец.

Они подбежали к двери и вывалились в вестибюль, оставив за спиной рев оркестра, возбужденные голоса, встревоженных официантов, бушующего Ника. Девушки поспешили в гардероб. Мисс Петтигрю схватила шубу, через минуту они снова были внизу, где ждали мужчины, затем все высыпали на улицу.

Холодный и сырой ноябрьский воздух ударил им в лица. Шел бесконечный дождь, иногда переходящий в морось и густой туман. Мисс Петтигрю несколько раз моргнула в темноте, потеряв ориентацию после ярких огней внутри здания. В темноте казалось, что их стало больше. Все говорили взволнованно и громко, истерически смеясь. Раздавалось не меньше десятка голосов, призывающих:

— Такси, такси.

Рядом с каждой из женщин слышался властный мужской голос. Около всех, кроме нее. Вдруг мисс Петтигрю почувствовала себя слабой, потерянной и одинокой в этой толпе. Ее мужество лопнуло, словно мыльный пузырь. Она вдруг вспомнила, что является здесь чужой для всех. Затем неожиданно, перекрывая шум, послышался голос, кричавший:

— Мисс Петтигрю, где мисс Петтигрю? Я отвезу ее домой. Где мисс Петтигрю?

— Здесь, — сказал мисс Петтигрю тонким голосом.

Над ней замаячила фигура Джо. Он не сказал ни слова, но его рука потянулась к локтю мисс Петтигрю, как олицетворение мужской заботы, которую она никогда не испытывала. Она легко оперлась на него.

Начали подъезжать такси, пары садились внутрь. Мисс Петтигрю сделала шаг, чтобы последовать за ними, но Джо был неподвижен. Такси исчезло, рядом с ними остановился следующий автомобиль.

— Думаю, это наше, — сказал Джо.

— Куда едем, сэр? — спросил водитель.

— Просто езжайте вперед, — произнес Джо, — я дам вам знать. Позже.

Мисс Петтигрю очутилась в холодном темном салоне автомобиля наедине с мужчиной. Двигатель такси вибрировал. Мисс Петтигрю дрожала. Но не от страха. От волнения, от блаженства. Ее мысли мчались в таком диком вихре, что она почти испытывала головокружение. Она не могла поверить во все происходящее с ней.

«Но я ни о чем не просила его, — думала счастливая мисс Петтигрю. — Он сам меня выбрал. Меня даже не было рядом. Он осознанно сказал, что отвезет меня домой. Я даже не думала об этом, он мне ничего не обещал. Это невероятно, но, должно быть, он сам этого захотел. Какие еще есть объяснения?»

Она испытывала чистейшее удовлетворение, но все же считала это нечестивое ликование слишком нескромным и чувствовала себя виноватой.

— Ах, Боже мой! — сказала мисс Петтигрю. — А что же будет с Анжелой?

— Анжела, — спокойно ответил Джо, — уехала с Джорджем. Разве вы не видели? Они первыми сели в такси. Он присмотрит за ней и доставит домой.

— Она не обидится? — робко спросила мисс Петтигрю.

— Я куплю ей подарок, — пообещал Джо. — Она никогда не обижается, если я покупаю что-нибудь дорогое.

— О! — пробормотала мисс Петтигрю в замешательстве.

— Я бы на вашем месте не беспокоился об Анжеле, — успокаивающим тоном сказал Джо. — Она о вас бы не беспокоилась.

— Но вы провожаете другую женщину... — начала мисс Петтигрю, наполовину озабоченная, наполовину ликующая, потому что заверения Джо наполняли ее чистой радостью.

— Вы меня не просили, — перебил ее Джо. — Я сам так захотел.

Мисс Петтигрю решительно отбросила все сомнения. У Анжелы было все: молодость, красота, уверенность, другой поклонник. Она сможет обойтись без Джо одну ночь.

— Адрес, — сказала мисс Петтигрю, — дом пять, особняки Онслоу.

— Разве это не адрес Делисии?

— Я остановилась у мисс Лафосс, — солгала мисс Петтигрю.

— Вы пока не можете туда ехать, — уверенно заявил Джо.

— Ах, Боже мой, почему? — испуганно спросила мисс Петтигрю.

— Ну, живите сами и дайте пожить другим, — сказал Джо. — Они только что выяснили

отношения, не так ли? Дайте им немного времени побыть вместе. Разве вы не заметили, они сели в такси вдвоем?

— Ах, что же мне делать? — спросила мисс Петтигрю с замиранием сердца.

— Все просто, — весело объявил Джо. — Мы немного покатаемся.

— В такси? — спросила потрясенная мисс Петтигрю.

— Конечно. Почему нет? — сказал Джо.

Мисс Петтигрю выпрямилась.

— Конечно, нет, — серьезно сказала она. — Счетчик все время будет тикать. Это будет вам стоить очень дорого. Я не могу позволить вам таких расходов. Уверю вас, я очень хороший ходок. Может быть, если мы сейчас выйдем, мы сможем дойти до дома. Я уверена, это вполне возможно. Я... я бы даже не просила, чтобы вы пошли со мной, только я очень нервничаю в темноте и не знаю, смогу ли сама найти дорогу.

Она повернула к нему взволнованное и виноватое лицо. Смех Джо был похож на гулкий рокот.

— Если бы все женщины были такими, как вы, я был бы гораздо богаче, — усмехнулся он.

Он нашел переговорную трубку.

— Езжайте вокруг, пока я не дам вам адрес.

— О, пожалуйста, — растерянно молила мисс Петтигрю.

— Послушайте, — решительно сказал Джо. — Корсеты приносят мне неплохие деньги. Мой банковский клерк ест из моей руки.

Он удобнее устроился на сиденье. Мистер Бломфилд находил очень оригинальной ситуацию, когда женщина опасается, что он подвезет ее, а не наоборот.

— Вы уверены? — спросила мисс Петтигрю, все еще неудобно примостившись на краешке сидения.

— Я куплю вам такси, — сказал Джо.

Мисс Петтигрю медленно откинулась назад. В конце концов, это его дело. Ему лучше знать. Сейчас она совершенно очевидным образом выдала свое бедственное финансовое состояние. Она надеялась, что он не смеется над ней, но было слишком поздно маскировать свою промашку. Вдруг ей надоело притворяться.

— Я знаю, что существуют люди, не ограниченные в средствах, — смиренно сказала мисс Петтигрю, — но я нахожу, что совершенно неспособна мыслить в масштабе фунтов. Я считаю в пенсах.

— Когда-то, — сказал Джо, — моей самой большой радостью было место на галерке в мюзик-холле.

— О, — сказала мисс Петтигрю счастливо, — Тогда я уверена, что вы меня понимаете.

Она откинулась на спинку сиденья и вздохнула. Холодный ноябрьский ветер задувал в щели, ее немного познабливало. Мисс Петтигрю теснее запахнула роскошную шубу.

— Холодно, — сказал Джо, а потом спокойно обнял мисс Петтигрю и прижал к себе.

Мисс Петтигрю сидела в такси с незнакомым мужчиной, который имел наглость обнять ее, а мисс Петтигрю... мисс Петтигрю расслабилась. Она удобнее устроилась на сиденье и положила голову ему на плечо. Она никогда в жизни не вела себя столь разнузданно, и никогда не была так счастлива. Она больше не собиралась притворяться. Откуда-то со стороны раздался ее собственный голос, очень громкий и твердый:

— Мне сорок лет, — сказала мисс Петтигрю, — и никто никогда в жизни не флиртовал

со мной. Вы, наверное, привыкли к этому, но я нет. Я очень, очень счастлива.

Она нашла его руку и крепко сжала ее. Ответное пожатие Джо было теплым и обнадеживающим.

— Мне тоже очень хорошо, — сказал он.

— Мистер Бломфилд... — начала мисс Петтигрю.

— Почему бы не Джо? — убедительно сказал он. — Давайте будем друзьями.

— Джо... — застенчиво произнесла мисс Петтигрю.

— Спасибо.

— Меня зовут Гвиневра, — робко сказала она.

— Я уже слышал. Если я могу...

— Да, прошу вас.

— Рад познакомиться с вами, Гвиневра, — сказал Джо.

— У меня был замечательный день, — доверительно сообщила мисс Петтигрю. — Вы не поверите. Сначала удивительные вещи происходили с другими людьми, но теперь это происходит со мной. Я никогда в жизни не забуду этот день. Вы поставили идеальный заключительный штрих.

Мисс Петтигрю была самой странной из всех женщин, которых доводилось обнимать Джо, но он обнаружил, что эта странность приносит ему своеобразное чувство удовлетворения. Она была совершенно иной, а мужчине даже в возрасте под пятьдесят может нравиться разнообразие. Конечно, ее странное поведение, удивленные высказывания, застенчивый восторг были непривычны в женщинах, с которыми он был знаком прежде. Они давали ему удобное чувство душевного удовлетворения. Чего стоили молодые лица, годные только на то, чтобы на них любоваться, против чувства спокойствия, которое внушала ему мисс Петтигрю?

— Вам удобно? — спросил Джо, давая возможность мисс Петтигрю самой определить развитие ситуации.

— Очень, — бесстыдно сказала мисс Петтигрю.

Очевидно, это было прекрасным поводом привлечь ее ближе, а Джо не был тугодумом. Он обнял ее крепче.

— Я не буду возражать, — вдруг сказал она, — если вы захотите вернуться к Анжеле.

— Я не захочу, — торжественно заявил Джо, — мне жаль, что я был с ней.

Мисс Петтигрю немного повернула голову и посмотрела на него. Что придавало ей смелости? Был ли это выпитый в ночном клубе херес или обнимающая ее рука Джо?

— Я не могу понять, — серьезно сказала мисс Петтигрю, — как такой здравомыслящий человек, как вы, может завязывать отношения с такими юными созданиями. В будущем это не принесет вам ничего, кроме страданий, а я не хотела бы, чтобы вам было больно.

— Я никогда, — сказал Джо, — не завязывал отношения с юными созданиями.

— О! — произнесла мисс Петтигрю с сомнением.

— Видите ли, — объяснил Джо, — когда я был молод, я не имел возможности насладиться своей молодостью. Никаких вечеринок, танцев, девушек. Так что теперь, когда у меня появилось немного денег и досуга, я обнаружил, что мне нравится немного жизни и движения. Я покупаю им подарки, а взамен они... дарят мне немного своего очарования. Мне кажется, их молодость возвращает мою. Мы оба получаем, что хотим, но они не смогут обмануть меня. Нет, только не меня.

— Кажется, я понимаю, — удивленно сказала мисс Петтигрю. — У меня тоже не было

никаких удовольствий и развлечений. Сегодня я получила урок. Я совершенно неожиданно обнаружила в себе множество необоснованных тенденций.

— Отлично, — подвел итог Джо. — Значит, мы можем наслаждаться жизнью вместе.

Эти слова были всего лишь общей фразой, мисс Петтигрю знала это, но внезапно ее внутреннему взору предстало видение жизни богатой, разнообразной, возможно даже, немного вульгарной. Он может выпить иногда. Несомненно, он шокирует ее. И он не был утончен. Конечно, он будет приводить в дом незнакомых людей. Ее образ жизни будет вывернут наизнанку, но что все это значит по сравнению с ощущением легкости, безопасности, полноты жизни, которые он внесет в ее существование!

Она украдкой покосилась на него. Большой, спокойный, возможно, он может быть несколько суровым, но такой добрый и заботливый. Да, он не был джентльменом. Ее мать была бы в шоке от него. Миссис Бруммеган была бы высокомерной с ним, если бы не знала заранее о его деньгах. Отец, безусловно, не включил бы его в круг своего общения. Принимая его внимание, она, хорошо воспитанная дворянка, теряла свое достоинство, но она уже так низко пала за один короткий день, что ее не беспокоило, сочтут его вульгарным или нет.

Обнимающая ее рука Джо казалась самыми уютными и теплыми объятиями. Не говоря ни слова, мисс Петтигрю прижалась к его боку. Она была довольна и беззастенчиво счастлива.

Дождь и не собирался прекращаться. Напротив, он превратился в ужасную мокрую метель, полностью залепившую снегом окно такси с наветренной стороны. Мисс Петтигрю с безмятежным спокойствием наблюдала за разгулявшейся непогодой из теплого салона такси.

— Вы были правы, — сказала она. — Такая ночь не для прогулок.

— Очень подходит, чтобы замерзнуть до смерти, — согласился Джо.

— Особенно в моем вечернем платье, — заметила мисс Петтигрю.

— Красивое, — галантно сказал Джо, — но совершенно бессмысленное.

— В такой одежде не может быть по-настоящему тепло, — признала мисс Петтигрю.

— Мне тоже приходится носить шелк, — мрачно сказал Джо.

— Шерсть, — провозгласила мисс Петтигрю. — Меня не волнует, что говорят все вокруг. Шерсть лучшая одежда для зимы.

— Совершенно с вами согласен, — горячо подхватил Джо.

Это была жизненно важная тема.

— Но молодые девушки! — покачала головой мисс Петтигрю. — Они не признают ничего, кроме шелка. От него вообще нет никакого тепла. Не понимаю, как они все не умерли от пневмонии. И им невозможно объяснить, что в шерсти они выглядят гораздо лучше. Теплое тело означает здоровый румянец. Озябшее тело значит бледное лицо и красный нос.

— А что насчет мужчин? — сказал Джо все с той же мрачной серьезностью. — Я привык к шерсти. Я был воспитан на шерсти. Моя мать настаивала на шерсти. Я люблю свой шерстяной жилет и брюки, но не смею носить их! Иначе они будут думать, что я старый хрен. Они думают, что я должен носить шелк, как они. Я краснею, когда они обнаруживают мое шерстяное белье.

— Полагаю, — презрительно сказала мисс Петтигрю, — вы говорите о молодых девушках, которые вам так нравятся. Вы ведете себя очень глупо. Следует помнить о своем возрасте. Нет, я не льщу вам. Вы уже не молоды и, несомненно, заработаете себе ревматизм.

Сегодня вы пойдете прямо домой и завтра обязательно наденете шерстяное белье. Простите, если я груба, но позвольте мне сказать вам правду. Ваши романтические подруги не должны решать, носить вам шелк или шерсть. Все просто: вы будете носить шерсть и чувствовать себя комфортно.

— Не могли бы вы? — спросил Джо.

— Не могла бы я что?

— Стать моей романтической подругой?

Мисс Петтигрю покраснела. Она поежилась от удовольствия. Это, подумала она, настоящий флирт. Почему она так долго ждала, чтобы насладиться этой чудесной игрой?

— Но я, — осторожно заметила мисс Петтигрю, — не молодая девушка.

— Ах! — Джо решил не отступать. — Но вы могли бы?

— Я могла бы, — застенчиво призналась мисс Петтигрю.

— Я настаиваю.

— Я не привыкла, — отважно призналась мисс Петтигрю, — получать романтические предложения от каждого встречного красавца.

— Я? — с недоверчивым удовольствием переспросил Джо. — Красивый?

— Без ложной скромности, — сказала мисс Петтигрю. — Вы знаете, что вам нет необходимости беспокоиться за свой внешний вид.

— Вы возвращаете мне комплимент, — сказал Джо.

Оба довольно улыбнулись. Мисс Петтигрю уже чувствовала себя совершенно непринужденно. Она рискнула на еще один хитрый намек:

— Но не забудьте о шерстяном белье, — сказала она.

Джо разразился восторженным смехом. Его чувство юмора никогда его не подводило.

— Это наводит меня на размышления, — усмехнулся Джо, — но в правильном направлении.

Мисс Петтигрю настороженно притихла.

— С завтрашнего дня я берусь за ум и надеваю теплый жилет, — пообещал Джо.

Общая вера в шерстяное белье разрушила последние ограничительные барьеры. Совершенно очевидно, что они имели одинаковое мнение по важным вопросам. Мисс Петтигрю продолжала держаться за теплую руку Джо. Вторая его рука обнимала ее за плечи. Оба чувствовали себя довольными. Джо, помнивший о своих пятидесяти пяти годах, безусловно, испытывал новые острые ощущения, обнимая женщину в темноте такси. Это заставляло его чувствовать себя на несколько лет моложе. С теми нахальными молодыми девушками он никогда не мог быть уверен в себе.

— Раз разговор зашел об одежде, — сказал Джо. — Я неплохо в ней разбираюсь. Научился на работе. Вашему черному платью не хватает одного заключительного штриха.

— Что такое? — спросила мисс Петтигрю, немного встревоженная, но заинтересованная.

— Жемчуг, — сказал Джо. — Одна нитка жемчуга отделяет вас от совершенства.

— Жемчуг! — ахнула мисс Петтигрю. — Мне? У меня в жизни не было даже поддельного.

— Я вам куплю, — сказал Джо просто.

Мисс Петтигрю сидела неподвижно. Вот настал этот момент. Мужчина пытался купить ее подарками. Это был первый шаг: момент истины. Во всех фильмах, когда мужчина в первый раз протягивал героине футляр с драгоценностью, зритель понимал: над ней нависла

опасность. Вот какой это был мужчина! Нет, хороший человек тоже мог дарить леди подарки. Но не вещи! Было что-то зловещее, тонко аморальное в предложении ювелирных изделий. Конфеты, да, цветы, носовые платки, экстравагантные обеды и билеты в театр, но не украшения, не шубы. Шубы и украшения были признаком дурных намерений, предупреждением для порядочной девушки.

— Я всю жизнь мечтала о каком-нибудь украшении, — сказала мисс Петтигрю. — Они мне так нравятся.

— Я принесу вам завтра, — сказал Джо.

— Я не смогу принять такой подарок, — ответила мисс Петтигрю.

— Почему? — удивился Джо.

— Леди так не делают, — сказала мисс Петтигрю.

— Так вы леди?

— Да, — ответила мисс Петтигрю.

— Я так и знал, — мрачно сообщил Джо. — Я подозревал это. Я чувствовал, что с вами что-то не так.

— Прошу прощения, — смиренно сказала мисс Петтигрю.

— Это все усложняет, не так ли? — спросил Джо с сожалением.

— Неужели? — сказала мисс Петтигрю.

— Действительно? — повторил Джо уже с надеждой.

— Нет, — возразила мисс Петтигрю. — Я считаю, что намного приятнее не быть леди. Я была ею всю жизнь. И чего я этим добилась? Ничего. С этой минуты я отказываюсь быть леди.

— Ах! — сказал Джо, просияв. — Это упрощает дело.

— Но какое это имеет значение? — спросила мисс Петтигрю.

— Можно вас поцеловать? — решил уточнить Джо.

— О! — сказала мисс Петтигрю. — Я не очень уверена в своих способностях.

— Тогда... полагаю, мы можем попытаться.

И они попытались. Правда, довольно неумело со стороны мисс Петтигрю, но техника Джо оказалась безупречной. Когда мисс Петтигрю наконец спустили с Олимпа и вернули на землю, это уже была другая женщина. Она больше никогда не опустит голову. Теперь она получила право равного голоса на женских собраниях. Ее крепко расцеловали: с опытом, с мастерством, с пылом. Ее лицо так сияло, что Джо почувствовал скромную радость.

— Меня никогда не целовали раньше, — сказала мисс Петтигрю.

— Тогда я счастливый человек, — ответил Джо. — Я помогу вам наверстать упущенное время.

Мисс Петтигрю вздохнула.

— О, Боже! Я совсем забыла о времени. Что подумает мисс Лафосс? Я должна вернуться как можно скорей.

Мисс Петтигрю волновалась, но Джо был разумным человеком. Он действовал как джентльмен: выпрямился на сиденье и взял переговорную трубку.

— Особняки Онслоу, 5, — сказал Джо.

Такси притормозило и развернулось.

— Если не возражаете, — сказал Джо, — я заеду к Делисии завтра утром и отвезу вас пообедать.

Реальность, словно тонна кирпича, обрушилась на мисс Петтигрю.

— Меня там не будет, — произнесла она бесцветным голосом.

— Это не имеет значения. Где вы будете?

— Я не знаю, — сказала мисс Петтигрю.

— Не знаете? — повторил удивленный Джо.

Мисс Петтигрю медленно выпрямилась. Она отвернулась. Она боролась с собой, чтобы удержать горькие, безнадежные слезы.

— Я ввела вас в заблуждение, — сказала мисс Петтигрю приглушенным голосом. — Я не то, что вы думаете. Я не ожидала, что вы захотите когда-либо увидеть меня после сегодняшнего вечера, так что я не думала, что вам следует знать. Но сейчас я должна сказать вам правду.

— Обычно я считаю, — осторожно начал Джо, — что истина лучше, но, конечно, если вы не хотите говорить...

— Я солгала вам, — перебила его мисс Петтигрю. — На самом деле я не подруга мисс Лафосс.

— Но она сама так сказала, — возразил Джо, сбитый с толку.

— Просто она была очень добра ко мне, — объяснила мисс Петтигрю. — Эта одежда, она не моя. Это ее платье. Она одолжила мне его на один вечер.

— Оно вам очень идет, — сказал Джо.

— Это лицо, которое вы видите, — мужественно продолжала мисс Петтигрю, — которое... думаю, вам нравится... На самом деле оно тоже не мое. Его нарисовали мисс Дюбарри и мисс Лафосс. В действительности я обыкновенная, неопрятная старая дева. Я бы не понравилась вам.

— А я думаю, что понравилась бы, — сказал Джо, решительно глядя ей в лицо.

— Мне довелось оказать мисс Лафосс небольшую услугу сегодня утром, — пояснила мисс Петтигрю дрожащим голосом, — и она очень любезно развлекала меня целый день и даже привезла в клуб сегодня вечером, но на самом деле она не знает меня.

— Не кажется ли вам, — сказал Джо, — что следует рассказать все сначала. Я немного сбит с толку.

— Я встретила мисс Лафосс в первый раз в жизни сегодня утром, — призналась мисс Петтигрю, — когда пришла к ней, чтобы попытаться получить должность.

Она подумала, что лучше не говорить Джо, что это за должность, так как он может ничего не знать о ребенке мисс Лафосс, которого она, вероятно, скрывала; так что мисс Петтигрю тактично пропустила подробности о работе и заикающимся голосом изложила Джо всю историю ее полного приключениями дня. Джо пришел в восторг. Он радостно стукнул ладонью по колену.

— Вы удивительная женщина, — объявил он. — Какое мне дело, работаете вы или нет. Какой ваш настоящий адрес? Я позвоню туда.

Мисс Петтигрю покраснела, потом побледнела. Она начала заикаться еще больше.

— Наверное, у меня уже нет адреса. Я задолжала хозяйке арендную плату. Она сказала, если я не найду место сегодня, я должна буду уйти. Я не нашла место.

— Если я могу вам помочь... — тактично предложил Джо.

— О, думаю, вы могли бы, — подхватила мисс Петтигрю с жадной надеждой. — Вы кажетесь таким важным человеком. У вас должно быть много знакомых. Может быть, кто-то из ваших многочисленных друзей ищет гувернантку, тогда вы могли бы упомянуть мое имя. Я гувернантка.

— О! — сказал Джо, чье предложение о помощи имело под собой более определенный материальный смысл.

— Конечно, я спрошу, — поспешно добавил он. — Я абсолютно уверен, что буду в состоянии что-нибудь найти. Не беспокойтесь.

Лицо мисс Петтигрю, осветившееся было надеждой, омрачилось снова.

— Ах, Боже мой! — сказала она печально. — Лучше мне быть честной до конца. Я хочу сказать, что было бы несправедливо просить вас о личной рекомендации, не предупредив заранее. Я не очень хорошая гувернантка, — безнадежно добавила мисс Петтигрю. — Я подойду только на очень простую должность. На моем последнем месте я выполняла обязанности няни, так что звание гувернантки было всего лишь формой вежливости. Теперь вы знаете обо мне все самое худшее.

— Я понимаю, — сказал Джо. — Но эта трудность не является непреодолимой.

— Вы так добры, — пробормотала мисс Петтигрю.

— А теперь, — подытожил Джо, — доверьтесь мне.

Он заставил мисс Петтигрю откинуться на спинку сиденья, и его твердая рука решительно обняла ее плечи.

Они прибыли к особнякам Онслоу. Джо отпустил такси и проследовал за мисс Петтигрю в здание. Холл был пуст, ночного портье не было видно. Джо собирался подняться вместе с мисс Петтигрю, чтобы лично переговорить с мисс Лафосс, но мисс Петтигрю остановила его.

— Если не возражаете, — застенчиво сказала она, — я лучше пойду одна. Мисс Лафосс была очень добра ко мне. Я не могу взять на себя смелость привести к ней незваного гостя. Это будет выглядеть, словно я слишком злоупотребляю ее гостеприимством. Я не могу так поступить с ней. Я совершенно уверена, она не одобрила бы это.

— Как пожелаете, — ответил Джо, отважно пытаясь достичь стандарта вежливости мисс Петтигрю.

Он попытался представить мисс Лафосс в роли оскорбленной хозяйки, но не смог. Делисия, он был прекрасно осведомлен, даже бровью бы не повела, вернись мисс Петтигрю хоть с десятком мужчин.

— Вот моя карточка, — твердо сказал Джо. — Вы должны быть у Делисии завтра в полдень. Если вы не придете, я найму для ваших поисков целое детективное агентство. Обещайте.

— О! — прошептала мисс Петтигрю. — Вы действительно думаете, что сможете что-то найти для меня?

— Я совершенно уверен, — сказал Джо, бросив на мисс Петтигрю такой взгляд, что ее сердце пропустило два удара, — что буду в состоянии найти место для вас.

— О, благодарю вас, — задыхаясь пробормотала мисс Петтигрю. — Я... я не стала бы беспокоить вас, только... я немного боюсь. Очень страшно оказаться без работы.

— Ничего страшного, — заверил ее Джо. — Для меня это удовольствие. Никаких проблем.

— Спокойной ночи, — застенчиво сказала мисс Петтигрю. — И спасибо за самый счастливый вечер в моей жизни.

Она протянула ему руку, но Джо не привык к подобным формальностям. Мисс Петтигрю снова привлекли в крепкие мужские объятия и поцеловали.

— До завтра, — сказал Джо.

Мисс Петтигрю преодолела первые несколько ступенек, не помня себя от счастья.

Джо направился в комнатку ночного портье и спросил номер телефона мисс Лафосс.

Он подождал десять минут и сделал звонок.

— Алло! — произнес голос мисс Лафосс.

— Это вы, Делисия? — спросил Джо.

— Да, — сказала мисс Лафосс. — Кто это?

— Это я, Джо. Мисс Петтигрю вернулась?

— Да.

— Вы сможете задержать ее у себя сегодня ночью?

— Конечно.

— Я все объясню завтра утром. Не говорите ей.

— Все в порядке.

— Я буду пораньше.

— Но не слишком рано. Птичка не упорхнет.

— Спасибо. До свидания.

— До свидания.

Джо повесил трубку.

Мисс Петтигрю как лунатик преодолела первые несколько ступеней. Ее ноги вязли в пушистом ковре. В доме царила тишина. В коридорах и на лестнице горел приглушенный свет. Тишина казалась нереальной. Постепенно ее ощущение счастья начало улетучиваться. Она запнулась, ее шаги замедлились. Сказочный мираж рассеивался, впереди замаячил призрак страха.

Ее день был закончен. Это был прекрасный день, но он подошел к концу. Она явственно увидела себя такой, какой была на самом деле, какой впервые подошла к этой лестнице совсем недавно: без работы, без гроша в кармане, испуганной, непривлекательной. Вот каким было ее настоящее «я». Вероятно, она выглядела несколько эксцентричной и чем-то заинтересовала мисс Лафосс. Мисс Лафосс, которая привыкла потакать своим прихотям. Но она хорошо понимала, какой должна быть окончательная реакция мисс Лафосс.

Она вернется, отдаст мисс Лафосс ее одежду, наденет свою старую и снова предстанет в своем прежнем облике: невзрачная, немного потрепанная, в стоптанных туфлях. Мисс Лафосс почувствует себя неуютно и с легким раздражением будет спрашивать себя, как ей поскорее избавиться от обременительной гостьи.

Мисс Петтигрю не смогла бы это вынести. Все, что угодно, но только не это. Она дала себе клятву.

Она притворится, что ужасно спешит, бросится в спальню, переоденется, скажет несколько поспешных слов благодарности и быстро уйдет. Воспоминания мисс Лафосс не должны быть омрачены ни одной минутой неловкости.

Сделав такое смелое обещание, мисс Петтигрю все-таки не смогла ускорить свои шаги. Вместо этого она шла все медленнее и медленнее, пытаясь побороть парализующий ужас. Миссис Покнелл ни за что не позволит ей вернуться, а она сама не осмелится затевать скандал в такой поздний час. Ей придется ходить по улицам всю оставшуюся часть ночи. Дрожа, она привалилась к стене.

Потратив несколько секунд, чтобы побороть панику, она медленно возобновила свое восхождение. Она уже достигла коридора мисс Лафосс и видела знакомую дверь. Неужели только сегодня утром она подошла к этой двери с робкой надеждой, опасаясь неудачи, молясь, чтобы ее страхи оказались напрасными, и даже в самых смелых фантазиях не представляя, какие приключения ее ждут?

«Теперь все кончено, — подумала мисс Петтигрю. — Это был мой день. Мне очень повезло. Большинство людей не имеют даже этого. Я должна быть храброй».

Она сделала еще один шаг на пути к цели. Шелковистый мех шубы по-прежнему окутывал ее, но согревал только ее тело. В ее душе все перевернулось. Внутренним взором мисс Петтигрю уже видела себя облаченной в свое старое твидовое пальтишко, выдавшую виды шляпку, сбитые туфли. В душе она снова была той самой бестолковой гувернанткой, не имевшей ни мужества, ни решительности, ни очарования. Ни один мужчина не захотел бы посмотреть на нее, такую, какой она была на самом деле. Флирт был просто очаровательной игрой. Мужчины знают, что женщины жаждут лести и удовлетворяют женское тщеславие, за это они ожидают получить ответную похвалу в том же духе. Вот и все. Она продемонстрировала глупую неопытность, приняв эту игру всерьез.

Если завтра она предстанет перед ним в своем истинном облике, мистер Бломфилд подумает, что, ради Бога, теперь с ней делать и как повежливее избавиться от нее? А она будет корчиться от боли, стыда и смущения. Она не сможет увидеть его, она никогда не окажется рядом с ним еще раз.

— Нет, нет. Никогда, — прошептала мисс Петтигрю. — Пусть он вспоминает меня такой, как увидел сегодня вечером.

Она стояла перед дверью мисс Лафосс, отсчитывая про себя время. Около минуты она не могла заставить себя коснуться звонка, чтобы покончить со всем.

«Вы были очень добры, моя дорогая, — подумала мисс Петтигрю. — Я не стану смущать вас».

Она медленно подняла руку и нажала кнопку звонка. Внутри запел колокольчик. Короткое ожидание, и дверь распахнулась.

— Гвиневра, — воскликнула мисс Лафосс. — Вы непослушная девочка. Вы вскружили голову этой старой копченой акуле? Где вы были? Я уже думала, что вы потерялись. Входите же скорей. Джо соблазнил вас? Расскажите нам.

— Я должна... — начала мисс Петтигрю тихо, собирая последние крохи решимости, но мисс Лафосс глядела на нее с такой счастливой улыбкой и выглядела гораздо приветливее, чем при первой встрече.

И мисс Петтигрю струсил.

— Проходите сразу к огню, — приказала мисс Лафосс. — Смотрите, вы же совсем замерзли. Майкл, ленивый тюлень, подвинься.

Мисс Петтигрю подвели к камину. Майкл вскочил на ноги и бросился навстречу мисс Петтигрю. Она обнаружила, что заключена в могучие объятия. Он поднял ее в воздух и крепко расцеловал.

— Я еще никогда так сильно не хотел обнять женщину. Нет, даже не тебя, Делисия. Я готов был остаться здесь на всю ночь, чтобы дождаться вас.

Мисс Петтигрю была изумлена. Она и понятия не имела, что может вызвать такую бурю чувств. Она слишком погрузилась в собственные беды. Но это не значило, что ей не понравилось. Очень даже понравилось. Никогда раньше она не думала, что поцелуи могут быть такими восхитительными. Что она будет делать без них, когда вернется к своей прежней жизни? Розовая от удовольствия, она встала на ноги. Мисс Лафосс заботливо склонилась к ней, улыбаясь им обоим.

— Позвольте помочь вам с шубой, — предложила мисс Лафосс.

— Садитесь, — сказал Майкл.

Электрический огонь ярко пылал в камине. Честерфилд был подвинут ближе к теплу. Кофейник с чашками ждал на столике. Успокаивающий аромат кофе плыл по комнате. Этот запах пробудил в ней отвагу. Мисс Петтигрю заставила себя заговорить.

— Я действительно должна... — смело начала она во второй раз.

— Выпейте чашку кофе, — сказал Майкл. — Вы обязательно должны выпить кофе. Очень опасно замерзать в такую сырую погоду, как сегодня. Я всегда предпочитаю крепкий мороз осенней слякоти.

Он взял кофейник. Мисс Петтигрю обнаружила у себя в руках дымящуюся чашку.

— Я тоже выпью чашечку, — попросила мисс Лафосс.

— И я, — сказал Майкл.

— Садитесь, — повторила мисс Лафосс все еще стоящей мисс Петтигрю. —

Придвиньтесь ближе к огню. Нам столько всего нужно обсудить. Где вы были так долго?

— Я первый, — попросил Майкл. — Я просто обязан узнать, как...

Зазвонил телефон.

— Странно, — сказала мисс Лафосс, поднимаясь на ноги. — В такой час! Откуда они знают, что я не в постели?

— Думаю, они знают тебя, — предположил Майкл.

Мисс Лафосс взяла трубку.

— Алло! Да. Кто это? Да... Конечно... Не слишком рано. Птичка не упорхнет...

Прощайте.

Мисс Петтигрю встала и поставила чашку на столик. Звонок телефона в этом доме всегда был знаком судьбы. Он предвещал опасность. Майкл так же поднялся и поставил свою чашку. Выражение его лица стало немного напряженным. Если пройдоха Калдарелли попытается взять реванш, он покончит с ним. Ей-Богу! Даже если ему придется убить итальяшку.

— Все в порядке, — спокойно сказала мисс Лафосс. — Просто приятель.

Майкл расслабился и с улыбкой повернулся к мисс Петтигрю, которая все еще стояла в неуверенности, пытаясь набраться смелости для своей короткой сцены прощания.

— Сядьте и расскажите, где вы были, — снова потребовала мисс Лафосс.

— Я первый, — сказал Майкл. — Я должен знать. Я не смогу успокоиться, пока не узнаю. Как у вас это получилось? Как в вашей голове могла зародиться такая мысль? Как могла респектабельная девственная леди спровоцировать столь убедительное крушение всех канонов хорошего поведения? Я не паинька, и никогда им не был, но должен признаться, мне никогда и в голову не приходило заехать человеку в челюсть прямо в ночном клубе. Я стоял там, как теленок, а вы сразу распознали критическую ситуацию и направили мои мысли для совершения настоящего мужского поступка, который на самом деле должен был быть совершен еще несколько месяцев назад.

— О! — воскликнула мисс Петтигрю, розовея, как заря.

— Скажите, — попросил Майкл, — в чем вы черпали вдохновение?

Мисс Петтигрю выглядела слегка оробевшей. Все это было так просто объяснить, но если им нравилось думать, что она замечательная, она не могла сопротивляться лести.

— Объясните, — умолял Майкл.

— Этель М. Делл, [\[14\]](#) — сказала мисс Петтигрю.

— А? — удивился Майкл.

— Вы говорите загадками, — заметила мисс Лафосс.

— Все очень просто, — скромно сказала мисс Петтигрю.

— Для вас, — возразила мисс Лафосс, — но не для меня.

— Спич! — потребовал Майкл.

Аудитория была у ног мисс Петтигрю. Она приготовилась произнести речь.

— О! — трепетно начала она. — Объяснение простое. Я успела приобрести очень небольшой жизненный опыт, но сохранила кое-какие женственные инстинкты. Глубоко в женской груди горит любовь к мужчине-завоевателю. Этель М. Делл знала сокровенные мечты нашего пола. Все ее мужчины были настоящими мужчинами. Я тоже понимаю женщин, хотя и глупа во многих других отношениях. Я вспомнила, что вы тоже настоящий мужчина. Ведь вы уже ударили полицейского. Если бы Ник поднялся и дал вам бой, все было бы потеряно. Даже если бы вы избили его, что вполне вероятно, судя по вашему

телосложению, его готовность драться все равно сокрушила бы вас. Но я ставила на то, что Ник трус. И да, он казался именно таким. Это была игра, но я рискнула. Он отступил. Вот и все.

Мисс Петтигрю замолчала, затаив дыхание.

— Все, — выдохнул Майкл.

— Она все понимает, — в страхе сказала мисс Лафосс.

— Вот это женщина! — воскликнул Майкл.

— Настоящая ведьма! — в священном ужасе прошептала мисс Лафосс.

— Я должен отдать вам дань благодарности, — заявил Майкл.

Он снова поцеловал мисс Петтигрю. Вся красная, счастливая и радостная, мисс Петтигрю сказала:

— Вы заставите мисс Лафосс ревновать.

— Конечно, — согласилась мисс Лафосс. — Но даже если вы уведете его у меня, я бы признала, что он выбрал лучшую из женщин.

— Я была в таком ужасе, что вы можете выбрать не того мужчину, — выдохнула мисс Петтигрю в облегчении. — Но теперь вы выбрали правильно, не так ли?

— Да, — сказала мисс Лафосс.

— С вашей помощью, — добавил Майкл.

— Какое облегчение! — слабо произнесла мисс Петтигрю. — Вы даже не представляете.

— Садитесь наконец, — одержал победу Майкл. — Будем праздновать и ликовать.

— Ваш кофе, — забеспокоилась мисс Лафосс. — Должно быть, он остыл. Я принесу свежий. Майкл, помоги мне.

Она подмигнула Майклу, тот проследовал за ней на кухню.

— Телефон... это был Джо, — прошептала мисс Лафосс.

Они вернулись с горячим кофе. Позабыв все свои клятвы, мисс Петтигрю с чашкой удобно сидела на стуле перед огнем. Она жаждала услышать подробности.

— Расскажите, — попросила она, возбужденно сверкая глазами.

— Мы собираемся пожениться, — сказала мисс Лафосс.

— Как можно быстрее, — добавил Майкл.

Они сидели на диване, прижавшись друг к другу, как двое счастливых детей. Женщина, настолько заинтересованная в их благополучии, как мисс Петтигрю, не могла не почувствовать удовлетворения. Этот брак имел для нее особое значение. Майкл наклонился вперед и коснулся руки мисс Петтигрю, его лицо приняло серьезное выражение.

— Благодаря вам, — тихо произнес он.

— Я так счастлива, — застенчиво призналась мисс Петтигрю. — Теперь все мои страхи прошли.

— Мои тоже, — сказала мисс Лафосс.

— Значит, вы одобряете меня? — спросил Майкл.

— Да.

— Несмотря на мой... яркий темперамент? — с хитрым вызовом спросил Майкл.

— Благодаря ему, — сказала мисс Петтигрю.

— Изложите вашу точку зрения, — попросил Майкл.

— Есть люди домашние и люди публичные, — пояснила мисс Петтигрю. — Некоторые предназначены для тихой семейной жизни, а некоторые нет. Мисс Лафосс не

предназначена. И вы тоже. Поэтому будет правильно, если вы объединитесь. Все неприятности случаются, когда пытаются сойтись неподходящие половинки.

— Значит, вы не уверены, что для женщины свадебные колокола должны возвещать отказ от развлечений и карьеры? — спросил воодушевленный Майкл.

— Я не сильна в психологии, — серьезно сказала мисс Петтигрю, — но мне довелось наблюдать изнанку многих браков. Идея целиком посвятить себя семье явно устарела, — осторожно заметила она. — Каждая пара имеет право самой решать, какого образа жизни им следует придерживаться. Если супруги не желают уgomониться, они правы в своем желании. Существует масса доказательств в поддержку этой точки зрения.

— Ваши аргументы очень убедительны, — торжественно объявил Майкл.

— Это большое утешение, — сказала мисс Лафосс, — знать, что мы подходящие половинки.

— Я не имею ни малейшего желания остепениться, — решил Майкл.

— Домашняя рутина убивает, — согласилась мисс Лафосс.

— Две головы, один разум, — провозгласил Майкл.

— Это залог согласия, — подтвердила мисс Лафосс.

— Когда-то, — задумчиво сказала мисс Петтигрю, — я думала иначе. Я мечтала заниматься домашним хозяйством. Это был мой самый чистый идеал супружеского блаженства. Но сегодня я узнала много нового.

— Ах! — пронизательно заметила мисс Лафосс. — Я снова слышу эти нежные призывные нотки в вашем голосе. Вы покорили ими Джо.

— Мистер Бломфилд очень обаятельный мужчина, — осторожно согласилась мисс Петтигрю.

— Вы могли бы свить вместе с ним уютное семейное гнездышко.

— Я об этом не думала.

— Но вы его половинка.

— Оказалось, что у нас общие вкусы, — все так же осторожно ответила мисс Петтигрю.

— Не верь ей, Делисия, — призвал Майкл. — Что за песни сирен? Какие-такие общие вкусы? Что вы сделали с нашим старинной Джо?

— Я настаиваю, — потребовала заинтересованная мисс Лафосс, — чтобы вы рассказали нам о своих темных махинациях с моим старым другом Джо.

— Да, мисс, — подхватил Майкл. — Объясните. Вы с полным бесстыдством и без всяких объяснений возвращаетесь через три четверти часа после нас, хотя все мы вышли вместе.

Мисс Петтигрю покраснела и выглядела немного виноватой.

— А я знаю, — радостно объявила мисс Лафосс. — Он поцеловал ее.

— Он был бы круглым дураком, если бы этого не сделал, — прокомментировал Майкл.

Лицо мисс Петтигрю полностью подтверждало их догадку.

— Я так и знала, — воскликнула мисс Лафосс. — Вы потихоньку от всех целовались. И это после всех ваших воспитательных нотаций. Поехали кататься с беднягой Джо. Разве у него были шансы устоять против ваших чар?

— Ох уж эти женщины, — покачал головой Майкл.

Мисс Петтигрю поспешно собрала обрывки своего достоинства.

— Уверяю вас, — искренне заявила она. — Я сделала это из лучших побуждений. Мистер Бломфилд сказал, что вам необходимо объясниться и вас не следует беспокоить

некоторое время. Он предложил немного задержаться, чтобы дать вам время... поговорить.

Майкл улыбнулся.

— Старина Джо. Я поставлю ему выпивку при нашей следующей встрече.

— А я не верю в это, — сказала мисс Лафосс. — Вы сделали ему глазки, и он не смог сопротивляться.

Вдруг мисс Петтигрю хихикнула и бросила на них нечестиво-шаловливый взгляд. Кокетничать с мужчиной! Безусловно, это было увлекательное занятие.

— Я так и знала, — повторила мисс Лафосс. — Рассказывайте все.

— Признаюсь, — с виноватым удовольствием сказала мисс Петтигрю. — Мистер Бломфилд обнял меня за плечи в такси. Было очень холодно, и он не хотел, чтобы я замерзла.

— О! — воскликнула мисс Лафосс. — Отличное оправдание! Замечательная отговорка!

Мисс Петтигрю обнаружила, что не может рассказать о поцелуях даже мисс Лафосс с Майклом. Это было слишком личное, слишком дорогое воспоминание даже для лучших друзей.

— Ах, вы упрямый Сфинкс! — Заявила мисс Лафосс. — Он поцеловал вас. Признавайтесь.

— Ну, — неохотно призналась мисс Петтигрю, — он поцеловал меня на прощание. Кажется, на континенте есть такая традиция... в Чехии, например.

Майкл и мисс Лафосс расхохотались.

— Ох уж эти чешские обычаи! — радостно воскликнула мисс Лафосс. — В Испании тоже так делают.

— Она не признается ни за что! — причитал Майкл. — Ее уста запечатаны навек.

— Тогда принеси мне консервный нож, — задыхалась мисс Лафосс.

Мисс Лафосс с Майклом дразнили ее. Мисс Петтигрю становилась все румянее и улыбалась все шире. Она совсем забыла об уходе. Стрелка часов ползла по циферблату.

— Господи, — наконец спохватился Майкл. — Мне пора идти.

Это было похоже на звон похоронного колокола, пронзившего сознание мисс Петтигрю. Вдруг она тоже вспомнила и вскочила на ноги.

— Боже милостивый! Я совсем позабыла о времени. Мне тоже пора. Я должна спешить. Как я могла забыть. Я сейчас переоденусь и побегу.

— Ничего подобного, — сказала мисс Лафосс. — Вы останетесь здесь на ночь.

Мисс Петтигрю сражалась с искушением. Чтобы не упасть, она схватилась за спинку стула. Несколько секунд она не могла говорить, потом сделала глубокий дрожащий вдох.

— Спасибо, — произнесла она наконец. — Вы были очень добры, моя дорогая, но я должна идти. Мы провели сегодня с вами очень приятный день, но завтра все будет иначе. Я не могу больше злоупотреблять вашей добротой. Я не вынесу, если этот день будет испорчен... разочарованием.

— Ну вот, — сказала мисс Лафосс. — А я так рассчитывала на вас! Я не думала, что вы будете так жестоки и бросите меня в беде.

— В беде? — переспросила сбитая с толку мисс Петтигрю.

— Если вы уйдете, мне придется остаться, — объяснил Майкл. — Это все из-за него. Это неприлично, я знаю и ради Делисии надеюсь, что никто больше не узнает. Но я должен это сделать.

Мисс Петтигрю переводила растерянный взгляд с одного на другого. Они смотрели на

нее очень серьезно и немного укоризненно. Вдруг она вспомнила, что у Ника был ключ. Знал ли об это Майкл? Он не должен был. Неудивительно, что мисс Лафосс нервничала.

— Если я действительно вам нужна, — запинаясь, сказала мисс Петтигрю. — Если я не помешаю... но я действительно нужна?

— Вы остаетесь, — воскликнула мисс Лафосс. — Я знала, знала, что вы меня не подведете.

— Моя вечная благодарность, — сказал Майкл. — Я не хотел ставить под угрозу репутацию Делисии, но вынужден был это сделать.

— Конечно, нет, — строго ответила мисс Петтигрю. — Я бы не одобрила такой поступок. Если вы уверены, что я нужна вам, я обязательно останусь.

Она думала, что мисс Лафосс уже достаточно скомпрометирована, но Майклу не стоит этого знать. Настало время вести себя, как разумная женщина. И было почти чудом, что она действитено нужна мисс Лафосс в эту ночь. Утром многое будет выглядеть иначе. Она сможет с новым мужеством отправиться на поиски работы. Она не догадывалась, как страшно ей было бы остаться ночевать на улице, пока эта угроза не исчезла. Волна облегчения накатила на мисс Петтигрю, потом отступила, оставив ее совершенно обессиленной.

— Решено, — сказал Майкл. — Я говорил Делисии, что мы можем рассчитывать на вас. Где моя шляпа? Где мое пальто? Где моя женщина? Спокойной ночи, дорогая. Попрощаемся по-чешски.

— Ваше манто, — выдохнула мисс Петтигрю. — Я уберу его в шкаф.

Она схватила шубу мисс Лафосс и поспешно отступила в спальню. Последовала молчаливая пауза, потом хлопнула дверь.

— Горизонт чист, — позвала мисс Лафосс. — Вы можете выйти из подполья. Больше ничто не шокирует вашу скромность.

Глава 16

3:47 — ...

Смущенная мисс Петтигрю вернулась в гостиную.

— Я понимаю, — сказала она, — что молодые люди предпочитают прощаться в частном порядке.

— Вы идеальная подруга, — ответила мисс Лафосс. — Вы столько для меня сделали.

— Но теперь очень поздно. Я думаю, вам лучше всего отправиться прямо в постель и хорошенько выспаться ночью.

— О, нет, — призналась мисс Лафосс. — Я совсем не устала. Давайте посидим и немножко поболтаем. С мужчинами хорошо, конечно, но я обожаю женские сплетни.

— Честно говоря, — счастливо согласилась мисс Петтигрю, — я тоже не устала.

Они уселись перед огнем.

— Значит, вы действительно собираетесь выйти замуж за Майкла, — спросила мисс Петтигрю довольным тоном.

— Да, — сказала мисс Лафосс.

— Не могу вам сказать, как я рада, — искренне призналась мисс Петтигрю. — Теперь я за вас спокойна.

— Значит, вы волновались из-за меня? — удивилась мисс Лафосс.

— Да, — сказала мисс Петтигрю. — Я знала, что в конце концов Ник сделает вас несчастной. Я понимаю, что постороннему человеку очень легко давать советы, это совсем не то, что самому страдать из-за любви, но в этой жизни есть вещи, которые не стоит терять даже ради любви.

— Вы совершенно правы, — рассудительно согласилась мисс Лафосс. — Но без вашей помощи я бы никогда не освободилась. Все было бы бесполезно. Стоило Нику сказать: «К ноге», и я бросилась бы вслед за ним.

Обе женщины молчали несколько минут. Каждая из них видела мысленным взором Ника, медленно выходящего из комнаты, такого красивого с его темными волосами, блестящими глазами, язвительной улыбкой, гибким кошачьим телом. Сегодня Ник проиграл, но он по-прежнему оставался завоевателем и мог принести печаль и радость другим женщинам. Мисс Лафосс всегда будет ненавидеть своих преемниц. Мисс Петтигрю отдала ему последнюю дань сожаления. Возможно, он был злым и жестоким, но, несомненно, исполненным очарования.

— Да, иногда встречаются такие мужчины, — тихо согласилась мисс Петтигрю.

— Да, — вполголоса произнесла мисс Лафосс. — Ник был как раз таким.

Мисс Петтигрю наклонилась вперед и коснулась руки мисс Лафосс.

— Но не сейчас, — взволнованно попросила она. — Обещайте мне. Не сейчас. Даже если он придет сюда и бросится перед вами на колени, обещайте мне, что не вернетесь к нему.

Дверь плотно затворилась за привидением Ника.

— Ни за что, — искренне пообещала мисс Лафосс. — Это было так просто, как вы и говорили. Когда Майкл стоял, возвышаясь над ним, я почувствовала прилив гордости за Майкла. Когда Ник в ярости вскочил на ноги, я почувствовала гордость за Ника. А потом... когда он начал колебаться... Я не знаю. Внутри меня словно выключили кнопку, и я увидела,

что он слеплен всего лишь... из мороженого. И он растаял. Вот и все. Теперь он не смог бы вернуть меня, даже если бы попытался.

— Какое облегчение! — вздохнула мисс Петтигрю. — Словами не описать.

— Такой день! — философски заметила мисс Лафосс. — Все пошло не так, но все пошло хорошо. Но мне страшно подумать, что было бы со мной, если бы вы не пришли.

— Ах, Боже мой! — сказала мисс Петтигрю. — О, Боже!

Она вдруг вспомнила. Она еще не рассказала мисс Лафосс, зачем сюда пришла. Она злостно пренебрегала своим долгом до сих пор, но она не сможет спать спокойно, если не признается. Время пришло. Она уже не могла придумывать новые отговорки.

— Я должна кое-что сказать вам, — произнесла мисс Петтигрю напряженным голосом.

— Да, — выжидательно сказал мисс Лафосс.

— О том, почему я пришла сюда, — отважно призналась мисс Петтигрю. — Я пыталась вам рассказать один или два раза, но вы прерывали меня.

— Я не хотела это знать, — призналась мисс Лафосс. — Излишнее знание о людях отнимает удовольствие от знакомства с ними. Предположим, вы пришли продавать пылесосы, какое разочарование! Кто придет в восторг от визита продавца? Но ведь это не так?

— Нет, — сказала мисс Петтигрю. — Но сейчас вы должны выслушать.

— Теперь я вполне готова, — согласилась мисс Лафосс. — И мне даже интересно. Я попала в отчаянную переделку, но вдруг бац, с небес спустился чудо-работник с крыльями и спас меня из огня.

— Я гувернантка, — сказала мисс Петтигрю. — Я пришла в ответ на ваш запрос в бюро мисс Холт.

Свершилось. Она отвернулась. Она предстала перед мисс Лафосс в своем истинном виде и смиренно ждала ее решения.

— Мой запрос? — спросила мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю кивнула.

— Мисс Холт дала мне ваш адрес.

— О! — невыразительно произнесла мисс Лафосс.

Последовала пауза.

— Предпочитаете работать с мальчиками или девочками? — спросила мисс Лафосс.

— Ах, Боже мой, — нервно сказала мисс Петтигрю. — Я могла бы сказать, что пол ребенка не имеет значения. Но нет. Я полагаю, мы все можем иметь предпочтения. Должна признать, я считаю, что с иметь дело с девочками гораздо проще.

— Вы не будете возражать, если детей будет двое? — спросила мисс Лафосс. — По одному каждого пола. Мисс Петтигрю быстро вскинула голову. Она в смятении бросила взгляд на мисс Лафосс, потом так же быстро отвернулась.

— Вовсе нет, — поспешно ответила мисс Петтигрю. — Я работала с двумя, причем довольно часто.

Мисс Лафосс прыснула от смеха.

— Моя дорогая! Не беспокойтесь. Я просто дразнила вас. У меня нет детей.

— Нет детей?

— Совсем нет. Даже очень маленьких.

— Ах, Боже мой, я так рада! — с облегчением вздохнула мисс Петтигрю.

— Но вы поверили, что они у меня есть, — продолжала мисс Лафосс с хитрой улыбкой.

Мисс Петтигрю посмотрела направо, потом налево и залилась алым румянцем.

— Я смиренно прошу прощения, — сказала мисс Петтигрю в смятении. — Пожалуйста, простите меня. Как я могла такое подумать!

— О, довольно легко, — мисс Лафосс продолжала улыбаться.

Мисс Петтигрю проницательно посмотрела на нее.

— Тогда чьи это дети? — спросила мисс Петтигрю с достоинством.

— Какие дети?

— Ваши дети... Я имею в виду... для кого нужна гувернантка, — мисс Петтигрю начала путаться.

— Нет никаких детей.

— Нет... нет детей?

— Совсем нет.

— Но... ваш запрос?

— На горничную. Моя горничная только что уволилась. Должно быть, мисс Холт перепугала запросы.

— Ах, Боже мой! — сказала мисс Петтигрю ровным голосом. — Конечно. Одновременно был подан запрос на прислугу. Я помню, что она его упоминала. Значит, я не успею. Мое место будет занято.

— Ну, — осторожно сказала мисс Лафосс. — Я надеюсь, что ради меня вы от него откажетесь.

— Ради вас?

— Я хочу сделать вам одно предложение, — сказала мисс Лафосс. — Просто я не решаюсь. Я знаю, что вы леди. Вы не обидитесь?

— На вас никогда, — ответила мисс Петтигрю с тайной надеждой.

— Понимаете, — объяснила мисс Лафосс. — Мы с Майклом поженимся. Совсем скоро. Но у Майкла есть идея-фикс. Он хочет жить в большом просторном доме. Он говорит, что всю молодость прожил со своей семьей вдвоем в маленькой квартирке и никогда не имел собственной комнаты. Теперь он хочет иметь большое пространство. Он уже положил глаз на один красивый дом, но он просто огромен. Мы будем жить там. Я не умею смотреть за домом, я ничего не знаю о домашнем хозяйстве. И я буду проводить много времени на репетициях. Ох, я отвлеклась. Вы... не могли бы отказаться от профессиональной карьеры и переехать к нам, чтобы заботиться о моем доме?

— Я? — прошептала мисс Петтигрю, задохнувшись от неожиданности. — Я... перееду жить к вам с Майклом?

— Я не буду вмешиваться, — обещала мисс Лафосс. — Уверю вас. Вы сможете вести дела, как считаете нужным. Конечно, у вас будут горничные. Я не решаюсь просить вас взять на себя такую обузу, но для меня это было бы чудесно. Я эгоистка, признаю. Я сама это отлично понимаю. Но с вами мой дом всегда будет чистым. Майкл всегда будет получать отличный завтрак и обед. Вы будете идеальной хозяйкой для моих вечеринок, а я смогу наслаждаться жизнью, как гость, и не беспокоиться об угощении и напитках. Очень прошу вас подумать над моим предложением. Вам не обязательно давать ответ сразу.

Мисс Петтигрю начала дрожать. Ей казалось, в ее мозгу вспыхнул ослепительный свет, сияние которого распространялось и распространялось по всему миру. Ее страх навсегда уйдет в прошлое. Вести дом почти самостоятельно. Как она мечтала об этом. Она будет закупать продукты, составлять меню, следить за бельем и уборкой, как любая другая

хозяйка. В ее жизни больше не будет этих ужасных детей и их безжалостных матерей. Она сама будет решать, какие цветы будут стоять в комнатах. Она снова сможет попробовать силы в кулинарии. С тех самых пор, когда она была девушкой, и до сорока лет ей не доводилось приготовить что-либо на свой вкус. Призрак одиночества будет изгнан. На земле воцарится рай. Она обретет мир и покой.

Вдруг ее плечи задрожали, она опустила голову и тихо заплакала. Мисс Лафосс поспешно обняла ее.

— О, Гвиневра! — сказала мисс Лафосс.

— Вы прекрасно знаете, — прошептала мисс Петтигрю, — что сами делаете мне одолжение. Я очень плохая гувернантка. Совсем никудышная. Я ненавижу эту работу. Ненавижу всей душой. Я всю жизнь несла этот тяжкий крест. Я совершенно не справляюсь с детьми. С каждым годом я боюсь их все больше и больше. На самом деле, на моем последнем месте я работала няней. И я старею, скоро я не смогла бы найти даже самого дешевого места. Передо мной лежала прямая дорога в работный дом, а вы предлагаете мне жить с вами. Я не могу не благодарить вас. Только не знаю, как. Я не нахожу слов. Но я буду лелеять ваш дом от подвала до чердака, и вы никогда не пожалеете об этом.

— Но, Гвиневра, вы не должны работать слишком тяжело, — предупредила мисс Лафосс.

— Я настаиваю, — лучезарно улыбнулась мисс Петтигрю.

— Я не могу допустить, чтобы вы изнуряли себя.

— Эта работа будет мне в радость.

— Тогда я попрошу вас не радовать себя слишком много.

— Я должна делать все правильно или не делать вообще.

— Вы можете давать распоряжения горничным.

— А если они поставят синие цветы в комнате с зелеными обоями? Или разобьют лучшую вазу, или постелят влажные простыни? Ну, нет!

— Вы можете контролировать их, и уволить, если они будут работать плохо.

— Я прослежу, чтобы они все делали правильно.

— Но вы не должны пытаться быть везде одновременно, я не могу этого допустить.

— Я, — с негодованием спросила мисс Петтигрю, — или вы будете вести хозяйство в этом доме?

— Вы, — покорно согласилась мисс Лафосс.

— Спасибо.

— Не за что.

Вопрос был решен. Вдруг лицо мисс Петтигрю омрачилось, она опасливо посмотрела на мисс Лафосс.

— А что думает Майкл? — испуганно спросила мисс Петтигрю.

— Это была его идея, — успокоила ее мисс Лафосс. — Он говорит, что вы его талисман, и он не хочет терять вас. Он говорит, что даже если женится на мне, ему все равно нужен удобный дом, а я никудышная экономка.

— Вы оба хороши! — сказала мисс Петтигрю, сияя от счастья. — Он мне льстит. Я буду новичком на этом поприще, но я вложу в ваш дом и душу и сердце. Я научусь. Вам не нужно опасаться. Я избавилась от сомнений. Теперь я другая женщина.

Внезапно она наклонилась к мисс Лафосс и, задыхаясь, спросила:

— Я вам нравлюсь?

— Мне? — повторила удивленная мисс Лафосс. — Конечно, вы мне нравитесь.

— Я имею в виду, на самом деле и по-настоящему. Не просто из вежливости, хотя, наверное, я вам немного помогла. Но я вам действительно нравлюсь, как вы мне?

— Я в этом уверена, — мягко сказала мисс Лафосс. — Вы мне нравитесь больше, чем любая другая женщина, которую я знала в своей жизни.

— А как вы думаете, я могу понравиться мужчине?

— Если бы я была в вашем возрасте, — скромно призналась мисс Лафосс, — или вы в моем, я рухнула бы перед вами, как тонна кирпича. Кстати, это Джо звонил только что. Он приедет за вами завтра.

Мисс Петтигрю встала. Ее плечи развернулись. Глаза просияли.

— Кажется, — сказала она. — У меня наконец-то появился кавалер.

notes

Легкомысленная барышня. Может также употребляться в уничижительном значении — «модница», «щеголиха» (устар.)

Крепкий коктейль.

Либфраумильх (нем. Liebfraumilch) — полусладкое белое немецкое вино, которое производится, в основном на экспорт, в регионах Рейнгессен, Пфальц, Рейнгау и Наэ. Название вина — это немецкое слово, которое буквально означает «молоко Богородицы» («молоко Богоматери»). Часто неправильно переводится как «молоко любимой женщины». Оригинальное немецкое написание слова Liebfrauenmilch дано вину, произведенному из виноградников церкви Liebfrauenkirche или Богоматери в земле Рейнланд-Пфальц города Вормс с 18-го века. Написание Liebfraumilch чаще встречается на этикетках экспортированного вина.

В английской системе мер 1 унция (oz) = 28.35 г.

До перехода на десятичную систему фунт делился на 20 шиллингов, а каждый шиллинг состоял из 12 пенсов, что составляло 240 пенсов в фунте. «s» — таким был знак шиллинга. Со времени перехода на десятичную систему в 1971 году фунт стерлингов был разделен на 100 пенсов (до 1981 года обозначавшийся на металлических деньгах как «новый пенс»). Символ пенни — «р»; следовательно, такая сумма, как 50 пенсов, обычно произносится скорее как «50 пи», а не «50 пенсов». Это также помогло разграничить новый и старый пенсы во время перехода на десятичную систему.

Актерское амплуа. От первого любовника требовалось уметь любить на сцене — и влюблять в себя всех зрительниц (зрителей-мужчин не обязательно).

...Holy suffering mackerel!...

Выражение известно с 1803 года, ныне несколько подзабыто. Происхождение его доподлинно неизвестно. Возможно, это прозвище для католиков, потому что они ели рыбу по пятницам (в отличие от более строгих в отношении обрядности англикан и тем более пресвитериан). Другое возможное объяснение — практика продажи скумбрии (макрели) по воскресеньям, т. к. она быстро портится, в связи с чем эту рыбу называли «святой».

Вот еще пример употребления в английской литературе:

1951, Marguerite Wallace Kennedy, My Home on the Range, Ch.3

«Holy Mackerel! Here Comes the Bride!»

Уильям Кларк Гейбл (1 февраля 1901 — 16 ноября 1960) — американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930—1940-х годов, носивший прозвище «Король Голливуда». Лауреат премии «Оскар» (1935).

Английский полицейский.

Dago (сленг) — в Великобритании уничижительное прозвище людей итальянского, испанского, португальского происхождения. В США применяется преимущественно к итальянцам. Происходит от искаженного испанского имени Diego.

Аберрация — искажение, изменение.

«Белый корабль» — корабль, потерпевший крушение 25 ноября 1120 г. в проливе Ла-Манш, в котором погибло большое число англо-нормандских аристократов, в том числе наследник английского престола Вильгельм Аделин. Его смерть повлекла за собой феодальную анархию в Англии в 1130–1140 годах.

«Волшебница Шалот» (в других переводах «Леди Шалотт», «Волшебница Шелот»), англ. «The Lady of Shalott» — баллада английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892). Стихотворение является основанной на средневековом источнике интерпретацией легенды из Артуровского цикла.

Этель М. Делл — английская писательница и сценаристка, автор популярных любовных романов.

comments

Авалон — мифический остров в дошедших до нас французских и английских обработках кельтских легенд. На Авалоне был перезахоронен легендарный король Артур; в других вариантах легенды: Авалон — место пребывания Феи Морганы. На Авалоне воспитывалась фея Мелюзина.

Как классический элемент Артуровского цикла, Авалон впервые появляется у Гальфрида Монмутского в «Деяниях королей Британии». Согласно хронике Гальфрида, на этом острове был выкован меч Артура, а затем сам король был увезен туда для исцеления после своей последней битвы. Дальнейшее развитие образ Авалона получает в «Житии Мерлина» того же Гальфрида, где практически уподобляется по своему описанию античным «островам блаженных». В этом ключе образ был заимствован более поздней литературной традицией, напр. Альфредом Теннисоном («Королевские идиллии»).

Согласно современному толкованию, миф об Авалоне — отголосок дохристианских сказаний о «стране блаженства», ассоциировавшейся с полуостровом Авалон в Уэльсе, — священном для кельтов.

Любители кельтской старины пытались отыскать ворота в мифический Авалон в разных уголках древней Британии и Ирландии, в частности, на Гластонберийском холме, где в конце XII века была обнаружена некая могила с надписью: «Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Гвиневерой, его второй женой, на острове Авалоне».

«Белый корабль» — корабль, потерпевший крушение 25 ноября 1120 г. в проливе Ла-Манш у берегов Нормандии, в котором погибло большое число англо-нормандских аристократов, включая наследника английского престола Вильгельма Аделина. Его смерть повлекла за собой феодальную анархию в Англии в конце 1130—1140-х гг.

«Белый корабль» был построен в Нормандии Томасом Фиц-Стефаном, чей отец служил капитаном во флоте Вильгельма Завоевателя во время завоевания Англии. Он считался одним из лучших нормандских кораблей, построенным по последнему слову техники. В конце 1120 г., после завершения подавления восстания баронов Нормандии и отражения вторжения Людовика VI, английский король Генрих I Боклерк решил вернуться в Англию. Для переправы через Ла-Манш ему был предложен «Белый корабль». Однако король, уже договорившийся об использовании другого судна, передал «Белый корабль» своему сыну Вильгельму. Вместе с последним на нем должна была вернуться в Англию большая группа придворных и англо-нормандских аристократов.

В момент отплытия корабля на нем находилось около трехсот человек, включая 140 рыцарей и 18 знатных дам. Помимо принца Вильгельма в их числе были незаконнорожденные дети Генриха I Ричард и Матильда, графиня Першская, Ричард д'Авранш, граф Честер, и его жена Люсия-Маго Блуаская, сенешаль Гийом де Пиру и еще несколько крупных англо-нормандских баронов. Среди пассажиров должен был быть и Стефан Блуаский, племянник короля Генриха I, но незадолго до отплытия он сошел на берег, по свидетельству Ордерика Виталия, из-за заболевания дизентерией. Отправление «Белого корабля» сопровождалось празднеством и распитием вина, в большом количестве доставленного на борт по приказу принца Вильгельма, в результате чего пассажиры и команда к отплытию уже находились в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Отход корабля задержался до позднего вечера 25 ноября 1120 г., когда остальные суда английского короля уже находились в Ла-Манше. Вильгельм приказал матросам ускорить греблю, чтобы наверстать упущенное время и догнать королевский флот. Но при выходе из эстуария Сены, неподалеку от Барфлера, «Белый корабль» в темноте наткнулся на полускрытую в воде скалу и быстро пошел ко дну. Вильгельму, по легенде, удалось воспользоваться спасательной лодкой, но при попытке спасти свою сестру Матильду Першскую и других придворных он также разбил лодку и утонул. В катастрофе погибли все находящиеся на борту «Белого корабля». Согласно легенде, выжил лишь один человек — мясник из Руана по имени Берольд, который и рассказал историю гибели судна.

Гибель принца Вильгельма, единственного законного сына и наследника короля Генриха I, резко осложнила династическую проблему в англо-нормандской монархии. Вскоре после этого в Нормандии вновь вспыхнуло восстание, поддержанное королем Франции и графом Анжуйским, с целью возвести на нормандский престол Вильгельма Клитона, племянника Генриха I. Английский король первоначально остановил выбор своего наследника на Стефане Блуаском, счастливо избежавшем плавания на «Белом корабле», однако в 1125 г. решил провозгласить наследницей свою дочь Матильду. Перспектива передачи престола женщине вызвала недовольство среди части англо-нормандских аристократов и после смерти Генриха I в 1135 г. в стране началась затяжная гражданская война между сторонниками Стефана Блуаского и Матильды.